

С О В Е Т С К А Я ТЮРКОЛОГИЯ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР



АКАДЕМИЯ НАУК
АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР



БАКУ - 1980

4

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
АКАДЕМИЯ НАУК АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ССР

С О В Е Т С К А Я Т Ю Р К О Л О Г И Я

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1970 ГОДУ

Выходит 6 раз в год

№ 4

И ЮЛЬ — АВГУСТ

БАКУ — 1980

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

**Г. А. АБДУРАХМАНОВ, З. А. АХМЕТОВ, Н. А. БАСКАКОВ, М. З. ЗАКИЕВ,
С. Н. ИВАНОВ, С. К. КЕНЕСБАЕВ, А. Н. КОНОНОВ, Х. Г. КОРОГЛЫ,
М. К. НУРМУХАМЕДОВ, Б. О. ОРУЗБАЕВА, Г. З. РАМАЗАНОВ,
И. С. СЕИДОВ (заместитель главного редактора), Э. Р. ТЕНИШЕВ, Е. И. УБРЯТОВА,
Б. Ч. ЧАРЫЯРОВ, М. Ш. ШИРАЛИЕВ (главный редактор)**

Ответственный секретарь — Н. Г. НАДЖАФОВ

Адрес редакции: 370143, ГСП Баку-143, просп. Нариманова, 31. Академгородок

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. БАСКАКОВ

ПРОЦЕССЫ АРЕАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЯЗЫКОВ

Ареалы тюркских языков сложились в процессе длительного и последовательного исторического развития. Выделившись в древнейшую алтайскую эпоху из общей алтайской семьи языков, тюркские языки, постепенно формируясь, претерпели дальнейшие преобразования — дифференциацию и интеграцию. В хуннскую эпоху дифференциация тюркских и наиболее близких к ним из алтайской семьи монгольских языков завершилась. Формирование тюркских языков в эту эпоху было связано с распадом великого Хуннского объединения на Восточный и Западный хуннские союзы. После этого распада на Западе наряду с более поздними огузской, кыпчакской и карлукской общностями существовал древнейший реликтовый регион болгарской общности, сохранившей следы переходных фонетических и грамматических явлений, присущих тюркским и монгольским диалектам алтайской эпохи. На Востоке же образовались две основные группировки тюркских языков — уйгуро-огузская и киргизско-кыпчакская, сохранившие также древние фонетические, лексические и грамматические особенности, отличающие всю восточную ветвь тюркских языков от западной.

Таким образом, история формирования тюркских языков, а также образования их диалектных систем связана с последовательным развитием различных родоплеменных объединений, из которых наиболее глубокие следы в современных тюркских языках и диалектах оставили болгарский, огузский, кыпчакский, карлукский и уйгурский союзы¹.

Каждый из этих племенных союзов сохранил в своих языках и диалектах специфические особенности, которые до настоящего времени характеризуют членение всех тюркских языков на соответствующие группы и географические ареалы.

Остановимся на наиболее устойчивых и характерных системных сочетаниях этих специфических особенностей или признаков, сохранившихся в языках и диалектах болгарского, огузского, кыпчакского, карлукского и уйгурского ареалов.

В основу статьи положен доклад на III Международном тюркологическом конгрессе в Стамбуле (1980).

¹ Н. А. Баскаков. Этнолингвистическая классификация диалектных систем современных тюркских языков. Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук. М., 1964; *его же*. Различные структуры диалектных систем тюркских языков и характер изоглосс общетюркского диалектологического атласа. — «Советская тюркология», 1972, № 5; *его же*. Эволюция формирования некоторых типов диалектных систем тюркских языков. — В сб.: «Лингвистическая география, диалектология и история языков». Ереван, 1976, стр. 5—20.

Булгарский ареал, географически относящийся к Поволжью и составивший группу из двух, сохранивших свои следы, древних (булгарского и хазарского) и одного современного (чувашского) языков, характеризуется следующими чертами: 1) специфической системой гласных; 2) ламбдаизмом, то есть соответствием $л > ш$ в других тюркских языках; 3) ротацизмом, то есть соответствием $р > з$ в других тюркских языках; 3) наличием так называемых протетических согласных $й$ и $в$ в анлауте слов, при отсутствии их в аналогичных позициях в других тюркских языках. Наличие этих специфических черт составляет системную или комплексную изоглоссу, характеризующую отношение указанных языков к булгарским языкам и соответственно к булгарскому ареалу. Языки или диалекты, в которых отсутствует этот комплекс признаков, не могут быть отнесены к булгарским языкам, а наличие одного или двух из приведенных признаков, например в татарском и башкирском языках, указывает лишь на субстратное или адстратное влияние булгарских языков на данные языки или же в некоторых случаях на общее генетическое происхождение какого-либо из данных признаков.

Огузский ареал, охватывающий Малую Азию, часть Балканского полуострова, Южную Молдавию, Азербайджан, северные районы Ирана, Ирак, Сирию, Туркмению, включает языки: азербайджанский, турецкий, гагаузский, туркменский, диалекты балканских турков, диалекты азербайджанцев и туркмен Ирана, Ирака и Сирии, огузские диалекты узбеков. Общими чертами этих языков являются следующие специфические особенности: 1) наличие звонких анлаутных согласных $д$, $г$, $з$ вместо соответствующих глухих в других тюркских языках; 2) активизация следующих моделей словообразования и словоизменения: а) масдаров на $-мак/-мек$ вместо тех же форм на $-ыш/-иш$ и $-ыџ/-иџ$ в других языках; б) причастных форм на $-мыш/-миш$, $-асы/-еси$, $-дык/-дик$ и $-ан/-ен$ вместо $-ган/-ген$ в других языках; в) падежных форм — направительно-дательного на $-а/-е$ вместо $-га/-ге$, винительного на $-ы/-и$, родительного на $-ын/-ин$ вместо $-ны/-ни$ и $-ның/-ниң$ — в других языках. Все эти признаки составляют системную или комплексную изоглоссу, характеризующую огузские языки. Наличие в других языках тех же единичных признаков характеризует только адстратное или субстратное влияние огузских языков, а иногда это связано с генетическим происхождением, ср., например, влияние соседних огузских диалектов узбекского, а также туркменского языка на каракалпакский язык, в некоторых говорах которого имеются звонкие начальные $о$ и $г$.

Кыпчакский ареал, географически охватывающий часть Поволжья, Северный Кавказ, Казахстан, часть Хорезма, Киргизию и Горный Алтай, представлен следующими языками: караимским, крымско-татарским, кумыкским, карачаево-балкарским, татарским, башкирским, ногайским, казахским, каракалпакским, киргизским, кыпчакскими диалектами узбекского и южными диалектами алтайского языков. Специфическими общими чертами кыпчакских языков и диалектов являются: 1) ослабление в ауслауте сочетаний гласных с согласными $г$ и $ф$ и переход их в дифтонгоидные сочетания или в долгие гласные, ср., например, $таг > таџ > тоо \sim туу$; 2) неустойчивость согласного $й$ в анлауте и переход в $ж \sim дж \sim дь$; 3) активизация следующих моделей словообразования и словоизменения: а) масдаров на $-ыџ/-иџ \sim -уу/-ѳѳ$ вместо $-мак/-мек$ и $-ыш/-иш$ в других языках; б) причастий на $-ган/-ген$ вместо $-мыш/-миш$; в) полного форманта родительного падежа $-ның/-ниң \sim -нын/-нин$ вместо усеченного $-ын/-ин$; г) наличие сокращенной формы винительного падежа имен с аффиксом принадлежности третьего лица $-ын/-ин$. Совокупность этих признаков характеризует только кыпчакские языки.

Наличие же отдельных из них в некупчакских языках может быть объяснено только либо общегенетическим наследием, либо адстратным или субстратным влиянием.

Карлукский ареал, географически охватывающий часть Средней Азии и Восточный Туркестан (современный Синдзян-уйгурский автономный район Китайской Народной Республики), представлен узбекским (карлукские диалекты) и уйгурским языками. Специфическими общими чертами карлукских языков и диалектов являются: 1) наличие индифферентного гласного *и*; 2) активизация следующих моделей словообразования и словозменения: а) масдаров на *-ыш/-иш* вместо *-мак/-мек* — в огузских и *-ыѣ/-иѣ* — в кыпчакских языках; б) причастных и деепричастных форм на *-гулук*, *-гудак*; в) форманта *-дын/-дин* исходного падежа; г) стандартных форм падежей при именах с аффиксами принадлежности: винительного на *-ны/-ни*, дательного на *-га/-ге*, родительного на *-ның/-ниң*. Все эти признаки в своем комплексе характеризуют карлукские языки и диалекты.

Уйгурский или огузо-уйгурский ареал, географически охватывающий часть Восточной Сибири, представлен следующими языками: тувинским, якутским, тофаларским (тофским), хакасским, чулымским, шорским и северными диалектами алтайского (ойротского) языка. Специфическими, общими чертами языков и диалектов этого ареала являются: 1) наличие согласных *д/т* и *з/с* в ряде соответствий *й ~ д/т ~ з/с ~ р*; 2) наличие вторичных долгих гласных или дифтонгоидов в анлауте и инлауте вместо сочетаний типа *аг/ег*, *ог/бг* и т. п.; 3) оглушение согласных в анлауте; 4) активизация числительных, обозначающих десятки типа — *төртөн < төрт он*, *алтон < алты он* и т. п. Перечисленный набор признаков составляет системную или комплексную изоглоссу, характеризующую языки и диалекты уйгурской или уйгурско-огузской группы тюркских языков.

При определении указанных выше основных ареалов отношения каждого конкретного языка или диалекта к исторически существовавшим древним племенным объединениям (булгарскому, огузскому, кыпчакскому, карлукскому и уйгурскому или огузо-уйгурскому) данные системные или комплексные изоглоссы являются решающими.

Кроме рассмотренных выше основных системных изоглосс, могут быть установлены более частные комплексные изоглоссы, определяющие позднейшие смешанные ареалы, свидетельствующие об отношении данного языка к древним племенным союзам, например: к огузо-булгарскому (гагаузский и диалекты балканских турков); к огузо-сельджукскому (азербайджанский, турецкий); к огузо-туркменскому (туркменский); к кыпчакско-половецкому (караимский, кумыкский, карачаево-балкарский, крымско-татарский); кыпчакско-булгарскому (татарский, башкирский); к кыпчакско-ногайскому (ногайский, казахский, каракалпакский); к киргизско-кыпчакскому [киргизский и южные диалекты алтайского (ойротского) языка]; к уйгуро-хакасскому (хакасский, шорский, чулымский, камасинский, сарыг-югурский); к уйгуро-якутскому (тувинский, тофаларский, якутский).

Кыпчакско-булгарская подгруппа тюркских языков, к которой относятся из современных языков татарский и башкирский, по основной своей комплексной изоглоссе принадлежит к ареалу кыпчакских языков, но в силу исторических факторов — заселения кыпчаками территории ранее занятой булгарами, — язык булгар как субстратный язык оказал значительное влияние на пришельцев-кыпчак, из которых позже в результате смешения с булгарами образовались народности татар и башкир, носителей татарского и башкирского языков, характеризую-

щихся следами воздействия на них болгарского языка. Специфическими чертами, выделяющими эти два языка из среды кыпчакских языков, являются следующие: 1) отсутствие в системе гласных этих языков широких *о*, *ö* и *е* и замещение их узкими *у*, *ü* и *и*, то есть *кул* вместо *кол* 'рука' — в других кыпчакских языках; *күл* вместо *көл* 'озеро' — в других кыпчакских языках и *ит* вместо *ет* 'мясо' — в других языках; 2) наличие лабиального *а*, например, *калды* вместо *калды* 'он остался' в других языках и некоторые другие особенности.

Любопытно, что явления, близкие к этим, наблюдаются также на крайнем востоке распространения тюркских языков — в современных диалектах хакасского, алтайского и других сибирских тюркских языков, а также в древнетюркских языках, что объясняется общим наследием древних тюркских языков, входивших в Хуннский союз.

Системные изоглоссы с большей достоверностью раскрывают исторические связи диалектов между собой и исключают случайное объединение отдельных явлений, возможное при использовании только несистемных изоглосс. Состояние монографического изучения диалектов тюркских языков позволяет определить их основные лингвогеографические ареалы, каковыми являются: Огузский ареал (его границы по существу могут быть определены юго-западной зоной локализации), Кыпчакский ареал (северо-восточная зона), Булгарский ареал (северо-западная зона), Карлукский ареал (юго-восточная зона) и Уйгурский ареал (северная зона). Выделяются также и маргинальные зоны внутри и между каждым из основных ареалов.

Уточнение границ этих ареальных и маргинальных зон — одна из актуальных задач лингвогеографического исследования тюркских языков².

² N. A. Baskakov. Zones marginales et aires dans l' evolution des langues turques. — «Acta Orientalia Hungaricae». Tomus XXXII, fasc. 2, Budapest, 1978.

А. А. ЮЛДАШЕВ

ИСТОРИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ ВЗАИМНОГО ЗАЛОГА ТЮРКСКОГО ГЛАГОЛА

Взаимный залог представлен в тюркских языках единой морфемой, наиболее древние алломорфы которой отмечены в ранних письменных памятниках и сохранились в турецком, туркменском, гагаузском, узбекском и уйгурском языках: $-\dot{s}$ (после финальных гласных), $-u\dot{s}/-y\dot{s}$ (после финальных согласных в твердом сингармоническом варианте), $-\ddot{u}\dot{s}/-i\dot{s}$ (после финальных согласных в мягком варианте). Все остальные алломорфы этой морфемы являются фономорфологическими инновациями, возникшими на почве эволюции $*\dot{s} > s$ (каз., ног., ккал., хак., сал., як. и другие языки) $> h$ (як.), $*\dot{s} > \dot{z}$ (тув.) и варьирования аффиксального гласного по небной ($y:e, i; u:\ddot{u}$) и губной (баш. $y > o, e > \ddot{o}$) гармонии или его расширения (аз. $-a\dot{s} < -y\dot{s}, -\ddot{a}\dot{s} < -i\dot{s}$).

Форма на $-\dot{s}$ в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках прямых соответствий не имеет¹. Тем не менее она в своих основных значениях находит в монгольских и маньчжурском языках типологическую общность, свидетельствующую о древности становления и стабилизации взаимного залога. О том же еще убедительнее говорит семантическая идентичность формы на $-\dot{s}$ во всех древних и современных тюркских языках.

В основе взаимного залога лежит, вероятно, форма множественного числа, как это предполагают отдельные тюркологи, возводя морфему $-\dot{s}$ к рудиментарному показателю множественности $-z$ ($> s > \dot{s}$)² и ссылаясь на широкое ее употребление в киргизском и узбекском языках для выражения множественного числа глагола³.

В пользу этой гипотезы могут быть приведены следующие доводы:

1) значение множественного числа почти во всех современных и древ-

¹ Правда, отдельные алтаисты генетически связывают ее с монгольской (Г. Рамstedт, В. Котвич) и маньчжурской (В. Котвич) формой на $-\dot{\text{ča}}$ (G. Ramstedt. Zur Verbals-tammbildungslehre der mongolischen-turkischen Sprachen. — «Journal de la Societe finno-ougrienne», XXVIII. Helsinki, 1913, стр. 29; В. Котвич. Исследования по алтайским языкам. М., 1962, стр. 206). Но правомерность этого сопоставления, как и гипотезы $-\dot{s} > a\dot{s}$ 'сотоварищ, соучастник' (Н. Остроумов, В. Банг и др.), нуждается еще в доказательствах, тем более, что монг. $-\dot{\text{ča}}$ выражает только совместный залог (взаимный имеет другие формы) и то обычно в сочетании с аффиксом $-l$ ($-l\dot{\text{ča}}/-l\dot{\text{če}}$).

² Эту гипотезу в порядке постановки вопроса выдвинул А. Н. Қононов («Грамматика современного узбекского литературного языка». М.—Л., 1960, стр. 188), отметивший регулярное использование аффикса $-\dot{s}$ в 3-м лице для выражения множественного числа (там же, стр. 83).

³ В. Г. Кондратьев. Очерк грамматики древнетюркского языка. Л., 1970, стр. 25; Ә. М. Азнабаев, В. Ш. Псянчин. Башкорт теленен тарихи морфологияһы. Өфө, 1976, стр. 156.

них тюркских языках, особенно широко — в киргизском, казахском и узбекском, довольно часто выражает аффикс *-š*; 2) явно производная и относительно поздняя морфема *-lar* проникла в систему глагола гораздо позже уцелевшей в 1-м и 2-м лице формы множественного числа на *-z* и дошедшей до нас рудиментарно морфемы множественного числа *-q/-k* (1-е лицо условного и желательного наклонений прошедшего категорического времени индикатива); 3) в разделительных числительных на *-šar/-sär*, образуемых от количественных числительных, начиная только с *eki* (баш. *ikešär* 'по два', *altyšar* 'по шести' и т. п.), и в аффиксах кратности *-štyr* (баш. *ıqyštır* 'читать время от времени'), связанных с выражением множественности, инициальный элемент *-š* представляет нашу форму; 4) в древнетюркском *toquš* 'скот, предназначенный на убой' (ДТС 577); *oıuš* (ДТС 365) ~ *ıuıš* (Габен 377) 'племя, родственник, (МК) родственники' (*Oıušly äg* МК I 163 'Человек, имеющий родственников', *oıušlaп* МК I 288 'приобрести родственников, завести семью, детей'), *arquš* 'караван' (ДТС 54), *jarmaš* (МК III 47; ср. совр. *jarma*) 'крупя', *ekiš* 'отходы после расплавления металла' (МК I 143) и в более поздних образованиях типа *jemiš* 'фрукты' (*jem* 'корм, еда'), созданных по их образцу, морфема *-š* выражает собирательную множественность, характерную также для чув. *rip eš* 'вся тысяча' (*rip* 'тысяча'); 5) в письменных памятниках XVI—XIX веков и в отдельных узбекских говорах, аффикс *-š*, как и форма множественности на *-lar* в узбекском и некоторых других языках, употребляется при вежливом обращении на «Вы»⁴; 6) алломорф *-s⁵*, представляющий по данной гипотезе промежуточное звено между **-z* и *-š* и имеющий в тюркских языках довольно широкое распространение, в якутском языке по отношению к алломорфу *-h*, производному от него, выступает как исконная морфема и иногда употребляется в значении взаимного залога в рамках одного и того же глагола дважды, не внося никакого дополнительного значения и отражая, должно быть, какое-то свое былое состояние.

Самым убедительным доводом служит здесь тот факт, что морфема *-š* действительно обозначает множественное число в древнетюркском *üküş* (ДТС 624) ~ *ügüş* (Радлов I 1811) ~ *öküş* (МК I 93) 'много, множество' (от *ük-* 'собирать, накапливать' ДТС 624, ср. также *ükül-* 'увеличиваться, накапливаться' ДТС 624). Поскольку, однако, по выражению множественности в том же слове с морфемой *-š* конкурирует *-l* (ср. древнетюркское *ükül* 'много, множество' ДТС 623, 'куча, пучок, множество' Радлов I 1180), форму на *-š* можно возвести к **-l* со значением множественности с большим основанием, чем к **-z*. Во-первых, гипотеза *-š > -l* согласуется с закономерным чередованием *l ~ š*, уходящим в глубокую древность, оставляя следы и в ауслауте (ср. общетюркское *qoš-* 'слить, соединить, сложить вместе' > *qoš* 'двойной, состоящий из двух слитых частей' ~ мон. *holix-* 'смешать, перемешать'). Во-вторых, морфемы *-š* и *-l* дублируют друг друга в значении множественности и в отдельных формах глагола типа древнетюркского *täriš-* ~ *täril-* 'собираться (о многих)' от *tär-*⁶. *Imrām tärīšdi*

⁴ Э. Фазылов. Материалы по истории узбекского языка. — «Вопросы тюркологии». Ташкент, 1965, стр. 88—89.

⁵ Алломорф *-s*, представляющий морфему множественного числа **-z*, можно усмотреть в чув. аффиксе множественного числа *-sem/-sam*, *-sen/-san*, где *-em/-am* > *-en/-an*, быть может, представляет собой плеоназм > множественное число на *-en/-an* (ср. древнетюркское *äg-än* 'люди' от *äg* 'мужчина').

⁶ Ср. также древнетюркское *ıgıš-* 'сражаться, воевать, (CCW 266) бороться' ~ *ıgil-* 'спорить' (CCW 266) > *ıgul-*; *jätis-* (каз. *žetis-*, баш. *jeteš-* и т. д.) ~ *jetil-* (Фазылов I 520) 'зреть, созреть', (Фазылов I 520) 'появляться' (ср. также *jitil-* 'идти вместе', Фазылов I 520) и др.

(МК I 107) 'народ собрался', *on tūmān sū tārilti* (Топ³⁶) 'собралось десять тысяч войска'. В-третьих, что самое главное, морфема *-l* представляет истоки ряда производных аффиксов, связанных с обозначением множественности: 1) аффикс множественного числа *-laŋ/lāŋ*, где *-l* выделяется как морфема в одном из значений множественности, а *-aŋ/-āŋ* — в другом,⁷ связанном, с одной стороны, с разделительным множественством на *-šaŋ/-šār*, *-aŋ/-ār* (*törtär* 'по четыре', *jüzär* 'по сто, сотнями' Фазылов II 697), с другой — с собирательным множественством (*tat* 'чужеземец' + *aŋ* > этноним, *ügür* 'стадо, табун, стая' от *ök-* 'собирать, накапливать'); 2) аффикс *-luŋ/-lik* с деривационным значением «место, изобилующее тем, что обозначено производящей основой» (баш. *uŋmanluŋ* 'местность, покрытая лесами' *qajunluŋ* 'березняк'), где *-l* выделяется в значении множественности, а *-uŋ/-ik* обнаруживает генетическую связь с отглагольными именами, обозначающими место (ср. *keŋüg* 'переправа, брод' от *keŋ-* 'переправиться', *aruŋ* 'арык' от *aŋ-* 'отделять'); 3) аффикс *-lar/-lār* в значении приблизительного множества (баш. *utudlar* 'около тридцати'); 4) аффикс *-lu/-li* в значении комитатива (древнетюркское *tānili jerli* 'небо и земля, небо с землей' ДТС 319); 5) аффиксы *-qala/-kalā* (баш. *kilgelā-* 'приходить время от времени'), *-ala/-ālā* (баш. *huqqyla-* 'постукивать'), *-lda/-ldā* (баш. *qutqylda-* 'кудахтать', *qyjmylda-* 'пошевеливаться'), *-len* (чув. *kullen* 'ежедневно', *sullen* 'ежегодно') со значением кратности, представляющим собой дальнейшее развитие значения множественности, в котором морфема *-l* отмечена В. Котвичем в составе некоторых аффиксов в ряде алтайских языков⁸.

Общетюркское *-š* как показатель взаимного залога исторически является, по всей вероятности, алломорфом исконной морфемы *-l*, рудиментарно дошедшей до нас в разных значениях множественности не только в перечисленных образованиях, но и в составе аффиксов взаимного залога *-lda/-lde* и совместного залога *-lča/-lče* монгольских языков, которые нередко выражают просто множественность действий и их производителей⁹.

Форма на *-š* характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках многозначностью, употребляясь: 1) в значении множественного числа, 2) в трех основных значениях взаимного залога: а) совершение действия сопряженными субъектами по отношению друг к другу (взаимное значение), б) совершение параллельных однородных действий двумя или несколькими субъектами (совместное значение), в) оказание помощи одного субъекта другому в осуществлении данного действия (значение соучастия в действии), 3) в деривационных целях: а) в значении среднего залога, б) в значении действительного залога. Из этих значений исходным является, очевидно, значение множественности обозначаемого глаголом действия, с которым так или иначе связаны все остальные значения формы на *-š* как с инвариантом, послу-

⁷ Категория множественности как в логическом, так и в лингвистическом ее понимании многогранна (см.: А. А. Холодович. Проблемы грамматической теории. Л., 1979, стр. 173—195). Так что наличие в одной и той же словоформе двух разных показателей ее вполне допустимо, тем более, что эти показатели выражают различные аспекты множественности. Относительно этимологии *-laŋ/-lāŋ* существует целый ряд гипотез, нуждающихся в доказательствах (см.: А. М. Щербак. Очерки по сравнительной морфологии тюркских языков. Имя. Л., 1977, стр. 83 и сл.).

⁸ В. Котвич. Указ. раб., стр. 109.

⁹ Г. Д. Санжеев. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1963, стр. 60.

Морфема *-l* в значении множественности, соответствующем тюркскому *-laŋ*, сохранилась в тунгусо-маньчжурских языках (см.: В. Котвич. Указ. раб., стр. 110).

жившим для них истоком¹⁰. Наряду с доводами, изложенными при рассмотрении происхождения формы на -š, это подтверждается следующими фактами:

1. Во всех тюркских языках форма на -š устойчиво выражает значение множественности в одних и тех же древнейших глаголах типа *sajraš*- 'щебетать, петь (о многих птицах)', *jyylaš* > *jylaš*- 'плакать' (о многих)', *külüş*- 'смеяться (о многих)' *jügügüş*- 'бежать (о многих)', *jyrlaš*- 'петь (о многих)' и в многочисленном составе звукоподражательных глаголов, созданных по древним моделям на -la, -qur/-ker, -lda, -gda¹¹, что едва ли может быть объяснено случайным совпадением результатов исторического ее развития на почве отдельных языков.

2. В письменных памятниках форма на -š в значении множественности употребляется в целом гораздо шире, чем в большинстве современных тюркских языков¹², исключая узбекский¹³, киргизский и отчасти казахский языки, где она сплошь и рядом выступает в значении морфемы -lar, особенно в глаголах движения (ср. кир. Studentter leksäjeja kelišti 'Студенты пришли на лекцию').

3. Как в древних, так и в современных тюркских языках категория множественного числа располагает специальными формами и характеризуется в системе глагола достаточной развитостью, исключающей возможность сколько-нибудь убедительного объяснения такого широкого

¹⁰ Противоположное суждение по данному вопросу предложил Э. В. Севортян. По его мнению, от значения совместности отделилось так называемое значение совокупности, послужившее базой для становления и развития впоследствии значения множественности, которого, как он категорично утверждает, еще не было в эпоху Махмуда Кашгарского (Э. В. Севортян. Аффиксы глаголообразования в азербайджанском языке. М., 1962, стр. 156). К этому заключению Э. В. Севортян пришел, очевидно, на том лишь основании, что Махмуд Кашгарский, перечисляя основные значения формы на -š, не упомянул значения множественности, хотя на показательных примерах широко отметил однозначное его проявление, которое непредубежденный читатель не может не заметить, если он, конечно, пользуется материалами Махмуда Кашгарского непосредственно: *qušlar sajraşdy* (МК III 194) 'птицы пели', *budun qamuş külüşdi* (МК II 124), 'все люди смеялись', *böri barça uluşdy* (МК I 197) 'все волки были', *oylan jügrüşdi* (МК III 112) 'дети бежали', *kişi qamuş suxraşdy* (МК I 123) 'все люди горько плакали', *jünd qamuş oqraşdy* (МК I 128) 'все лошади ржали', *at azğur qalyşdy* (МК II 122) 'кобылицы и жеребцы прыгали', *atlar qamuş soçuşdy* (МК II 98) 'все лошади ржали' и многие другие.

Изложенную точку зрения Э. В. Севортяна разделяют по существу Л. Н. Харитонов и Х. Г. Нигматов, считая первоначальным содержанием формы на -š взаимно-возвратное значение, которое на деле представляет ее частное производное значение, закономерно возникающее лишь у строго определенного круга глаголов типа *kö-* 'видеть' в полной зависимости от их лексического значения и синтаксических потенций (Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М., 1963, стр. 50; Х. Г. Нигматов. Залого глагола в восточно-тюркском языке XI—XII веков. — «Советская тюркология», 1973, № 1, стр. 51).

¹¹ Примеры: 1) на -la: баш. *şavlaş*- 'шуметь (о многих)', *gözläş*- 'жужжать (о многих)', *yüzläş*- 'шипеть (о многих)', 2) на -yur: баш. *aquyş*/-*baquyş*- 'орать, вопить (о многих)', *qusquyş*- 'кричать, горланить (о многих)', 3) на -lda: кир. *baqyldaş*- 'орать (о многих)', *qaqyldaş*- 'кудахать (о многих)', *baqyldaş*- 'галдеть (о многих)', тат. *baqyldaş*- 'квакать (о многих)', *bezeldäş*- 'визжать (о многих)', *byzyldaş*/-*byzlaş*- 'жужжать (о многих)', 4) на -gda: баш. *lyuygdaş*- 'тараторить (о многих)', *tapuygdaş*- 'стучать ногами (о многих)', *tyrugdaş*- 'выбивать дробь ногами (о многих)'.

¹² Х. Г. Нигматов, рассматривая залого глагола на материалах письменных памятников XI—XII веков, отметил, что форма на -š в совместно-множественном значении, отражающем простую множественность действующих лиц, может быть образована чуть ли не от всякого глагола (Х. Г. Нигматов. Указ. раб., стр. 55). По мнению Э. И. Фазылова, в письменных памятниках XIII века она в этом значении находит еще более широкое применение, чем в источниках XII века (Э. Фазылов. К истории взаимно-совместного залого. — «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 85—86).

¹³ В узбекском языке форма на -š в значении множественности доминирует над всеми ее остальными значениями, как это отметил Э. И. Фазылов (Э. Фазылов. К истории взаимно-совместного залого, стр. 95).

использования формы на -š для ее выражения, как следствие относительно позднего, а тем паче конечного этапа в историческом развитии этой формы на почве отдельных тюркских языков.

4. При форме на -š аффикса множественного числа -lağ обычно не бывает¹⁴. Ol qaп joq bolduqqa kăstă ħl jătmis, uċuymys, qaċuŷmys 'Затем, когда хана не стало, народ наш погиб, рассеялся, разбежался' (Ахметов 55), Eġăп qaмuу kăsaŷdi (МК II 110) 'Все люди хотели приобрести (имущество)'.

5. Форма на -š в значении множественности, вне всякого сомнения, входит в сферу основного залога, трансформацию и модификацию которого представляет собой взаимный залог, отделившийся от него и выражающий главным образом особый вид биносубъектности при двух сопряженных активных действиях. Форма на -š в значении множественности, как и основной залог в форме множественного числа, предполагает обобщенное выражение однородных сопряженных субъектов одним и тем же названием в форме множественного числа, тогда как при взаимном залоге во всех его трех значениях сопряженные субъекты обычно имеют раздельное лексическое выражение, и к тому же название одного из субъектов занимает в определенных случаях позицию косвенного дополнения в форме дательного (при значении соучастия) или родительного (при взаимном и совместном значениях, если название второго субъекта выражено личным местоимением) падежа: ср., с одной стороны, Sū qaмuу jyŷlyŷdy (МК II 115) 'Все войска собрались', с другой — Inim Kūl Tegin birlă sŷzlăŷdimiz (КТб 26) '[Мы] переговарили с моим младшим братом Кюль-Тегинем', где эллипсис одного из однородных подлежащих обусловлен формой 1-го лица глагола-сказуемого, отражающей его; Ol aпуŷ birlă ħligik imlăŷdi (МК I 242) 'Он обменялся с ним знаком с помощью рук' (взаимное значение); Ol menin birlă taŷqa aŷuŷdy (ДТС 20) 'Он поднимался со мной на гору' (совместное значение); Ol menă ŷzūm syqyŷdy (МК II 115) 'Он помог мне давить виноград (на сок)' (значение соучастия).

6. Залоговые значения совместности и взаимности по существу представляют собой суженное значение множественности, то есть количественное ограничение как самих сопряженных действий, так и их исполнителей, вызванное прежде всего синтаксическими потенциями глагола (взаимное значение) или условиями контекста (совместное значение), в конечном итоге тоже зависящими от синтаксических потенций глагола и коммуникативных запросов. Во многих формах типа qaġaŷ- 'смотреть друг на друга' (о двух или нескольких сопряженных субъектах, но не более того), qaŷuŷ- 'сойтись, соединиться, вступить в брак' ōrūŷ- 'целоваться' (только о двух сопряженных субъектах), взятых вне контекста, значение множественности исключено, зато неизбежно возникает значение взаимности, которое при всей его стабилизированности было и остается лексически обусловленным значением формы на -š, про-

¹⁴ Например, Махмуд Кашгарский, широко отметивший форму на -š во всех ее основных значениях, употребляет при ней аффикс -lağ лишь в отдельных случаях: Olartelim saġraŷdyar (МК III 194) 'Они вдоволь отвели душу разговорами'. Но это в других источниках, как и в современных языках, соблюдается далеко не последовательно: ср.: Anday azatutur jyŷlaŷtylar (Иванов 120) '[Они] так горько плакали'. Здесь определенную роль играют, конечно, сложившиеся традиции, стилистические запросы и т. п., а главное — далеко не полное совпадение форм на -š и на -lağ по выражению множественности (см. ниже).

изводным от ее значения множественности. В формах же типа *külüş-* 'смеяться (о многих)', *juglaş-* 'петь (о многих)', *uluş-* 'плакать, вопить' (Малов 438), 'выть' (ДТС 609), образуемых в преобладающем большинстве тюркских языков от большого числа глаголов, связанных главным образом со звучанием, шумом, чувственным восприятием, вне контекста неизменно проявляется значение множественности, в котором они функционируют преимущественно и в контексте (1). Однако в зависимости от условий контекста многие из таких форм в коммуникативно необходимых случаях используются для выражения двух или нескольких сопряженных параллельных действий, то есть для выражения залогового значения совместности (2). Ср.: 1) *Oylan uylaşdy* (ДТС) 'Дети плакали', 2) *Ekki qayındaşy bir birini qıçuşub juylaştylar* 'Два брата, обнявшись, плакали' (Фазылов II 652).

Что касается третьего залогового значения формы на *-ş* (соучастие в действии в качестве помощника основного субъекта), то оно как по своему характеру, так и по реализации на синтаксическом уровне стоит особняком и поэтому не может быть первоначальным ее содержанием, как не могут быть им по той же причине и деривационные ее значения.

7. Ни одно из трех основных залоговых значений формы на *-ş* даже отдаленно не связано с ее деривационными значениями, в основе которых тоже лежит значение множественности, вернее его оттенков (см. ниже).

Переходя к рассмотрению каждого из значений формы на *-ş* в отдельности, следует заметить, что эти значения представлены во всех современных тюркских языках, но имеют в них весьма различную сферу распространения, исключая разве значение взаимности, охватывающей примерно одинаковый состав глаголов не только в современных, но и в древних тюркских языках.

1.

Форма на *-ş* выражает значение множественности главным образом в глаголах активного действия, связанных с обозначением звучания, шума (в особенности в звукоподражательных глаголах), в отдельных глаголах движения типа *jügügüş-* 'бежать (о многих)' и чувственного восприятия типа *külüş-* 'смеяться (о многих)' и т. д., в которых оно сопровождается обычно двумя следующими оттенками: 1) неуточненное множество одновременно совершаемых действий предстает как некая совокупность, которая, по сравнению с ее составляющими, в отдельности, естественно, приобретает ясно выраженный оттенок интенсивности и результативности: баш. *balalar ilaşa, ärläşə, qotoroşa, uxyldaşa, xixyldaşa, lyqyldaşa, bejeşə, avnaşa, ađyşa, dulaşa, qajnaşa, baqyryşa, syqyldaşa* 'дети плачут, ссорятся, беснуются, охают, хихикают, тараторят, пляшут, валяются, дурачатся, капризничают, суетятся, вопят, визжат', 2) в значительном числе сходных глаголов типа баш. *byşyldaş-* 'шептаться, шушукаться' одновременно прослеживается значение повторяемости, кратности в зависимости от характера их лексического содержания (ср. баш. *jylmajuş-* 'улыбаться', *qajruguş-* 'горевать', *jügeretş-* 'бежать' и т. п., где его нет). Первый из этих оттенков сопровождает значение множественности формы на *-ş* неизменно, исключая ее употребление в узбекском, киргизском и казахском языках в глаголах движения и некоторых других семантических разрядах глагола для выражения множественного числа в принятом его лингвистическом понимании вместо аф-

фикса *-lar*¹⁵. Второй оттенок при всей его лексической обусловленности в целом имеет во всех тюркских языках широкое распространение, особенно в составе звукоподражательных глаголов. В силу этого формы на *-š* и на *-lar* по выражению множественности ныне взаимозаменяемостью не обладают, исключая в какой-то мере лишь узбекский, киргизский и казахский языки.

Значение интенсивности и результативности совокупного проявления неуточненного множества однородных разрозненных действий переросло в регулярное внутриглагольное деривационное значение в глаголах состояния типа *aşuŝ-* 'закисать, перебродить' от *aşu-* 'киснуть, бродить' (ДТС 6), *sučiŝ-* 'становиться сладким' от *süci-* 'быть сладким' (ДТС 516), *qıgıŝ-* 'пересохнуть' от *qıgı-* 'сохнуть', на базе которых в свою очередь возникли последующие производные словообразовательные модели (см. ниже), генетически связанные с ними типовым деривационным значением результативности в изменении состояния или приобретения свойства, названного производящей основой.

Значение повторяемости действия послужило началом в зарождении лексикализованных форм типа межтюркского *oıuŝlaŝ-* 'заниматься воровством' (от *oıuŝla-* 'воровать, грабить'), *soŝaŝ-* 'расспрашивать, разузнавать, наводить справки' (от *soŝa-* < **soŝ-* 'спрашивать'), на базе которых впоследствии наметилась тенденция использования аффикса *-š* для выражения кратности, отрешенной от его значения множественности.

Форма на *-š* в значении множественности в современных тюркских языках прочно утвердилась за редким исключением как одна из разновидностей действительного залога, тогда как в письменных памятниках она нередко выражает его и в глаголах состояния: *atlar qamuy semriŝdi* (МК II 213) 'все лошади жирели', *kiŝilär bu uıuı taŝlaŝdy* (МК III 398) 'люди удивились этим обстоятельствам', *eŝän qamuy qaıyŝdy* (МК II 104) 'все люди сердились'.¹⁶

2.

Значение совместности формы на *-š* представляет предельно суженную модификацию ее первоначального значения множественности, в отличие от которого оно, во-первых, касается всего двух или нескольких параллельных действий, соотнесенных со строго определенными их исполнителями (а не с неуточненным множеством), во-вторых, лишено оттенка интенсивности и результативности, характерного для значения множественности, в-третьих, обычно изменяет состав предикативного ядра предложения — как правило, предполагает наличие в нем лексически раздельно выраженных двух сопряженных активных субъектов, из коих название первого независимо от своей категориальной принадлежности всегда занимает в предложении позицию подлежащего в форме основного падежа, а название второго субъекта, сопровождаемое соединительным последолом или союзом, выступает либо как однородное подлежащее в форме основного падежа (если оно выражено суще-

¹⁵ Форма на *-lar* выступает как маркированный член бинарного противопоставления единичности и неединичности в самом общем их понимании, пронизывая глагольную парадигму глобально. Это свойство сохранила форма на *-š* в названных трех языках лишь в составе ограниченного круга глаголов движения.

¹⁶ В современных языках в значении множественности она распространяется лишь на отдельные глаголы состояния типа баш. *qajıuıuŝ-* 'горевать', *qıŝquŝ-* 'бояться', *iŝeŝ-* 'пьянеть' и то практически употребляется крайне редко.

ствительным), либо как косвенное дополнение в форме родительного падежа (если оно выражено местоимением).

Значение совместности в данном строгом его понимании представлено формой на -š в письменных памятниках в целом гораздо шире, чем в большинстве современных тюркских языков, исключая узбекский, киргизский, казахский, якутский и отчасти некоторые другие тюркские языки, где оно имеет и ныне довольно большую сферу распространения. Во многих тюркских языках мы уже не найдем в собственно совместном значении форму на -š в глаголах движения типа čuquš- 'выйти вместе с кем', в глаголах состояния типа jatyuš- 'лежать вместе с кем', тем более в переходных глаголах типа içis- 'пить вместе с кем': Ol meniñ birlä sūt içiſdi (МК I 190), suv kiçiſdi (МК II 93) 'Он со мной пил молоко, переправлялся через реку', Olar ikki evdin čuquſdy (МК II 115) 'Они вдвоем вышли из дома', Ol anuñ birlä jatyaſdy (МК III 113) 'Он лежал вместе с ним', Ol meniñ birlä işläſdi (МК I 240) 'Он со мной работал'.

В современных тюркских языках совместное значение формы на -š устойчиво проявляется главным образом в непереходных глаголах активного или непроизвольного действия, большинство которых преимущественно выступает в этой форме в значении множественности: баш. Järmöxämmät menän Timeryolov şunda uq, jylmajyuşp, Şäfiq janupa sügäläne (З. Биешева) 'Ярмухаммет с Тимергуловым тут же присели к Шафику, улыбаясь'. Но в некоторых тюркских языках форма на -š в значении совместности широко употребляется также в переходных глаголах и в отдельных глаголах состояния: як. Kini miñin qytta ot tiejiste 'Он со мной возил сено' (Харитонов 24), турк. Sunduqda, Gurt bu iki jigit bilen jaşaşmağa başladı (А. Говдунов) 'Таким образом, Гурт начал жить вместе с этими двумя юношами'.

В глаголах движения форма на -š в значении совместности, тесно переплетенным со взаимным значением, приобрела частное дополнительное лексическое значение соревнования, состязания, широко отмеченное Махмудом Кашгарским и представленное в современных тюркских языках лишь отдельными древними формами типа jügüſ- 'бежать наперегонки', joruš > jaryš- (кир. žaryš-) 'состязаться в ходьбе' > 'бежать наперегонки' (кир.) > 'соревноваться' (тат., баш.), uzuš- 'обгонять друг друга', на базе которых в различных тюркских языках созданы лишь отдельные новообразования типа кир. čabyš- 'принять участие в скачках', (кир. 'состязаться в бере'): Ol meniñ birlä joruſdy (МК III 72), at ozuſdy (МК I 184) 'Он состязался со мной в ходьбе, в скачке на лошадях', турк. İne sejisler atlaruñu sejisep geldiler, mejdana çuqur at çaryşzaqlar (А. Говдунов) 'Вот, приготовив коней, прибыли тренеры, они на площади будут состязаться в скачках на лошадях', тат. Küktäge joldyzlar ber bersen quyuşp çuup betkäç, Rävfa dä jata (А. Шамов) 'Когда на небе, обгоняя друг друга, появились звезды, легла спать и Рауфа'.

В глаголах движения баруш- 'идти (туда) с кем', килиш- 'прийти (сюда) с кем', жүріш- 'ходить с кем' значение совместности неразрывно переплетается со значением взаимности: Olarğa qatylıyl kelişhäm baryş (QBN 318₉) 'Встречайся с ними, общайся'; баш. [UI] mäzin menän qapaqqa jöröſä (З. Биешева) '[Они] ходят друг к другу в гости', тат. Şul könnön alyp bez anuñ belän jöreſä başladıq (Г. Ибрагимов) 'Начиная с того дня, мы стали ухаживать друг за другом' (букв. 'ходить вместе').

За исключением глаголов движения, приобретающих дополнительное лексическое значение соревнования, форма на -š в значении совместности лексикализуется крайне редко: Ol meniñ birlä yşqa kiriſdi 'Он

со мной приступил к работе', Olar bu uşqa aŭğuşdylar (МК 124₉) 'Они мучались из-за этого дела'.

Форма на -ş в совместном значении, характерном также для взаимно-совместного залога в монгольских и маньчжурском языках, стабилизировалась, очевидно, еще в период неразделенного состояния тюркских языков, о чем, помимо устойчивого проявления этого значения во всех современных тюркских языках, свидетельствуют: 1) заметное расширение сферы распространения формы на -ş в данном ее значении по мере углубления в древность, 2) максимальная близость значения совместности к исходному ее значению множественности, чего нельзя сказать ни об одном из остальных значений формы на -ş, рассматриваемых ниже, 3) наличие в территориально и исторически отдаленных друг от друга тюркских языках отдельных межтюркских лексикализованных форм с данным значением типа *kiriş-* 'приступить к чему-либо' от *kiğ-* 'войти', *oziş-* 'обгонять друг друга' от *oz-* 'пройти мимо', *jügüğüş-* 'бежать наперегонки' < 'бежать с кем-либо' от *jügüğ-* 'бежать', происхождение которых в том или ином языке независимо от другого языка трудно себе представить, тем более, что *kiriş-* в его отношении к *kiğ-* достаточно ясной мотивированностью не отличается, чтобы считать его зарождение в значении «приступить к действию» закономерным явлением, которое могло произойти в турк. (*giriş-*), узб., кир. (*kiriş-*), ккал., ног. (*kiş-*), тат., баш. (*kegeş-*) и т. д. параллельно и независимо.

Форма на -ş утвердилась во всех современных тюркских языках в совместном значении как одна из трех основных разновидностей взаимного залога.

3.

Взаимное значение формы на -ş, то есть совершение двух или (реже) нескольких однородных действий их исполнителями по отношению друг к другу на паритетных началах, представляет собой количественно до предела суженную модификацию ее исходного значения множественности, обусловленную характером лексического содержания самих глаголов, от которых она образуется. Во многих прямопереходных (*örüş-* 'целоваться с кем', *quşış-* 'обниматься с кем'), косвеннопереходных (*qaraş-* 'смотреть друг на друга') и непереходных (*sözläş-* 'беседовать, говорить с кем', *kāñāş-* 'советоваться с кем') глаголах активного действия значение множественности в силу семантического их своеобразия проявляется в его количественно предельно ограниченном варианте: глаголы типа *örüş-*, *quşış-* предполагают совершение однородных действий только двумя сопряженными их исполнителями, а *qaraş-*, *sözläş-*, *kāñāş-* и т. п. соотносятся с двумя или (реже) несколькими (а не с множеством!) сопряженными активными субъектами, но практически чаще всего выражают совершение двух однородных действий их исполнителями по отношению друг к другу. Закономерно сформировавшееся на базе сходных глаголов, взаимное значение формы на -ş при всей своей лексической обусловленности характеризуется как в древних, так и в современных тюркских языках устойчивостью и имеет в целом весьма широкую и примерно одинаковую сферу распространения.

Прямопереходные глаголы типа *köğüş-* 'встречаться, увидеться' во взаимном залоге теряют свою способность иметь при себе раздельно выраженное прямое дополнение, ибо в этом случае каждый из двух сопряженных субъектов одновременно оказывается объектом действия взаимодействующего с ним другого субъекта, то есть объектом чужого действия: Ol meniñ birlä körüşdi (МК II 107), öpüşdi (МК I 189), quşışdy (МК II 98) 'Он со мной встретился, поцеловался, обнялся', İki

qadaş esän tükäl qaryşyp öpüşdi quçuşdy (ДТС 463) 'Два брата, встретившись здоровыми и невредимыми, поцеловались, обнялись'. Некоторые же прямопереходные глаголы типа sözlä- 'говорить', tala- 'грабить', принимая форму на -ş, вообще становятся непереходными и к тому же в той или иной мере обновляют свое исходное лексическое содержание: Öz Һafsy birlä anday sözläşür 'Так беседует он со своим сердцем' (Фазылов II 299), Beş jek talaşur 'Пять демонов сражаются друг с другом' (ДТС 528). Но часть глаголов типа batruş- 'топить друг друга', баш. alyş- 'получать друг от друга' сохраняет свою переходность: баш. Веđ unuҺ menäҺ xat alyşabyđ 'Мы с ним переписываемся'; Olar ikki bir birig suvqa batruşdy 'Они топили друг друга в воде' (ДТС 89). Косвеннопереходные и непереходные глаголы тоже полностью сохраняют свои исходные синтаксические характеристики: Olar bir birkä baquşdy (МК II, 113) 'Они посмотрели друг на друга (переглянулись)'; Olar bir birdin qaçuşdy (МК II 98) 'Они спрятались друг от друга', MeniҺ birlä keҺäşdi 'Он советовался со мной' (ДТС 299).

Сопряженные субъекты во взаимном залоге обычно имеют раздельное лексическое выражение, оформленное как и в совместном залоге, двояко: 1) оба субъекта представлены в позиции однородного подлежащего в форме основного залога, если второй из них выражен именем существительным или личным местоимением 3-го лица множественного числа: Tün күп birlä qaryşty 'Ночь и день противостояли (друг другу)' (ДТС 428), турк. Biz olar bilän дүн duşuşdyq (Б. Кербабаев) 'Мы с ними встретились вчера'; 2) если же второй субъект выражен личным местоимением (исключая личное местоимение 3-го лица множественного числа), то его название ставится в позиции косвенного дополнения в форме родительного падежа, а название первого субъекта занимает позицию подлежащего в форме основного падежа: Ol meniҺ birlä bilişdi (МК II 120) 'Он познакомился со мной'. В первом случае свободно допускается контекстуальный эллипсис одного из однородных подлежащих, особенно если его название отражено в личной форме глагола-сказуемого: баш. Nadeжда Konstantinovna Krupskaja menäҺ yş osraştyм (Ә. Викһэнтәев) 'С Надеждой Константиновной Крупской я встречался часто', Елекке тапуşым Zälil Kiekbajov menäҺ тауу kiler osraştyq (С. Кулибай) 'Мы снова встретились с моим прежним знакомым Джаилием Киекбаевым'.

Сопряженные субъекты в предложении могут быть представлены также одним и тем же подлежащим в форме множественного числа: Olar iki adruşdy 'Они оба разлучились' (ДТС 15). При наличии перед подлежащим количественного определения, исключающего морфологическое выражение множественного числа при определяемом слове, это приобретает регулярный характер, особенно когда в осуществлении действий принимают участие более двух лиц: Еккі qoşҺar sösüşdi (МК II 110) 'Два барана бодались' Uş özüт ökläşür (ДТС 382) 'Три духа сражаются друг с другом'.

Описанное залоговое управление характерно и для современных тюркских языков. В отличие от них, в письменных памятниках в отдельных случаях взаимный залог управляет инструментальным падежом в совместном значении, в котором обычно выступает соединительный послелог birlä: TәҺrli jerli tebräşdi [künli] aly kögüşdi (ДТС 319) 'Небо и земля двинулись, солнце и луна встретились'.

В большинстве современных языков форма на -ş во взаимном значении выступает гораздо больше, чем в совместном. Во многих языках сфера распространения взаимного залога значительно расширилась за

счет словообразовательных форм на *-laš/-läš* (*-la/-lä + -š*) типа баш. *bäxilläš* 'распростаться с кем', *iñänläš* 'здороваться с кем', *duñlaš* 'подружиться с кем', *sälämläš* 'здороваться с кем', *havbullaš* 'распростаться с кем', *tatulaš* 'помириться с кем', *tuñanlaš* 'породниться с кем', *gizalaš* 'соглашаться с кем', в составе которых аффикс *-š*, выделяемый лишь как неотъемлемый элемент монолитной аффиксальной морфемы *-laš/-läš*, сохраняет значение взаимного залога.

Форма на *-š* и в свободном употреблении, выражая взаимное значение, нередко обнаруживает словообразовательный характер: ср. общетюркское *köñüš* 'видеться, встречаться'; (тат., баш.) 'здороваться за руку с кем' от *kög* 'видеть', древнетюркское *biliš* 'познакомиться' (МК, QB, гаг., як.) от *bil* 'знать', *tanuš* 'познакомиться с кем, ознакомиться с чем' от *tanu* 'знать, узнать, признать, опознать' и т. п. Происхождение сходных двоякофункционирующих форм, представленных в древних и современных тюркских языках в целом значительным числом, прямого отношения к взаимному залогу не имеет. Ибо они за редким исключением, описываемым ниже, возникли, очевидно, на базе значения взаимного залога в порядке его дальнейшего развития в соответствии с семантическими потенциями каждой из них: ср. древнетюркское *toquš* 'сражаться' (ДТС 576) < 'драться' < 'бить, ударить друг друга' (*toq* 'бить, ударить'); *uñuš* 'сражаться, воевать' (ДТС 616) < 'драться, вступить в рукопашный бой' < 'бить, ударить друг друга' (*uñ* 'бить, ударить'); *tutuš* 'схватиться (с врагом)' (Малов 436) < (кбал.) 'бороться' < (хак. *tudys*) 'держат, схватить друг друга, поймать друг друга' (*tut* 'держат, схватить, поймать'), *teriš* 'драться' (ДТС 553) < 'лягаться, драться, лягая друг друга (о лошадях, копытных животных)' (*ter* 'лягать'), *tegiš* 'сражаться' (ДТС 548) < 'соприкасаться друг с другом, трогать друг друга' (*teg* 'трогать, соприкасаться'); тат., баш. и другие *suñuš* > *soñuš* 'воевать' < (тув.) 'драться, вступить в рукопашный бой' < 'ударить, бить друг друга' (*soq* 'ударить, бить'), где не исключена возможность образования одной формы по образцу другой как это весьма широко распространено в словообразовании. Иную историю имеют крайне редкие собственно залоговые формы типа *añauñš* (CCW 31) 'вплотную соприкасаться ногами друг с другом': *alañ añauñšur jattylar* 'они легли вместе, обхватив друг друга ногами', *biriš* 'объединиться' (Малов 372), *süñüš* 'сражаться, враждовать' (ДТС 517), образованные, по-видимому, непосредственно от именных основ в порядке исключения и поэтому тоже представляющие по существу объект исторической лексикологии¹⁷.

Некоторые древние формы типа *kāñāš* 'советоваться' от *keñā* 'советоваться' во многих современных языках представлены без их производящих основ и в связи с этим функционируют в них на правах самостоятельных лексических единиц, хотя по-прежнему выражают взаимный залог на общих основаниях.

В ходе исторического развития отдельные формы на *-š* на почве современных тюркских языков лишились своего первоначального залогового значения. Так, древняя форма *ündäš* 'звать друг друга' от *ündä*

¹⁷ Форма *añauñš* образована, вероятно, по аналогии с древнейшими редкими формами типа як. *bas-tas* (*baš-laš*) 'класть голову к голове' (*bastahan syt* 'ложиться головами друг к другу'). *Biriš* по своей словообразовательной структуре близко стоит к древнетюркскому *jañuš* 'стать врагами' и т. п., созданным по единой модели «приобрести свойство по основе». Происхождение *süñüš* остается неясным, если даже признать, что эта форма восходит к **süñü + š*, как предполагают отдельные исследователи. Ибо этот глагол пока что не отмечен ни в древних, ни в современных тюркских языках.

‘звать’ (ДТС 625) в башкирском и татарском языках означает «окликать кого-либо, окликаться, откликнуться, подать голос», а ее произволящая основа здесь, как и в ряде других тюркских языков, имеет значение «угovarивать, обращаться с призывом, агитировать».

Форма на -š, управлявшая во взаимном значении, в свое время древним инструментальным падежом, стабилизировалась, очевидно, еще в пору неразделенного состояния тюркских языков.

4.

Среди значений формы на -š особое место занимает явно производное устойчивое ее значение соучастия в действии, вернее — значение оказания помощи в осуществлении переходного активного действия, выраженного производящей основой. В данном значении форма на -š вызывает принципиально иную диатезу, чем во всех остальных случаях своего употребления: название ведущего исполнителя действия устраняется с позиции подлежащего, которую занимает название соучастника действия в форме основного падежа, и ставится в позицию косвенного дополнения в форме дательного падежа. Соответственно в предложении актуализируется соучастие в действии как акт, а осуществление действия основным его производителем, напротив, теряет свою информативность. Это практически означает, что переходный глагол активного действия, принимая форму на -š, радикально меняет не только свою соотносительность с субъектом, характерную для основного залога, но и свое исходное лексическое содержание. В самом деле, оказание помощи кому-либо в осуществлении действия, названного производящей основой, — акт совершенно иной, чем само действие, тем более, что доля соучастника в осуществлении этого действия, выполняемого основным его исполнителем, остается при этом неутонченной.

В рассматриваемом значении форма на -š широко представлена в письменных памятниках, начиная с XI века¹⁸, причем особенно щедро в Диване Махмуда Кашгарского: Ol maṇa bitig bitišdi ‘Он помог мне написать письмо’ (ДТС 104), Ol maṇa būrmā būrüşdi ‘Он помог мне собрать складки’ (ДТС 132), Ol aṇar ev jamlāšdy (МК III 105) ‘Он помог ей прибирать в доме’, Ol meṇā taruṇ ekišdi (МК I 212), qar kūrāšdi (МК II 99), buṇdaj juyūšdy (МК III 73) ‘Он помог мне сеять злаки, сгребать снег, собирать пшеницу (в уборке пшеницы)’.

В большинстве современных тюркских языков, особенно в огузской группе, в карачаево-балкарском и караимском языках форма на -š в значении оказания помощи имеет в целом весьма ограниченную сферу распространения, чего нельзя сказать относительно татарского¹⁹, башкирского, якутского, киргизского, казахского, узбекского, уйгурского и некоторых других современных тюркских языков.

Зарождение значения оказания помощи в форме на -š связано, очевидно, с ее переосмыслением лишь в составе какого-нибудь отдельного глагола в силу специфики его лексического содержания в порядке частной лексикализации типа boluṣ- ‘помочь, поддержать, заступиться’ от bol- ‘быть’, отмеченной еще Махмудом Кашгарским. Да и становление и развитие его применительно к определенному кругу переходных гла-

¹⁸ По наблюдениям Э. И. Фазылова, в памятниках XI—XII веков форма на -š в данном своем значении употребляется гораздо шире, чем в значении взаимно-совместного залога (Э. Фазылов. К истории взаимно-совместного залога, стр. 81).

¹⁹ Здесь, по наблюдениям К. З. Зиннатуллиной, эта форма в данном значении охватывает добрую половину глагольной лексики (К. З. Зиннатулина. Залоги глагола в современном татарском литературном языке. Казань, 1969, стр. 90).

голов шло, должно быть, первоначально тоже лишь на лексико-семантическом уровне, пока форма на -š окончательно не утвердилась в данном своем значении как регулярное средство не только модификации лексического содержания переходных глаголов активного действия, но и выражения определенных синтаксических отношений, а именно — своеобразной диатезы, радикально отличающейся не только от основного, но и взаимно-совместного залога. Судя по устойчивости, единообразию залогового управления и, в особенности, по географии распространения как в древних (от МК, QB и др. до ССW), так и в современных тюркских языках (от тув., як., уз., баш., тат., чув. до аз., турк., тур.), форма на -š в рассмотренном значении стабилизировалась, очевидно, задолго до XI века.

Форма на -š употребляется в тюркских языках не только для выражения рассмотренных трех регулярных значений взаимного залога и значения множественности, от которого они произошли, но и в целях модификации или (реже) преобразования исходного лексического содержания производящей основы, лишаясь значения взаимного залога. Ее развитие по данному назначению, отрешенному от взаимного залога, тоже связано со значением множественности и шло в двух основных направлениях: 1) значение интенсивности проявления одновременно производимых однородных активных действий и их результативность²⁰, неизменно сопровождающее значение множественности формы на -š, переросло в самостоятельное производное деривационное значение результативности в изменении состояния, выражаемое данным глаголом: ср. qıgıš- 'пересохнуть' (МК II 98) от qıgı- 'сохнуть', buğıš- 'сморщиться, пересыхая' (ДТС 127) от buğ- 'крутить, поворачивать, закручивать' < (būğ-) 'сморщить, сделать складки' (ср. баш. bōğ- 'сморщить, сделать складки' и bōğōš- 'сморщиться'), öliš- 'намокнуть' (МК I 189) от olı- 'мокнуть' (МК III 256), qağraš- 'пересохнуть' (МК II 255) от (уз.) qağra- 'сохнуть', soluš- 'завянуть' (МК II 122) от sol- 'уменьшаться, убывать' (ДТС 508), асуш- 'прокиснуть, перебродить' (МК 100₄) от асу- 'киснуть, бродить', eğıš- 'растаять, расплавиться' (МК I 191) от eğı- 'таять, расплавиться' (МК III 269) и многие другие, часть которых, унаследованная от далекого прошлого, представлена во всех современных тюркских языках; 2) значение повторяемости, кратности однородных действий, сопровождающее значение множественности формы на -š в составе большинства образований типа баш. šavlaš- 'шуметь (о многих)', hağraš- 'петь (о многих птицах)', в свою очередь, тоже превратилось в самостоятельное деривационное значение кратности единственного действия, выполняемого одним и тем же субъектом (а не множества однородных действий, как это было первоначально); представленное главным образом в письменных памятниках XI—XII веков²¹, значение кратности в современных тюркских языках рудиментарно прослеживается в форме на -š лишь в считанном числе сравнительно поздних образований типа баш. aldaš- 'обманывать, иметь обыкновение врать' от alda- 'обманывать, обмануть', davlaš- 'сутьяжничать, добиваться своего, поднимая скандал' (davla- 'претендовать, притязать, требовать настойчиво'), jalvanlaš- 'обманывать, заниматься обманом' (jalvanla- 'обманывать, обмануть'), jađuš- 'заниматься письмом' (jađ- 'писать'), jıpuš- 'за-

²⁰ Ср. баш. Bələkəs qađbağ qañyıl daştylar (К. Мәргән) 'Гусята горотали', Bisələr kölöşör jebərdelər (Н. Дәүләтшина) 'Бабы дружно засмеялись', Balalar ilaşa, qysqyrışa 'Дети плачут, шумят'.

²¹ Э. Фазылов. Материалы по истории узбекского языка, стр. 89.

ниматься обтесыванием ножом, иметь обыкновение делать это' (jup- 'тесать, обтачивать ножом'), köpläš- 'ревновать, проявлять ревность как типичное свойство' (köplä- 'ревновать'), xäjläläš- 'проявлять хитрость как свойство' (xäjlälä- 'хитрить'), hatyš- 'заниматься торговлей, торговаться' (hat- 'продавать, продать').

Первое направление, еще в эпоху Махмуда Кашгарского представлявшее довольно продуктивную модель внутриглагольного словообразования, оставившую наибольшие следы именно в его знаменитом Диване, рудиментарно проявляется в редких отыменных глаголах состояния типа древнетюркского biğiš- 'сплотиться, объединиться' (Малов 372), турк. bärkiš 'закаляться, окрепнуть' (berk 'крепкий'), на базе которых, очевидно, давно сформировалась самостоятельная деривационная модель, тесно взаимодействовавшая с отыменным словообразованием на -la (1), впоследствии слившаяся с ним в единую сравнительно продуктивную производную форму отыменного словообразования (2): 1) баш. alyðlaš- 'сделаться далеким' (alyðla- 'сделать далеким'), bronzalaš- 'приобрести свойство бронзы, (bronzala- 'покрыть бронзой'), jabajlaš- 'упроститься' (jabajla- 'упростить'), jajlaš- 'сделаться удобным' (jajla- 'сделать удобным'); 2) башк. berläš- 'сплотиться, объединиться' (ber- 'один'), kiðkenläš- 'обостриться' (kiðken 'резкий, ожесточенный'). Обе эти модели, как и лежащие в их основе разрозненные древние образования типа biğiš- 'объединиться', tişläš- 'прорезаться (о зубах)': Oylan tişläşdi (МҚ II 283) 'У ребенка прорезались зубы', объединяются типовым деривационным значением «приобрести свойство, названное производящей именной основой».

Особое разветвление в деривационном развитии формы на -š, базирующееся тоже на значении результативности, составляют: 1) редкие отглагольные имена типа древнетюркского buşyš- 'отрез (шелковой материи)' (ДТС 105), keçiš- 'переправа, переход, мост' (ДТС 291) и поздние образования вроде баш. kileš *лингв.* 'падеж', 2) редкие имена деятеля типа межтюркского biliš (уз., кир. арх.) > beleš (тат., баш.) 'знакомый', tanuš 'знакомый' (уз., тат., баш. и др.), 3) имена действия, выступающие преимущественно как субстантивы типа kiğiš 'вступление' (уз., тат., баш. kegeš), köginiš 'вид, явление в пьесе' (уз., тат., баш. kügeneš), а также название действия как процесса типа древнетюркского keliš-baryš 'посещения' (ДТС 296) и типа alyš 'взимание долга' (ДТС 36), баш. osoš 'полет', jüqereš 'бег', jögöš 'ход', 4) редкие названия качества, признака, представляющие дальнейшее развитие имен действия, типа межтюркского tanuš (kişi) 'знакомый (человек)', баш. qatyš 'смешанный', а также еще более редкие образования вроде баш. teješ 'должен' (teg- 'касаться, трогать', tejiš 'почитать, воздать должное' ССВ 239 > 'дар в знак почитания' > 'должное' > 'должен').

Менее продуктивным оказалось второе направление в деривационном развитии формы на -š, которое завершилось ее слиянием в значении кратности с каузативом на -tyr/-tir, в результате чего возникла непродуктивная форма выражения эпизодической повторяемости активного действия (1), первоначально обозначавшая лишь кратность (2): 1) баш., тат. qaraštyr- 'наблюдать, смотреть время от времени', uqyštyr- 'читать время от времени', 2) уз. арх. suruštir-, баш. horaš-/horaštyr- 'расспрашивать, разузнавать, справляться'.

Деривационная функция формы на -š описанным далеко не исчерпывается. Но она во всех остальных в целом многочисленных случаях носит индивидуальный характер и к тому же, за редким исключением, представляет вторичное явление — лексикализацию или переосмысле-

ние залогового значения взаимности и (реже) совместности в порядке его дальнейшего развития на почве отдельных тюркских языков (1) или их групп (2), а то и в древнюю пору их истории (3): ср. 1) баш. тат. *igeš-* 'дразниться' > *eriš-* 'дразнить друг друга' от *eg-* 'выражать неприязнь, относиться с пренебрежением'; баш. *adaš-*, тат. *adaš-* 'заблудиться' > древнетюркское *abyš-* 'отойти друг от друга' (ДТС 15) от утерянного корня **ad-* или **að-* (ср. *ad-ug* > *ajug-* 'разлучать', *að-ru* 'разделенный, разветвленный, раздвоенный' ДТС 15); 2) межтюркское *jaruš-* 'приклеиваться, приставать' > 'покрыть друг друга' от *jar-* 'покрывать', *jetiš-* 'созревать' > 'настигать друг друга, соприкасаться друг с другом, достигать чего-либо, соприкасаясь с ним' от *jet-* 'доходить, достигать, настигать'; 3) древнетюркское *qabyš-* 'воевать' (Малов 409) > 'схватиться' > 'хватать друг друга, попасться друг другу' от *qar-* 'хватать, захватывать' (ДТС 420), *alyš-* 'обменяться' (ССW 36) > 'взять друг у друга' от *al-* 'брать'.

Описанным не исчерпываются также и более частные значения и функции формы на *-š*, выходящие за рамки предложенного обзора. Но и они предстают перед нами как результат ее развития главным образом на почве отдельных тюркских языков, исключая отдельные крайне редкие древние явления типа *jōq-qu-š-* 'уничтожить' (КТб₃₂), не имеющие прямого отношения к вышеизложенному.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Ахметов* — М. А. Ахметов. Глагол в языке орхон-енисейских памятников. Уфа, 1978.
Габен — A. von Gabain. Alttürkische Grammatik. 3. Auflage. Wiesbaden, 1974.
ДТС — «Древнетюркский словарь». Л., 1969.
Иванов — С. Н. Иванов. Родословное древо тюрок Абу-л-Гази-хана. Грамматический очерк. (Имя и глагол. Грамматические категории). Ташкент, 1969.
Малов — С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951.
Радио — W. Radloif. Versuch eines Wörterbuchs der Türk-Dialekte. Т. 1—4, Mouton, 1960.
ССW — K. Grönbech. Komparisches Wörterbuch. Kopen Havn, 1942.
Фазылов — Э. Фазылов. Староузбекский язык. Хорезмийские памятники XIV века. Т. I, 1966, т. II, 1971, Ташкент.
Харитонов — Л. Н. Харитонов. Залоговые формы глагола в якутском языке. М.—Л., 1963.

Остальные сокращения названий источников (МК, МҚ, Топ, КТб, QB) даны по «Древнетюркскому словарю».

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. ГУКАСЯН

ОБ АЗЕРБАЙДЖАНСКО-ГРУЗИНСКИХ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТАХ

Азербайджанско-грузинские языковые контакты, являющиеся неотъемлемой частью общих азербайджанско-закавказских языковых связей, зародились в период раннего средневековья. Это подтверждается данными грузинских источников VII—XII веков, свидетельствующих о наличии в ту эпоху тюркоязычного этноса в Закавказье. Так, например, основной текст «Мокцевай Картлисай» («Обращение Картли [в христианство]») оканчивается описанием событий 40-х годов VII века¹, повествует о «бунтурках», проживающих в Картли (то есть Восточной Грузии), «по течению реки Куры» (mtkvaris sqali)². В этом же источнике сообщается и о совместном походе византийцев и хазар в Азербайджан и Грузию в 627—628 годах и об осаде города Тифлиса хазарским предводителем žabū (žebū/žibūo — в источнике)³.

Сведения «Мокцевай Картлисай» о «бунтурках» были повторены грузинскими источниками последующих веков. Например, Леонти Мровели (XI век) в своем сочинении «Жизнь карталийских царей» писал, что «бунтурки» — языческое племя, «каковых мы (то есть грузины XI века. — В. Г.) называем *бунтурками и кыпчаками*...»⁴ (выделено нами. — В. Г.).

Анализируя сведения грузинских письменных памятников, Г. А. Меликишвили отмечает, что, «повествуя о воинственном прошлом населении севера, грузинская историческая традиция употребляет то термины „бунтурки“ и „хонны“ (т. е. гунны, гунны-турки), то „хазары“, то „кыпчаки“ (половцы). Ясно, что перед нами разные хронологические наслоения: периоды гегемонии гуннов (IV—VI вв.), хазаров (VII—VIII, также и IX вв.), кыпчаков (XI в.), оставившие следы в этой традиции»⁵.

Характерно, что как в «Мокцевай Картлисай», так и в «Жизни карталийских царей» упоминаются и «гунны», и «турки», и «кыпчаки», и «хазары». Причем Леонти Мровели сообщает, что «все таргамосианы (то есть кавказцы. — В. Г.) были данниками хазар... отдал хазарский

¹ Об этом см.: Г. А. Меликишвили. К истории древней Грузии. Тбилиси, 1959, стр. 26.

² См.: «Источники грузинских летописей». Перевод с древнегрузинского языка Е. С. Такайшвили. — Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа», вып. 28. Тифлис, 1900, стр. 1—10.

³ Там же, стр. 44: «... Тогда прошел через Картли Ираклий, царь греческий, и начальник крепости из Калы Тифлисской обозвал царя Иракла козлом. Ираклий... оставив Эристава Джибго для ведения осады, сам отправился... воевать с царем Хусрав, а Джибго этот, после немногих дней взял Калу...».

⁴ См.: Мровели Леонти. Жизнь карталийских царей. М., 1979, стр. 28.

⁵ См.: Г. А. Меликишвили. Указ. раб., стр. 37.

царь своему двоюродному брату удел Лекана (Дагестана. — В. Г.) от моря Дарубандского на востоке до Ломека (то есть до реки Терека. — В. Г.), к тому же дал ему пленников из Рани и Мовакана»⁶ (то есть из Арана и Мугана. — В. Г.).

Эти сведения полностью соответствуют сообщению автора «Истории Алван» (конец VII — начало VIII века) о том, что в 628 году хазарский «кровожадный орленок шад» (царевич) совершил набег на Иверию и на город Тифлис, а затем и на Албанию, которую, судя по словам шада, вместе с областями Чул и Лпиния еще его «отец получил на вечное владение»⁷.

Хотя в грузинских и армянских письменных памятниках иногда неточно указывается время просачивания тюркоязычных этносов в Закавказье, но из них явствует, что они имеют в виду не тюрков вообще, а хазаров-кыпчаков. Леонти Мровели, например, «бунтурков» отождествляет с «кыпчаками» и при этом сообщает, что в Картли в VI веке появились и другие тюрки. Он пишет, что иранский «царь Кайхосро... начал войну с турками» и некоторые из этих турков (тюрков), «обращенные в бегство тем же Кайхосро, в количестве двадцати восьми домов (видимо, родов. — В. Г.) переправились... через море Гурганское (Каспийское. — В. Г.) и вверх по Куре пришли во Мцхету»⁸. Обратились они к домовладыке Мцхеты, прося помощи против персов. Домовладыка Мцхеты оповестил об этом всех картлийцев. Изъявили они (картлийцы. — В. Г.) желание подружиться с турками, ибо были в страхе перед персами»⁹.

По всей вероятности, Леонти Мровели имеет в виду войну Хосрова Ануширвана (531—579) против тюрков-савиров в Северной Албании в 568 году. По сообщению византийского историка VI века Менандра, Ануширван разгромил савиров и из них 10 тысяч (видимо, семей) переселил на земли между Курой и Араксом¹⁰. По-видимому, часть этих савиров в 576 году дошла до Мцхеты, и Картлийский мамасахлис царь Гуарам Багарат, который в 575 году с помощью тюркютов вззошел на престол¹¹, встретил их с почестями. Именно эти савиры и тюркюты в «Мокцевай Картлисай», а затем и в летописи Леонти Мровели были названы «бунтурками» (то есть древними, коренными турками)¹² и «турками», а Хосров Ануширван — Кайхосровом¹³.

В средневековом источнике «Картлис цховреба» («Жизнь Картли») сообщается, что после набегов этих савиров в VI веке и хазаров в начале VII века в Картли начали говорить на шести языках: **сомхури** (армянском), **картули** (грузинском), **хазарули** (хазарском), **асурули** (сирийском), **эбраули** (еврейском) и **бредзenuли** (греческом)¹⁴. Г. В. Церетели отмечает, что в то время в Картли действительно функционировали эти языки, ибо здесь обнаружены надписи на всех указанных языках, кро-

⁶ См.: Мровели Леонти. Указ. раб., стр. 25.

⁷ См.: Моисей Каганкатвацц. История Агван. СПб., 1861, стр. 119—127. О правильности передачи названия Алван — Агван см.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода. — «Советская тюркология», 1978, № 2, стр. 23, прим. 22.

⁸ См.: ...turkni oteguni misve Kaixosrosaban bamovles zyua Qurganisi.

⁹ См.: Мровели Леонти. Указ. раб., стр. 26—27.

¹⁰ См.: «Византийские историки...». СПб., 1860, стр. 411—412.

¹¹ Об этом см.: Л. Н. Гумилев. Древние тюрки. М., 1967, стр. 50.

¹² Об этимологии «бунтурк» см.: Н. Я. Марр. Ипполит. Толкование Песни Песней. СПб., 1901, стр. I—XII; И. В. Абуладзе. Словарь древнегрузинского языка (на груз. яз.). Тбилиси, 1973, стр. 37; Г. А. Меликишвили. Указ. раб., стр. 125.

¹³ В восточной светской литературе отец Ануширвана назывался «Кайкават > Кейгубад», а он — «Kaixosrov > Кейхосров». Этой же традиции придерживались и грузинские авторы раннего средневековья.

¹⁴ См.: «Картлис цховреба». Т. I. Тбилиси, 1955, стр. 16 (далее — КЦ).

ме хазарского¹⁵. Если греческим, сирийским, еврейским и армянским языками в раннем средневековье в Картли пользовались духовенство, поэты, ученые, то хазарский, по всей вероятности, служил средством общения картлийцев с соседними народами. Следует учесть, что, во-первых, по-видимому, именно в это время начал формироваться азербайджанский язык¹⁶, во-вторых, тюркские языки и диалекты савиро-хазарского союза в те века стали средством межплеменного общения для всех народностей Северного Кавказа и Дагестана. Не случайно в горских кавказских языках, в том числе и в адыгейских, среди заимствований наиболее многочисленны именно тюркского происхождения. Причем, как отмечает А. К. Шагиров, «Тюркские заимствования в адыгейских языках — это названия предметов домашнего обихода и различных орудий и предметов труда, названия кушаний и напитков, видов одежды и обуви, слова, относящиеся к животному и растительному миру, названия предметов и явлений из области неживой природы, названия металлов, слова из области торговли и денежных отношений, из военной области и др.

Проникновение тюркизмов в адыгейские языки началось, по-видимому, очень рано, по крайней мере, после захвата хазарами северо-западного Кавказа (конец VII в.). По предположению историков, с VII по X вв. адыги, хотя бы частично, входили в состав хазарского царства. Естественно допустить, что тюркские слова проникли к адыгам уже в тот период»¹⁷.

Из вышеприведенных примеров можно заключить, что этнолингвистические контакты тюрков с кавказцами и влияние тюркских языков на кавказские развивались параллельно. Разница заключалась в основном в диалектных особенностях этих заимствований, ибо тюркские языки савиро-хазарского союза включали в себя множество диалектов. К ним следует добавить еще языки и диалекты тюркского этноса, просачивавшиеся в Закавказье с юга. Ведь, как справедливо отметил К. Менгес, «пути большинства (если не всех) великих передвижений алтайскоязычных (в данном случае — тюркских) народов из Азии в Европу проходили через Кавказские горы или вблизи них»¹⁸.

С 30-х годов XI века началось массовое переселение огузов в Закавказье под предводительством представителей династии Сельджуков, вследствие чего тюркоязычное население в Картли заметно увеличилось. Н. Н. Шенгелия пишет, что «сельджуки систематически вторгались в Грузию и занимали важные стратегические и административные пункты... Происходил процесс массового оседания турецких племен на территории Грузии. Пришедшие с целью грабежа сельджуки обратно уже не возвращались» и создавалась опасность тюркизации грузинской территории»¹⁹. Не случайно грузинским историкам того периода Грузия

¹⁵ См.: Г. В. Церетели. Армазская билингва. — «Известия Института языка, истории и материальной культуры Грузинского филиала АН СССР», т. XIII. Тбилиси, 1942, стр. 47.

¹⁶ Об этом см.: М. Ш. Ширалиев. Кипчакские элементы в азербайджанском языке. — В кн.: «Исследования по грамматике и лексике тюркских языков». Ташкент, 1965, стр. 5—17; Н. З. Гаджиева, Б. А. Серебрянников. Ареальная лингвистика и проблема восстановления некоторых черт исчезнувших языков. — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 3—12.

¹⁷ См.: А. К. Шагиров. Вопросы сравнительно-исторического и этимологического исследования лексики адыгских языков. Нальчик, 1971, стр. 31.

¹⁸ См.: К. Н. Menges. A little — explored Turkic group. — «The Turkic languages of the Caucasus» J. Deny armagani. Ankara, 1958, стр. 186.

¹⁹ См.: Н. Н. Шенгелия. Сельджуки и Грузия в XI веке. Тбилиси, 1968, стр. 396, 399 (резюме на русском языке).

была известна под двумя названиями: **Картвелоба** (букв. Грузиноба) и **Диди Туркоба** (Великая Тюретчина). Вся Восточная и часть Западной Грузии входили в «Диди Туркоба». На этой территории Грузии тюркский этнос наличествовал уже с IV—VI веков, ибо, кроме савиров и других гуннов, осевших в Картли, в Грузию пришли сары-огуры и оногуры, упомянутые Приском Панийским (V век) и грузинским историком VIII века Джуаншером, автором «Цховреба Вахтанга Горгасалниси» («История Вахтанга Горгасала») ²⁰. Агафий (536—582) пишет, что «Оногрис» в Западной Грузии (в Колхиде) является этнотопонимом: «местность эта свое имя получила в старину, когда, по всей вероятности, гунны, называемые оногурами, в этом самом месте сразились с колхами и были побеждены, и это имя в качестве монумента и трофея было присвоено туземцами» ²¹.

Если учесть, что в V—VI веках в Грузии осели гунны (оногуры, сары-огуры, савиры и др.), а с VII—VIII веков — хазары и кыпчаки, которые в 765 году совместно с другими тюркскими племенами Картли и Албании сражались в Грузии ²² против арабов, а затем огузы, а в начале XII века сюда переселилось около 225 тысяч северокавказских кыпчаков ²³ (в источнике 40000 дымов) ²⁴, то станет ясно, что в XI—XII веках в Картли преобладало тюркоязычное население.

Тюркское население Грузии поддерживало тесные контакты с народами Азербайджана и Северного Кавказа. И не случайно именно на территории Восточной Грузии образовались диалекты и говоры азербайджанского языка, существующие по сей день. Об оседании огузских и кыпчакских племен в Восточной Грузии свидетельствуют и этнотопонимы данной зоны: **Текели** (Марнеульский р-н), **Муганлы** (Дманисский, Болинисский и Марнеульский р-ны), **Саатлы** (Дманисский р-н), **Аккуллар**, **Капанакчи**, **Улашлы**, **Чанахчи**, **Борчалу** (Марнеульский р-н) и др.

На протяжении более чем 1400 лет языки народов Закавказья контактировали со многими языками и диалектами кыпчакской и огузской групп, заимствовав у них тюркские слова и словообразующий инвентарь. Это убедительно подтверждает материал грузинского языка, почти каждый лексический пласт которого содержит заимствования из азербайджанского и турецкого языков. Часть этих заимствований весьма древняя, на что указывает их фиксация в соответствующих грузинских письменных памятниках; к ним относятся также иранские, арабские и монгольские слова, заимствованные грузинским языком через посредство азербайджанского.

* * *

В ряде случаев древнеазербайджанские заимствования в грузинском языке принимаются за исконную лексику. К ним относятся не только такие слова, как *караки* (азерб. *kārā[k]*) — ‘сливочное масло’, *шилаплави* (азерб. *şilān*) — ‘рисовая каша с мясом’, *чача/чеча* (азерб. *žezā*) — ‘выжимки винограда и других ягод и фруктов’ и т. п., но и ряд

²⁰ В. В. Латышев. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. — «Вестник древней истории». М., 1948, № 1, стр. 257; «Сведения из „Жизни Вахтанга Горгасала“». — В кн.: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979, стр. 88—89.

²¹ См.: Агафий. О царствовании Юстиниана. М., 1953, стр. 73; Г. В. Хауссиг. К вопросу о происхождении гуннов. — «Византийский временник». М., 1977, № 38, стр. 71.

²² См.: Зия Бунятов. Азербайджан в VII—IX вв. Баку, 1965, стр. 115.

²³ См.: З. В. Анчабадзе. Кыпчаки Северного Кавказа по данным грузинских летописей XI—XIV веков. — В кн.: «О происхождении балкарцев и карачаевцев». Нальчик, 1960, стр. 118.

²⁴ См.: КЦ, т. I, стр. 336; М. Д. Лордкипанидзе. История Грузии XI — начала XIII века. Тбилиси, 1974, стр. 97.

других. Например, В. Д. Ившин, говоря об истории взаимодействия грузинского и русского языков, пишет, что в русский язык проникли такие грузинские слова, как: *axhaluk* 'архалук', *aslanı* 'золотая монета с изображением льва', *bajati* 'четверостишие', *lavaši* 'хлеб-лаваш', *zugna* 'зурна', *kizilbaš* 'мусульманин шитского толка', *lečaki* 'косынка', *tagi* 'тар (музыкальный инструмент)', *čareki* 'старинная мера вина, равная примерно одному литру', *čixirtma* 'куриный бульон', *puli/puluri* 'деньги', *kiguši* 'копейки', 'гроши', *ešigayasi* 'управитель двора', *bozbaš* 'бозбаш (мясное блюдо)', *basturma* 'копченое мясо', *duduki* 'свирель' и десятки других²⁵. Нет надобности доказывать, что все эти слова самим грузинским языком заимствованы из азербайджанского²⁶. Подобные неточности есть и в книге Ц. А. Абуладзе, посвященной тюркским переводам словника словаря Сулхан-Саба Орбелиани. Этот автор пишет, что в рукописных фондах Грузии «имеется большое количество рукописных книг и документов разного содержания, свидетельствующих о необходимости в Грузии того времени знания „татарского“ — тюркских языков. Одним из учебных пособий по изучению „татарского“ — турецкого языка являются и тюркские переводы словника „Лексикона Картули“»²⁷.

Известно, что грузины «татарами» (*tataris xalxi*) называли только азербайджанцев, а «татарским языком» (*tataris ena*) — азербайджанский язык. Под этими терминами в грузинском языке никогда не подразумевались турки и турецкий язык, как об этом ошибочно пишет Ц. А. Абуладзе. Кроме того, азербайджанские заимствования в грузинском языке по своим фонетическим модификациям заметно отличаются от турецких заимствований²⁸.

* * *

Анализируя грузинско-азербайджанские языковые контакты, С. С. Джикия отмечает, что азербайджанские «лексические элементы в грузинском языке затрагивают такие стороны народного хозяйства, как животноводство, продукты рыбной промышленности, кулинария и прочее»²⁹. Азербайджанские заимствования имеются и во многих других областях лексики грузинского языка.

Термины родства: *baba* 'отец', *ata* 'отец', *bažanaŋi* 'свояк', *oŋlani* 'сын, мальчик', *anagiz* (< *anaqyz*) 'мать и дочь' или 'старшая дочь', *qardaš* 'брат', *žižara* 'мать', *bebiā-papa* 'бабушка' и т. д.

Следует отметить, что, хотя эти термины родства были зафиксированы в грузинских письменных памятниках XII—XV веков и включены в «Словарь грузинского языка» Сулхан-Саба Орбелиани (XVIII век), они (кроме *baba* и *bažanaŋi*) в современном грузинском языке не употребляются. Особый интерес представляют такие сложные слова, как *anaqyz*, *bebiā-papa* < *bibi-pāpā* (букв. 'тетя-бабушка') и *žižara* (букв. 'мать-мать'), ибо в такой форме они не встречаются в азербайджанском³⁰ и турецком языках. Слово *žiži* в значении «мать» представлено

²⁵ См.: В. Д. Ившин. К истории вопроса о взаимодействии грузинского и русского языков. — В кн.: «Материалы пятой региональной научной сессии по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков». Орджоникидзе, 1977, стр. 243—245.

²⁶ См.: «Толковый словарь грузинского языка». Тт. I—VIII. Тбилиси, 1950—1964.

²⁷ См.: Ц. А. Абуладзе. Тюркские переводы словника словаря Сулхан-Саба Орбелиани. Тбилиси, 1968, стр. 197—198 (резюме на русском языке).

²⁸ Об этом см.: В. Л. Гукасян. Указ. раб., стр. 19—20.

²⁹ См.: С. С. Джикия. О грузинско-азербайджанских языковых взаимоотношениях. — «Труды Института языкознания АН Грузинской ССР. Серия восточных языков», т. II. Тбилиси, 1957, стр. 208.

³⁰ В диалектах и говорах северо-западной зоны азербайджанского языка употребляется *žižimapa*, соответствующее *žižara*.

в диалектах азербайджанского языка³¹, а его второй компонент *ара* в том же значении — в тюркских языках Средней Азии, в частности в узбекском. По всей вероятности, эти термины были занесены огузами и кыпчаками, пришедшими в Грузию в XI—XII веках из Средней Азии.

Базапай в значении «свояк» довольно древняя кыпчакская форма, отмеченная еще Махмудом Кашгари (МК, I, 446) и зафиксированная в письменных памятниках азербайджанского языка. В разговорной речи грузин Восточной Грузии это слово распространено довольно широко. Однако наряду с базапай в говорах северо-западной зоны (особенно зоны Белоканы—Куткашен) азербайджанского языка и в удинском языке³² в этой же зоне имеется и форма база ~ бажа, широко употребляемая в большинстве тюркских языков огузской и кыпчакской группы³³. Что касается слова баба, то оно было распространено в древнегрузинском языке.

По мнению В. И. Абаева, «баба (как и ата) — детское слово. Ср. на кавказской почве: лезг. баба, удин. баба, мегр. баба, груз. р'ар'а... в тюркских баба и пр.»³⁴. Однако М. Фасмер, этимологизируя русское диалектное слово «баба, бабай», пишет, что в значении «дед», «старик» оно было заимствовано из тюркских языков³⁵.

Несомненно, слово баба в значении «отец», «дед» употреблялось и употребляется в разных языках. Но в данной форме оно, во-первых, представлено в тех кавказских языках, которые веками контактировали с тюркскими языками, а, во-вторых, в картвельских языках имеется исконное слово тама. Г. А. Климов отмечает, что «тама 'отец': груз. та-та — 'отец', мегр. тита-, мн. титал-; чан. [тита-]; сван. тй-. Реконструируется для общекартвельского языкового уровня. Налицо уже в древнейших памятниках груз. языка...»³⁶.

Следовательно, хотя слово баба было представлено в грузинском, мегрельском, чанском (занском) и сванском языках, оно не является исконно картвельским, а заимствовано в раннем средневековье из тюркских (геср. азербайджанского) языков.

Названия домашних и диких животных: допуз 'свинья', qoči 'баран', buçi 'бугай, бык', buzon 'теленка', gužan 'щенка', toxli 'годовалый ягненок', čerici/košiki 'годовалый козленок', šišāgi 'ягненок старше одного года', qaban 'кабан', sayiga/siyig 'корова', kučuki 'щенка', пахуги 'стадо', quz(i) 'ягненок 6—10 месяцев', oylaу 'козленок', živig 'газель', žejrap-i 'джейран, газель', deva 'верблюд', ešak 'осел', kuraki (в армян. koraк) 'жеребенок', pičip 'обезьяна', tavšan 'заяц' и т. д.

Перечисленные названия домашних и диких животных являются заимствованиями и в других горских-кавказских языках, контактирующих с азербайджанским. Даже название овцы, считающееся исконным в дагестанских языках, является древнетюркским заимствованием. К. М. Мусасв пишет: «Основное название овцы, как нам представляется, вошло и в дагестанские языки, причем в формах, характерных для юго-

³¹ Об этом см.: М. Ширэлијев. Азербайжан диалектолокијасынын эсаслары. Баки, 1968; Муса Исламов. Азербайжан дилинин Нуха диалекти. Баки, 1968.

³² Материалы удинского языка взяты из кн.: Ворошил Гукасян. Удинско-азербайджанско-русский словарь. Баку, 1974.

³³ Л. А. Покровская. Термины родства в тюркских языках. — В кн.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961, стр. 66.

³⁴ См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. I. М.—Л., 1958, стр. 229.

³⁵ См.: М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М., 1964, стр. 99.

³⁶ См.: Г. А. Климов. Этимологический словарь картвельских языков. М., 1964, стр. 47.

западных и кыпчакских языков. Лак. ку, авар. куй, кви, карат., ботлих. кунн, тинд., чамал., багуал, квин...»³⁷.

Не все слова, приведенные выше, употребляются в грузинском языке, хотя они зафиксированы в источниках XII—XV веков и включены в словарь Сулхан-Саба Орбелиани. Интерес представляют в основном слова, являющиеся архаизмами в азербайджанском языке, а именно — *saŋra/siŋir* (ср. кыпчак. *сууг/сујуг*, но огуз. *inek* 'корова'), *pičin*, *gižan*, а также *tavšan* и *donuž*.

Слова *bičin*, *сууг*, а также *tavšan* зафиксированы в «Китаби деде Коркуд» и других письменных памятниках азербайджанского языка XIII—XVI веков. В древнетюркском календаре двенадцатигодичного животного цикла девятый год назывался *bečin* или *bičin jil* («год обезьяны»). Данное слово встречается, хотя и редко, в диалектах и говорах азербайджанского языка. В удинском языке и в карабахском диалекте азербайджанского языка наличествует кыпчакская форма *māčān*³⁸ 'обезьяна, Баба-Яга'. Период заимствования *pičin* в грузинском и в других горских кавказских языках можно датировать временем либо появления кыпчаков и сельджуков-огузов, либо — монгольского похода. Ибо, по Рашидаддину (XIV век), год обезьяны и у монголов назывался *bičin il*³⁹. В. В. Цыбульский отмечает, что монгольский лунно-солнечный календарь двенадцатигодичного животного цикла проник в Иран (по-видимому, и в Закавказье. — В. Г.) в период монгольского владычества⁴⁰, то есть в XIII—XIV веках.

Особый интерес представляет слово *gižan*. Дело в том, что общекавказское название суки и щенка с основой *сс(у)/с(у)* и *ž(у)* (см. Картвель, **ž(у)* 'сука', груз. *жу* 'сука, самка')⁴¹ не имеет ничего общего с *küč-/güž-* (*küčük/gižan*), причем, кроме удинского (*küčān* 'щенок') и грузинского (*gižan* < *qüčān*), ни в одном из кавказских языков название суки и щенка не образуется при помощи аффикса *-an/-ān*⁴². (Ср. азерб. *aslan* 'лев', *qarlan* 'барс', *žejran* 'джейран', *dovšan* 'заяц', *ilan* 'змея' и т. д.).

Наличие *-an/-ān* в диалектах азерб. *qüčān*, в груз. *gižan* и удин. *küčān* в отличие от общетюркского *küčük* может быть объяснено тем, что если *-k* из *küčük* является аффиксом множественности в тюркских языках⁴³, то *-an/-ān*, кроме того, выполняет и функцию аффикса уменьшительности. По-видимому, древнетюркский *küč-* с *-an/-ān* был заимствован грузинским и удинским языками из какого-то диалекта азербайджанского языка. Это подтверждается еще и тем, что в карабахском диалекте (особенно в агдамском и шушинском говорах) этого языка широко употребляется форма *qüčān* в значении «щенок»⁴⁴.

Рассмотрим три названия лошади, зафиксированные в древнегрузинских письменных источниках: *meḡanī* (от монг. *morin* 'конь'), *hune/une/one* и *taiči/toiči*.

³⁷ См.: К. М. Мусаев. Лексика тюркских языков в сравнительном освещении. М., 1975, стр. 57.

³⁸ Об этом см.: Ворошил Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке. — «Известия АН Азербайджанской ССР. Серия литературы, языка и искусства». Баку, 1978, № 2, стр. 74.

³⁹ См.: Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 2. М.—Л., 1952, стр. 37.

⁴⁰ См.: В. В. Цыбульский. Современные календари стран Ближнего и Среднего Востока. М., 1964, стр. 207—208.

⁴¹ См.: Г. А. Климов. Указ. раб., стр. 240.

⁴² См.: «Сравнительно-историческая лексика дагестанских языков». М., 1971, стр. 159.

⁴³ Об этом см.: Б. А. Серебренников. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, стр. 162.

⁴⁴ См.: «Азербайжан дилинин диалектоложу лугәти». Баку, 1964, стр. 160.

Г. В. Цулая отмечает, что «слово *тегап* в значении „богатырского коня“ встречается в двух строфах поэмы Шота Руставели „Витязь в тигровой шкуре“. Оно должно было входить в словарный фонд грузинского языка еще на рубеже XII—XIII вв. Этимологически *тегап* восходит к монгольскому *тогип* ‘конь’, ‘лошадь’⁴⁵. О втором названии Г. В. Цулая пишет: «В связи с гуннами по грузинским источникам небезынтересно обратить внимание на такую этнографическую деталь, как одно из названий боевых коней в древнегрузинском языке — *ипе*. С. С. Орбелиани приводит различные варианты этого зоонима, связанные с различными вариантами грузинской огласовки названий гуннов в древности — *hipe*, *опе*, *ипе* и далее поясняет: „Породистый и хорошо тренированный конь...“. Нет сомнения в том, что все варианты этого слова связаны с названием гуннов, некогда бывших олицетворением идеальных всадников»⁴⁶. Однако грузинское *taiči* ‘холощенный конь’ Г. В. Цулая ошибочно возводит к *tačiki* ‘араб’⁴⁷. В действительности это слово является грузинской адаптацией азербайджанского *tajča* ‘жеребенок’ (*tajča* > *taiča* > *toiči* — из соответствия *j* > *i*).

Названия домашних и диких птиц: *dengiz orde* (< *dengiz ördäji*) ‘дикая (бука. морская) утка’, *qaz* ‘гусь’, *duraži* ‘турадж’, *kaklik* (< *kāk-lik*) ‘кеклик, перепелка’, *açaǰdalan* ‘дятел’, *qaganquš* ‘ласточка’, *qirvi* ‘ястреб’, *quš* ‘птица’, *quzqu* ‘коршун’, *lačın/šain* ‘орел’, *siyirčın* ‘скворец’, *siysiyan* ‘сорока’, *qirvoul* ‘фазан’, *košig* ‘курица’, ‘наседка’ и т. д.

Это — небольшая отрасль заимствованной лексики, ибо для птиц в грузинском языке, в отличие от других кавказских языков, контактирующих с азербайджанским, имеются исконные названия.

Слова *ordag*, *qirvi*, *siyirčın* и *qirvoul* нельзя считать грузинской адаптацией, ибо фактически они суть диалектные формы азербайджанского языка (ср. *ördäg* > *ordag*, *qurqu* > *qirvi*, *siyirčın* > *siyirčın*, *qurvoul* > *qirvoul*). *Koša* не только по семантике, но и по структуре восходит к тюркскому *kökuš* ‘синяя птица’ (в данном случае — ‘курица’). В. И. Абаев, этимологизируя осетинский вариант этого слова, пишет: «*goguz/gogoz* ‘индюк’, ‘индейка’... тюркское слово, вошедшее во многие языки Кавказа: тюрк. (ногайск. и др.) *gökuš*, *kökuš* (*quš*) ‘птица’, *kökuš* ‘синяя птица’, каб., черк. *gwaquš*, абаз. *gwaqoš*, абх. *a-gagoš*, *a-ka-koš*, мерк. *kokuši*, сван., груз. *koša*»⁴⁸.

Однако необходимо учесть, что тюркский исходный *š* в кавказских языках не передается через абруптивный (или даже преруптивный) *c* и звонкий спирант *z* (фактически восходящий к аффрикате *ʒ*). Следовательно, осетинское *goguz/gogoz* не что иное, как древнескыпчакское *gög-kuc* > *gögguz*; абхазско-адыгские и картвельские языки сохранили исходный *š*, который в других горских-кавказских языках ни в одной из позиций не чередуется *c* ~ *š*. Поэтому удинское *kokos* (< *kök kuc*) ‘курица’ и даже осетинское *goguz* (< *gög guz*) нельзя сопоставить с абхазско-адыгской и картвельской формами. В них наличествует явно огузский элемент *quš*, подвергшийся адаптации. И только в мергельской форме прибавился формант именительного падежа *i*. Поэтому можно предполагать, что в указанные языки, в том числе и в грузинский, слово *kökuš* вошло в XI—XIII вв. а в удинском и осетинском языках имеется более древнее заимствование, относящееся к цокающему диалекту языков савиро-хазарского союза (ср. *quš* < **quš* ~ **quc*).

⁴⁵ См.: Г. В. Цулая. Мерани. — В кн.: «Ономастика Кавказа». Махачкала, 1976, стр. 325.

⁴⁶ См.: Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. М., 1979, стр. 91, примеч. 17.

⁴⁷ Там же.

⁴⁸ В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. 1, стр. 522.

Названия растений и их частей: *čibux* 'прут', 'палка', *ionɣar* (< *jonɣar/jongar*) 'опилки', *eži* 'дерево', *govriš* (< *göjriš*) 'ясень', *pustyɣ* (< *yustyɣ*) 'граб', *iaraɣ* (< *jaɣrağ*) 'листья', *čomaxi* 'пастушья палка', *darčini* 'корица', *iavšan* (< *jovšan*) 'полынь', *ionža* (< *jonža*) 'клевер', *qepari* 'лен', *paɣa* (< *päğä/päjä*) 'кол', *qaɣu* 'камыш', *qišbign* 'шиповник', *budaɣ* 'ветка' и т. д.

В этой группе особый интерес представляют слова *eži*, *pustyɣ* и *qepari*. *Eži* сильно адаптированный *aɣaž* (ср. азерб. *jažucə* > груз. *eči*) как в значении «дерево», так и в значении «мера длины в 4—6 км»; оно зафиксировано грузинскими источниками еще в XI—XII веках⁴⁹, позднее данное слово в значении «мера длины» употреблялось в грузинском языке почти без адаптации (как *aɣaža*).

Глухой зубно-губный спирант *f* (*φ*) в грузинском языке отсутствует; однако его нет и в ряде тюркских языков, в том числе в туркменском. М. Ш. Ширалиев, исследуя закатало-кахские говоры азербайджанского языка, отметил, что в них «часто встречается звук *n* вместо *φ*, как, например: *пәра* 'курица', *гыпыл* 'замок' *гып* 'воронка', *пундуг* 'орех', *пәнар* 'фонарь', *кулпат* 'семья' ...»⁵⁰. Данное явление нами зафиксировано и в куткашенских говорах азербайджанского языка (*pustyɣ*, *ürüspät*, *sipät* вместо *yustyɣ* 'граб', *güşvät* 'взятка', *siftä* 'сначала', 'сперва')⁵¹. Поэтому форма *pustyɣ* и *qepar* может быть и не грузинской адаптацией, а заимствованием из какого-либо диалекта азербайджанского языка, контактировавшего с грузинским языком.

Названия пищи и блюд: *bozbaši* 'мясной соус', *tolma* 'голубцы', *qizartma* 'жаркое', *buylama* 'парное мясо', *qaurma* 'каурма', *čivirtma* 'куриный бульон', *pasturma* 'вяленое или копченое мясо', *duqi* 'рис', *čaltuki* 'неочищенный рис', *puɣli* 'еда с хлебом'⁵², *šilarplavi* 'каша рисовая с мясом', *šoršori* 'кисловатый суп', *čapaɣi* 'жаркое из баранины', *aigan* 'айран'.

Эти названия блюд в тюркских языках имеют древнее происхождение, ибо все они зафиксированы в словаре Махмуда Кашгари еще в XI веке. Все эти блюда с такими же названиями представлены в азербайджанском языке и образованы от исконно азербайджанских слов. Ср. *quzartma* от *quzar-* 'жариться', 'краснеть', *buylama* от *buɣ* 'пар'⁵³, *bastyɣ* от *bastyɣ-* 'покрыть', 'вкопать', *šoršori* от *šor-/šoršor-* 'кислый, соленый', *čapaɣi* от *čapaɣ* 'раковина', *šila* (*plavi*) от *šülän* (в том же значении), употребленного в эпосе «Китаби деде Коркуд» в XI веке⁵⁴.

Названия строений и их частей: *koži* 'балка', *kaɣrič* 'кирпич', *čadri* 'палатка, шатер', *halxal* 'огороженное место для скота', *tam* (< *dam*) 'чердак', 'крыша', *dire* (< *diräk*) 'опора, бревно', *tavla* 'хлев, конюшня', *čardaki* 'чердак', *alačuk* 'алачыг', *alaqari* 'ворота' и т. д.

Некоторые из этих названий проникли в грузинский язык, по всей вероятности, из диалектов азербайджанского языка, представленных на территории Восточной Грузии.

Особый интерес здесь представляют слова *tavla*, *halxal* и *kož*. Первое в такой же форме (ср. азерб. *tövlä*, диал. *tavla*) отмечено в «Китаби деде Коркуд» (см. *tavla-tavla šahbaz atlaym gäräksä, ona binät olsun*

⁴⁹ Об этом см.: В. Н. Габиашивили. Грузия и тюркский мир в XI—XII вв. (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология». III. Тбилиси, 1973, стр. 92—99.

⁵⁰ См.: М. Ш. Ширалиев. Изучение диалектов азербайджанского языка. — «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. VI, вып. 5. М., 1947, стр. 432—433.

⁵¹ См.: Ворошил Гукасян. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков. Автореф. докт. дисс. Баку, 1973, стр. 57.

⁵² О слове *puɣli* см.: Ворошил Гукасян. Указ. автореф., стр. 19.

⁵³ Слово *buɣ* в том же значении употребляется и в персидском языке.

⁵⁴ О слове *šülän* см.: Ворошил Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке, стр. 79.

‘Если нужны ему мои наилучшие лошади, помещенные в хлевах, пускай оседлает’)⁵⁵.

Хахал в азербайджанском языке имеет ряд значений: «зимовка скота», «кишлак» (вообще) и «огороженное место для скота». Егише, армянский историк V века, называл зимнюю резиденцию царей Кавказской Албании хахал⁵⁶. В грузинском источнике XII века сообщается, что владение ширваншаха в то время простиралось от Дербента до Халхала⁵⁷, в эпосе «Кероглы» (XVI—XVII века) и в «Лексиконе Картули» С. С. Орбелиани это слово отмечено в значении «огороженное место для скота»⁵⁸. В этом же значении оно наличествует в диалектах и говорах азербайджанского языка⁵⁹.

Что касается слова коз, то в диалектах и говорах азербайджанского и армянского языков оно также обозначает «длинные балки, помещенные над чердаком». Однако в варташенском говоре азербайджанского языка «пастушья землянка», построенная из камня, называется қиш, что семантически соответствует слову коз ~ қиш в удинском языке в значении «дом, строение».

Названия предметов домашнего обихода: kesa (< kisä) ‘мешок’, qaşu ‘ложка’, iorğan/eorğan (< jorğan) ‘одеяло’, čirax ‘свеча, светильник’ (< jastıgı) ‘постель’, alag (< äläg) ‘сито’, igna (< ijnä) ‘игла’, boşgabi ‘блюдец’, qaiči (< qajçı) ‘ножницы’, beşik ‘люлька, колыбель’, doşu ‘подушка’, doşaki ‘матрац’, ‘тюфяк’, sini ‘медный поднос’, tolča ‘кружка’, xırzıni ‘переметная сума’, lambaki (< nälbäki; диал. lāmbaki) ‘блюдец’ и т. д.

Эти примеры априорно можно отнести к XV—XIX векам, ибо в ранних грузинских источниках они не отмечены.

Названия профессий и должностей: atabeg ‘наместник, воспитатель принцев’, ага ‘хозяин, господин’, beg/bega ‘князь, бек’, beglarbeg/egtabeg (< jekäbāj) ‘главный бек’, başcauš ‘главный есаул’, binbaşı/minbaşı ‘темник, глава тысячного войска’, eşiğayası ‘управитель дворца’, garaçi/qarıci ‘привратник’, keşikzi ‘караульный’, karvanbaşı ‘глава каравана’, elçi ‘посол’, onbaşı ‘десятник’, subaşı ‘мираб’, sultan ‘султан, царь’, tarxan tarxanı ‘приближенный вельможа’, uzbaşı (< jüzbaşı) ‘сотник’, ulubega (< ulu bāj) ‘главный бек’, uluxana (< ulu xan) ‘великий хан’, хатун ‘хатун, госпожа’, хаган ‘хаган’, žebya/žibyo ‘ябгу, предводитель’, čelebi ‘святой’, čараг ‘гонимый’.

Кроме этих, в грузинском языке употребляются слова есі ‘писатель’, kešači ‘войлочных дел мастер’, tulučı ‘водовоз’, čibuxči ‘кальянщик’, kirkči ‘меховщик, изготавливающий шубы’, bostanči ‘огородник’, bičipči ‘жнец’, čoraqči ‘пекарь’, dabayči ‘дубильщик’, temurči ‘кузнец’, zıgnači ‘зурнач’, sazandarı ‘сазандар’, odunči ‘дровосек’, arğanči ‘арканщик’, tolubmaš ‘тамада’ и т. д.

В первой группе более древними являются слова žibyo < žabyu, tarxan, xan, хаган, хатун, ибо они зафиксированы в «Мокцевай Картлисай» в «Истории Алван» и в сочинениях армянских историков Себеоса (VII век) и Гевонда (VIII век)⁶⁰; термины atabeg, arğanči, elči, ulu, beglerbeg и т. п., как верно отмечают В. Н. Габиашвили и М. С. Джикия,

⁵⁵ См.: «Китаби-дадэ Горгуд». Баки, 1977, стр. 91.

⁵⁶ См.: Егише. О Вардане и войне армянской. Ереван, 1971, стр. 77.

⁵⁷ См.: «История и восхваления венценосцев». Тбилиси, 1954, стр. 28.

⁵⁸ См.: «Кероглу». Баки, 1959, стр. 508; Ц. А. Абуладзе. Указ. раб., стр. 74.

⁵⁹ О слове хахал см.: В. Л. Гукасян. Значение закавказских источников..., стр. 23.

⁶⁰ Об этом см.: В. Л. Гукасян. Тюркизмы в албанских источниках. — «Советская тюркология», 1977, № 2, стр. 33—40.

были зафиксированы в грузинских источниках XI—XIII веков⁶¹; нам удалось найти их также в армянских источниках XIII века⁶².

Весьма интересным словом является *tolumbaš* в значении «тамада, руководитель пиршества». В современном азербайджанском и турецком языках оно не встречается и, по-видимому, было заимствовано в грузинский из староосманского или староазербайджанского языков. *Tolumbaš* (*tolum* 'круглый' + *baš* 'голова' = 'глава круглого стола')⁶³ в грузинском языке употреблялось до XVIII века, затем его вытеснило другое тюркское слово — *tamada*⁶⁴. Оно в значении «руководитель» широко употребляется и в тюркских языках Средней Азии.

Названия мер и весов: *eži/aṣaža* '1 фарсах', 'мера длины в 4—6 км', *aḥsa* 'мелкая серебряная монета', *kasbeki* (в удинском языке *käsbäk*) 'медная монета', *kuḡuši* (в русском языке «гроши»), *pulī* 'деньги', *tanga/taṃpa* 'деньги', *paḡa* 'деньги' и т. д.

Эти заимствования немногочисленны и имеют древнее происхождение. Например, *tanga* в грузинский язык, по всей вероятности, проникло в XIII—XIV веках, ибо именно с конца XIII века начали чеканить в Азербайджане *tanga* 'деньги' и *kebeki* 'копейки'⁶⁵.

Здесь нами приводится лишь небольшая часть азербайджанских заимствований в грузинском языке.

Однако азербайджанско-грузинские языковые связи были взаимными. И в азербайджанском языке, в особенности в его диалектах и говорах, имеются грузинские заимствования. Часть из них была исследована С. С. Джикия, В. Т. Джангидзе, Г. М. Имнайшвили и др.⁶⁶ Однако в их работах иногда приводятся такие слова, которые трудно отнести к азербайджанским заимствованиям из грузинского языка. Касаясь этого же вопроса, например, И. А. Джавахишвили, исходя из того, что общетюркским названием плуга является «сапан/сабан», высказал следующее предположение: «У закавказских азербайджанцев местное (грузинское) название плуга *гутан*, *котан* вытеснило из употребления общетюркское *сабан*»⁶⁷. С. С. Джикия согласился с этим мнением И. А. Джавахишвили⁶⁸, хотя «кутан/котан» представлено почти во всех горских кавказских и тюркских языках⁶⁹. Сказанное относится и к слову *зеṣā*

⁶¹ См.: В. Н. Габиашвили. Грузия и тюркский мир в XI—XII вв. (на груз. яз.). — Б. кн.: «Восточная филология», III. Тбилиси, 1973, стр. 94; М. С. Джикия. Антропонимы тюркского происхождения в грузинском (на груз. яз.). — Там же, стр. 211—218.

⁶² См.: Киракос Гандзакеци. История (на армянском языке). Ереван, 1961, стр. 273—275; Фрик. Стихотворения (на армянском языке). Ереван, 1941, стр. 209—210.

⁶³ В комментариях к историческому роману «Диди Моурави» А. Антоновской, посвященного Георгию Саакадзе (XVII в.), Б. Черный пишет: «Толумбаш (тур.-татар.) — начальник стола, тамада». См.: Анна Антоновская. Диди Моурави, кн. VI. Тбилиси, 1962, стр. 829—830.

⁶⁴ О *tamada* см.: М. Ш. Ширалиев. О несостоятельных этимологиях некоторых слов и аффиксов тюркских языков. — «Советская тюркология», 1975, № 1, стр. 88.

⁶⁵ Об этом см.: М. А. Сейфеддини. Монетная система в Азербайджане в XIV и первой половине XV века. — «Нумизматика и эпиграфика», XI. М., 1974, стр. 207.

⁶⁶ См.: С. С. Джикия. О грузинско-азербайджанских языковых взаимоотношениях. — «Труды Института языкознания Академии наук Грузинской ССР. Серия восточных языков», т. II. Тбилиси, 1957, стр. 207—218; В. Т. Джангидзе. Грузинские лексические элементы в дманисском говоре азербайджанского языка. — Там же, стр. 237—242; *еб же*. Грузинские заимствования в азербайджанском языке (на груз. яз.). — В кн.: «Восточная филология», III. Тбилиси, 1973, стр. 117—128; Г. М. Имнайшвили. Особенности ингилийского наречия грузинского языка (на груз. яз.). Тбилиси, 1966.

⁶⁷ См.: И. А. Джавахишвили. Экономическая история Грузии. Т. I (на груз. яз.). Тбилиси, 1930, стр. 248.

⁶⁸ См.: С. С. Джикия. Указ. раб., стр. 209.

⁶⁹ См.: В. И. Абаев. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. II. М., 1973.

‘выжимки винограда и других фруктов и ягод’. С. С. Джикия полагает, что грузинское слово *саа* в азербайджанском адаптировалось как *зеџа*. Однако при этом не учитывается следующее: а) данное слово как *сеџа* представлено в удинском, цахурском, будухском, а как *зеџа* — в армянском языках; б) грузинское *саа* в случае заимствования в азербайджанском употреблялось бы без фонетических изменений, ибо фонемы *с* и *а* широко употребляются в этом языке; в) *саа* в грузинском обозначает в основном водку из выжимок винограда, а в азербайджанском языке — выжимки всех фруктов и ягод называются *зеџа*, причем данное слово представлено и в других тюркских языках.

Весьма спорным, на наш взгляд, является и мнение о том, что *тоха* ‘мотыга’ исконное слово в грузинском языке. В азербайджанском языке от *тоха* имеется глагол *toxalamaq* ‘мотыжить’ (ср. груз. *moutoxno*, зафиксированное в грузинском источнике (IX века) и *toxmaq* ‘колотушка’, ‘кирка’ (ср. армянское *toxu* ‘кирка’)⁷⁰. Данное слово представлено и в персидском языке. Кроме того, грузинское *toxi* в азербайджанском языке не адаптировалось бы как *тоха*, тем более, что эта форма образует инфинитив *toxalamaq* (ср. грузинское *toxi* > *moutoxno!*).

В. Т. Джангидзе такие заимствования из иранских языков в азербайджанском и грузинском, как *hal* ‘русалка, ангел’, *та(г)џ* ‘рукоять плуга’, *хуту* ‘дягиль’ (в удинском *Ха, та, j*), *kārdijar* ‘смесь ячменной и пшеничной муки’, *balba* ‘мальва’ и т. п., считает грузинскими заимствованиями, проникшими в азербайджанский язык⁷¹. Подобные неточности имеются и в монографии В. Т. Джангидзе «Ингилойский диалект в Азербайджане». Такие древнетюркские слова, как *сăгі* (см. ингилойский диалект *žagiskaci* от тюркского *сăгі* ‘воин’ и грузинского *kaci* ‘человек, мужчина’), *kānaf* (< *kanapi*), *saz* (ингилойский диалект *sazovari*) ‘поле, открытое зарослями’⁷², *yarib(i)* ‘странник’, *reşxo* (турецк. *reş*) ‘ляжка’ и др., автор неправильно считает исконно грузинскими словами в ингилойском диалекте⁷³.

При определении грузинских заимствований в азербайджанском языке и азербайджанских в грузинском необходимо прежде всего устанавливать исконность этих слов в языке-источнике, обращая при этом особое внимание на закономерность фонетических изменений в этих заимствованиях.

⁷⁰ Р. А. Баграмян, И. Г. Халилов. Армянско-азербайджанский словарь. Ереван, 1978, стр. 173.

⁷¹ См.: В. Т. Джангидзе. Грузинские заимствования в азербайджанском языке, стр. 117—128.

⁷² О *saz* см.: Ворошил Гукасян. Древние тюркизмы в удинском языке, стр. 75—76.

⁷³ См.: Венера Джангидзе. Ингилойский диалект в Азербайджане. Тбилиси, 1978, стр. 119, 123, 128, 130, 134.

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. УРМАНЧЕЕВ

ТРАДИЦИИ ТЮРКСКОГО ЭПОСА В СКАЗАНИИ «ДЖИК МЭРГЕН»

В татарском и башкирском фольклоре немало произведений, отразивших героическую борьбу народа за свою свободу и независимость. Многие из них были созданы в средневековье, в эпоху монгольских завоеваний. К таким произведениям в башкирском народном эпосе обычно относят сказания и кубаиры¹ «Таргын и Кужак», «Кубаир о Сура-батыре», «Кубаир о Сюкем-батыре» и др.² А. Н. Киреев в работе, посвященной исследованию башкирского народного героического эпоса, рассматривает целый ряд легенд и преданий, которые «отражают многовековую борьбу против иноземных захватчиков, угнетателей, притеснителей, феодалов, мурз, наместников ханств. Некоторые из них легли в основу эпических сюжетов, сложившихся в форме иртэков³ и кубаиров и отражающих борьбу народа за свою независимость, освобождение от ига иноземных правителей»⁴.

В татарском народном творчестве к подобным произведениям относятся легенды «Ханская дочь Алтынчяч»⁵, «Повесть о несгораемой царевне»⁶, сказка «Алтынчяч»⁷, предание о Бачмане⁸, упоминание о котором имеется и в башкирском шежере⁹. Ряд ученых считает, что во всех этих произведениях нашла отражение борьба башкир и булгар против монгольских завоевателей в XIII—XIV веках¹⁰.

В легенде «Ханская дочь Алтынчяч» героиня своим поведением и подвигами близка к богатырской деве Сандугач из татарской версии сказания об Алпамыше. Это — один из излюбленных образов тюркоязычного эпоса.

¹ О кубаирах см.: А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос. Уфа, 1970, стр. 196—197.

² Там же, стр. 185—212.

³ Об иртэках см.: там же, стр. 65.

⁴ Там же, стр. 188.

⁵ «Балалар күңеле». Бишенче төп. Казан, 1921, стр. 5—8.

⁶ «Спутник по Казани. Справочная книжка города». Казань, 1895, стр. 21—23.

⁷ «Татар халык әкиятләре». 1 китап. Казан, 1946, стр. 179—187; см. также: «Борынгы татар әдәбияты». Казан, 1963, стр. 165—173, 175—176.

⁸ В. Г. Тизенгаузен. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. М.—Л., 1941, стр. 24; Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II. М.—Л., 1960, стр. 37—38.

⁹ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 187.

¹⁰ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 159, 162.

Действие легенды разворачивается на побережье рек Волги и Яика, что дает некоторые основания датировать это произведение эпохой монгольских завоеваний¹¹.

«Повесть о несгораемой царевне» связывается с именами исторических личностей — Тамерлана и булгарского хана Габдуллы. По содержанию она перекликается с многочисленными вариантами легенды о разрушении города Булгар Тамерланом и об основании нового царства — Казанского¹². Когда город, говорится в «Повести...», был полностью разрушен, остались в живых лишь два сына хана Габдуллы и дочь его — легендарная царевна, причисленная впоследствии к святым за свой ум, доброту и целомудрие.

В сказке «Алтынчач» героиня вступает в борьбу с падишахом, но ее образ переносится здесь на второй план, уступая место главного героя образу сказочного богатыря.

К периоду монгольских завоеваний, по-видимому, относятся и героическое сказание «Ак Кубек»¹³, и татарская версия эпического сказания тюркоязычных народов об Алпамыше¹⁴.

По своему идейно-художественному содержанию к этим произведениям примыкает и сказание «Джик Мэрген»¹⁵. Но если в названных выше произведениях воплощена главным образом идея борьбы с иноземными захватчиками, то в сказании «Джик Мэрген» прослеживаются и социальные мотивы.

Произведение начинается с повествования о мирной и счастливой жизни большой матриархальной семьи, во главе которой стоит самая старшая из женщин Тугзак-эби¹⁶. Семья изображается как матрилокальная: никто из сыновей не уходит из родного дома.

В сказании отражены характерные черты эпохи матриархата, и это дает основание предположить, что произведение было создано в глубокой древности.

Счастливая жизнь рода нарушается неожиданным и вероломным нападением врага. Беда застает героев спящими, и все они погибают.

Сюжетные мотивы, связанные с гибелью или пленением героев во время их богатырского сна, восходят к древним общетюркским эпическим традициям.

Мотив гибели во время сна имеет древнейшую мировоззренческую основу. Можно считать установленным, что первобытные люди «еще не умеют отличать сон от яви»¹⁷. У некоторых народов даже существовало поверье, что «больным не следует позволять спать: во время сна душа покидает тело, а поэтому тогда существует сильный риск, что она не вернется в тело больного»¹⁸. Конкретное выражение эти поверья нашли, например, в этнографии абхазов: «По представлениям древних абхазов,

¹¹ Х. Г. Гимади. Народы Среднего Поволжья в период господства «Золотой Орды». — «Материалы по истории Татарии», вып. I. Казань, 1948, стр. 212; «Борынгы татар әдәбияты», стр. 162.

¹² Г. Рәхим, Г. Газиз. Татар әдәбияты тарихы. Казан, 1925, стр. 89—99; М. А. Усманов. Татарские исторические источники XVII—XVIII вв. Казань, 1972, стр. 112.

¹³ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV. СПб., 1872, стр. 45—58, 142—159; Ф. И. Урманчеев. Героическое сказание «Ак Кубек». — «Советская тюркология», 1977, № 3, стр. 13—25.

¹⁴ «Татар халык ижаты». Әкиятләр (беренче китап). Казан, 1977, стр. 268—276.

¹⁵ Журнал «Ан», 1916, № 14; «Фәйзи хикәяләре». Казан, 1918; см. также: «Борынгы татар әдәбияты», стр. 349—353.

¹⁶ Тугзак — от тугыз 'девять'.

¹⁷ Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Вып. I. М.—Л., 1931, стр. 211.

¹⁸ Там же, стр. 223.

раненый воин или больной с переломом костей во все время болезни не должен был засыпать, т. к. сонного человека болезни одолеть легче. С этой целью у постели больного собирались друзья и родственники, которые пели, танцевали, производили страшный шум с помощью различных железных предметов. Сказители рассказывали больному героические нартские сказания. Подобный обычай существовал и у других народов Кавказа (в частности, у адыгов)¹⁹.

По эпической традиции, после опустошительного нашествия врага в живых остается лишь богатырь. В сказании же «Джик Мэрген» мотив этот несколько усложнен — спаслись лишь самая младшая невестка Тугзак-эби и ее двухгодовалый сын — будущий богатырь. Его после внезапной смерти матери выкормили и выходили дикие животные и птицы. Об этом в дастане говорится очень выразительно: «Добрые полевые зайцы приносили ему вкусные травы, добрые и нежные птицы отдавали ему сладкие ягоды. Он рос среди своих друзей — птиц и животных, рос, не зная, почему он одинок. Сама природа вырастила его»²⁰.

Эти эпизоды сказания имеют много параллелей в мировом эпосе как героическом, так и романическом. Близкие мотивы можно найти в основанных на народно-эпических традициях произведениях Низами и Алишера Навои²¹.

В алтайском героическом эпосе «Маадай-Кара» описывается одинокое детство Когюдей-Мэргена, который сразу же после рождения был спрятан от врагов у четырех берез на горе Алтай. В свое время Муса Джалиль, работая над либретто оперы «Алтынчач», сделал такое примечание: «Древние кочевые народы вели между собой непрестанные войны. Племена, терпящие в битвах поражение, старались спрятать от противника малолетних детей, чтобы обеспечить непрерывность существования своего рода или племени»²².

Детство Когюдей-Мэргена из алтайского героического эпоса описывается следующим образом:

На высокой горе
Под четырьмя березами
Мальчик-богатырь спал.
Чтоб сок четырех берез
В рот ему попадал,
Дугообразную трубку, оказывается, приделали²³.

(Перевод С. С. Суразакова)

Мотив одиночества героя широко распространен в произведениях народного эпоса. У Гомера Одиссей «Подчеркнуто „одиноким“ герой в том смысле исключительности рода, когда из поколения в поколение продолжателем рода оказывается единственное дитя: эпическое выражение концентрации родоплеменных сил в их совокупности, эпически воплощенное тождество „всех“ в „одном“»²⁴.

Несколько иную идейно-художественную нагрузку несет мотив одиночества героя в сказках народов Севера. «В богатырской сказке северных народов герой большей частью живет один или с малым количеством родичей... Его вынужденное одиночество, отсутствие защиты кол-

¹⁹ К. С. Шакрыл. О современном бытовании нартского эпоса у абхазов. — «Сказания о нартах — эпос народов Кавказа». М., 1969, стр. 298.

²⁰ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 350.

²¹ Низами. Лейли и Меджнун. М., 1957; Алишер Навои. Лейли и Меджнун. Сочинения в десяти томах. Т. V. Ташкент, 1968.

²² Муса Джалиль. Сочинения. Казань, 1962, стр. 416.

²³ «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос». М., 1973, стр. 293.

²⁴ И. В. Шталь. Эволюция эпического изображения. (Четыре поколения героев «Одиссеи» Гомера). — «Типология народного эпоса». М., 1975, стр. 190.

лектива служит фоном для его героизма, подчеркивает, что он всем обязан своим собственным силам»²⁵.

В глубокую древность уводит нас широко распространенный и в тюркском героическом эпосе мотив одиночества героя. И. В. Пухов пишет, что этот мотив встречается «в древнейших пластах эпоса тюркских народов Сибири, особенно в якутских олонхо»²⁶. В качестве примера он ссылается на шорское сказание «Кан-Кес» и приводит следующий отрывок из произведения:

Кан-Кес молод был;
Вскормившего его отца не знал,
Родившую и кормившую его мать не знал,
Совсем одиноким жил²⁷.

На основе анализа якутских олонхо И. В. Пухов приходит к следующему правомерному выводу: «Мотив изначальности жизни на земле и связанный с ним мотив первоначального одиночества героя принадлежит к древнейшим в эпосе тюрко-монгольских народов. Здесь, несомненно, отражена общность эпической традиции этих народов»²⁸.

Сказанное в полной мере относится и к татарскому и башкирскому народному эпосу. Следует, однако, иметь в виду, что сказание «Джик Мэрген» и имеющийся в нем мотив одиночества героя — явления гораздо более позднего типологического уровня, нежели якутские олонхо или шорский эпос. В данном сказании одинокое детство и юность богатыря связываются не столько с первобытными представлениями, сколько с реальными социально-политическими условиями средневековья — межплеменными войнами, походами. Следовательно, в данном случае правомернее говорить о влиянии традиций тюркского героического эпоса на рассматриваемое сказание.

Далее в сказании «Джик Мэрген» повествуется о том, как одинокий богатырь, оказавшись у развалин родной юрты, засыпает богатырским сном и видит во сне отца, который нарекает его именем Джик Мэрген и дарит ему свой лук, стрелы и коня²⁹.

Этот эпизод позволяет сопоставить мотив получения героем волшебных даров с аналогичными мотивами сказок и героического эпоса многих народов, в которых именно умерший отец выступает «загробным дарителем»³⁰.

Все приведенные выше мотивы глубоко традиционны как для тюркского, так и в целом для всего народного эпоса.

Обряд наречения именем в реальном быту тюркских народов имел ряд особенностей³¹. Так, например, по достижении юношей определенного возраста имя его изменялось. В сказании этот обычай отражен в несколько упрощенной форме — герой был безымянным и, став взрослым, получает имя впервые. Видимо, древние представления, породившие обряд перемены имени, были к тому времени забыты. Аналогичный

²⁵ Е. М. Мелетинский. Народный эпос. — «Теория литературы», т. II. М., 1964, стр. 62.

²⁶ И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия. — «Типология народного эпоса». М., 1975, стр. 59.

²⁷ Там же; см. также: «Шорский фольклор». М.—Л., 1940, стр. 27.

²⁸ И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири, стр. 59.

²⁹ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 352.

³⁰ В. Я. Пропп. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1946, стр. 130 и сл.

³¹ А. Н. Самойлович. К вопросу о наречении именем у тюркских народов. — «Живая старина», 1911, вып. II; А. А. Диваев. К вопросу о наречении именем у киргизов. — «Туркестанские ведомости», 1916, № 206.

мотив есть и в одном из архаичных образцов татарского народного эпоса — «Алтаин Саин Суме»³².

В тех сказаниях, которые более или менее четко сохранили отголоски первобытных воззрений, герой меняет свое имя, как это происходит, например, в узбекской версии сказания об Алпамыше: Хакимбек — Алпамыш³³.

Обычай отказа от своего имени или наличие у человека двух имен — известного и тайного — когда-то был распространен широко³⁴. «Некоторые эскимосы под старость меняют свое имя, надеясь на то, что это даст им новую долгую жизнь»³⁵. Отдаленное отражение этого обычая имеется в сказаниях «Алтаин Саин Суме» и «Джик Мэрген», где герои получают имена уже по достижении совершеннолетия, когда они готовы к богатырским подвигам.

В тюркском героическом эпосе эта традиция восходит к далекому прошлому. «Нечто вроде обряда инициации обнаруживается и в огузском героическом эпосе. Однако здесь юноша для получения имени (т. е. права быть принятым в общество взрослых) должен проявить первое геройство в борьбе с „земным“ врагом (например, с единорогом в уйгурской рукописи „Огузнаме“ или на поле брани, как в „Книге моего деда Коркута“)³⁶.

Весьма близок к рассматриваемому эпизоду сказания «Джик Мэрген» и один из эпизодов алтайского героического эпоса «Маадай-Кара». Герой этого произведения Когюдей-Мэрген тоже рос безымянным. Хозяйка Алтая нарекла его именем и поведала о его прошлом и будущем:

Ты — сын Маадай-Кара,
Должен отомстить за отца.
Драгоценным конем под тобой
Хлопковогрявый темно-сивый будет,
Из имеющих большой палец ты сам —
Когюдей-Мэргеном зваться будешь³⁷.

(Перевод С. С. Суразакова)

Судьбы Джик Мэргена и Когюдей-Мэргена из алтайского героического эпоса довольно похожи. С этой точки зрения заслуживает внимания и вторая часть имени богатыря. Слово «мэрген» с татарского языка на русский переводится как «меткий стрелок»³⁸. Такое же значение имеет оно и в других тюркских языках и фольклоре³⁹. Относительно имени героя алтайского богатырского сказания «Маадай-Кара» Когюдей-Мэргена И. В. Пухов пишет: «Вторая часть имени *Мерген* (по-якутски: *Мэрген*) означает „меткий“, „меткий стрелок“. Имя *Мерген* (Мэрген, Бэрген, Миргэн) очень часто дается положительным богатырям и героям как якутских олонхо, так и героического эпоса других тюрко-монгольских народов. Таких общих имен много в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири и якутов. Это одно из доказательств общности древних истоков олонхо и героического эпоса их древних соседей»⁴⁰. К этому высказыванию можно добавить, что традиция прибавления к имени героя

³² В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV, стр. 70—77.

³³ «Алпамыш». По варианту Фазила Юлдаша. М., 1958, стр. 345.

³⁴ Дж. Дж. Фрэзер. Золотая ветвь. Вып. I, стр. 232.

³⁵ Там же.

³⁶ Х. Короглы. Огузский эпос. (Сравнительный анализ). — «Типология народного эпоса». М., 1975, стр. 66.

³⁷ «Маадай-Кара. Алтайский героический эпос». стр. 304.

³⁸ «Татарско-русский словарь». М., 1966, стр. 384.

³⁹ Ср. с якутским олонхо «Эрбэхтэй Бэргэн», алтайским сказанием «Малчи-Мерген» и др.

⁴⁰ И. В. Пухов. Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири, стр. 19.

эпического определения «мэрген» встречается не только в Сибири, но и у тюркоязычных народов Поволжья — татар и башкир⁴¹.

Приведенный эпизод сказания «Джик Мэрген», свидетельствующий о близости произведения к якутскому и алтайскому эпосу, заканчивается весьма важным для дальнейшего развития сюжета сообщением: старый богатырь говорит герою, что здесь его родной край и что лук его поэтому должен быть крепким в борьбе с врагами⁴². Так, на первый план выдвигается идея борьбы с врагом, характерная для многих татарских эпических сказаний.

Джик Мэрген собирает вокруг себя джигитов, угнетаемых казанским ханом, и отправляется со своей дружиной в поход, чтобы освободить народ от уплаты дани и отомстить за убитых родичей.

Джик Мэрген был отважным и решительным, часто тревожил набегами хана, отличаясь особой меткостью в стрельбе. Его имя прославлялось народом в песнях и легендах. Разгневанный хан выступает против него с большим войском.

Содержание произведения, таким образом, примыкает к сюжетам многих сказаний тюркоязычных народов, где говорится о призвании богатырей сражаться и совершать подвиги во имя освобождения своего народа. Особенно часто тюркский эпос повествует о борьбе богатыря с чужеземными захватчиками: ср. национальные версии сказания «Алпамыш»⁴³, казахские героические дастаны «Кобланды батыр»⁴⁴ и «Ер Таргын»⁴⁵, башкирские кубаиры⁴⁶ и др.

В татарско-башкирском сказании «Джик Мэрген» наряду с этим говорится и о столкновениях богатыря с ханом, что позволяет предположить связь произведения с эпохой феодального средневековья и сопоставить его как с татарской версией сказания «Кер-оглы»⁴⁷, так и с другими его национальными версиями⁴⁸.

В сказании прямо не говорится, что Джик Мэрген обладает магической неуязвимостью. И этим он отличается от многих других героев тюркского эпоса (Алпамыш⁴⁹, Исфендиар из «Шах-наме» Фирдоуси⁵⁰). Однако неуязвимость Джик Мэргена, очевидно, подразумевается: воины хана, говорится в произведении, тоже были меткими стрелками, «но Джик не чувствовал их стрел»⁵¹.

Как известно, эпические богатыри никогда добровольно не сдают врагу. Они либо попадают в плен во время богатырского сна (Алпамыш), либо погибают в бою и от ран (Ак Кубек). Однако чаще всего они побеждают⁵². В сказании же «Джик Мэрген», вопреки этой эпической традиции, Джик, потерпев поражение, добровольно сдается хану⁵³. По этому поводу А. Н. Киреев совершенно справедливо замечает: «Ве-

⁴¹ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 189—191.

⁴² «Борынгы татар әдәбияты», стр. 351.

⁴³ В. М. Жирмунский. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М., 1960.

⁴⁴ «Кобланды-батыр. Казахский героический эпос». М., 1975.

⁴⁵ «История казахской литературы в трех томах». Т. I. Казахский фольклор. Алма-Ата. 1968, стр. 259—264.

⁴⁶ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 183—212.

⁴⁷ В. В. Радлов. Образцы народной литературы тюркских племен. Часть IV, стр. 258—262.

⁴⁸ Б. А. Каррыев. Эпические сказания о Кер-оглы у тюркоязычных народов. М., 1968.

⁴⁹ «Алпамыш». По варианту Фазила Юлдаша.

⁵⁰ Фирдоуси. Шах-наме. М., 1972.

⁵¹ «Борынгы татар әдәбияты», стр. 352.

⁵² В. Я. Пропп. Русский героический эпос. М., 1958, стр. 4.

⁵³ В книге «Борынгы татар әдәбияты» к этому эпизоду сказания дано такое примечание: «В других вариантах легенды Джик ведет битву до изнурения и попадает в плен лишь тогда, когда, обессилив, падает и теряет сознание» (стр. 352).

роятно, это идет от литературных традиций, а не устнопоэтических: такие детали по своему духу чужды традициям эпоса»⁵⁴.

Далее сюжет развивается традиционно. Однако постепенно стиль повествования меняется, произведение начинает утрачивать героический характер. Действия богатыря переносятся в бытовой план, хотя избранность и исключительность его судьбы все еще подчеркиваются. Характерен эпизод с поимкой Джик Мэргеном таинственного лебедя, что не удавалось сделать ни одному из ханских приближенных. По поводу этого эпизода А. Н. Киреев пишет: «Конечно, это нужно рассматривать как своеобразный подвиг, победу Джик Мэргена. Будучи пленником, он, оказывается, стоит выше всех ханских приближенных батыров и самого хана»⁵⁵.

Противоречив и заключительный эпизод сказания. За меткость в стрельбе хан дарует Джику свободу и отпускает домой. Подобная «доброта» и «благородство» хана идет вразрез с традициями народного эпоса и художественной логикой произведения.

Следует подчеркнуть, что, несмотря на некоторую идейно-художественную противоречивость, в сказании нашла достаточно яркое отображение борьба против хана, показаны его жестокость и коварство по отношению к простым людям.

«Джик Мэрген» — не единственное произведение, отмеченное отступлением от традиций народного эпоса. Это характерно и для некоторых национальных версий широко распространенного в тюркоязычном мире лирико-эпического дастана «Козы-Корпеш и Баян-слу». В этих версиях повествуется о том, что погибшие Козы и Баян воскресают и в продолжение тридцати одного года живут счастливо⁵⁶. В связи с этим М. Ауэзов пишет, что «если бы концовка „Козы-Корпеша и Баян-слу“ была бы благополучной..., не было бы такой поэмы в те времена, она не стала бы даже бытовать и как незначительная легенда. Поэма появилась именно потому, что двое влюбленных, зажженные большими чувствами и увлекаемые одной мечтой, на этом пути трагически гибнут. Вот эта правда сохранила в народной памяти образы Баян и Козы и обусловила их передачу из уст в уста целыми поколениями акынов»⁵⁷.

Сюжет сказания «Джик Мэрген» композиционно распадается на две четко разграниченные части. В первой из них рассказывается о трагическом одиноком детстве и юности героя. Вторая повествует о жестокой борьбе богатыря против хана. Такая структура, когда эпическая поэма «распадается на несколько четко разделяемых звеньев»⁵⁸, по мнению В. Я. Проппа, «служит одним из внешних признаков ее глубокой древности; такое строение характерно для древнейших ступеней в развитии эпоса»⁵⁹. Эта особенность присуща, например, «Старшей Эдде»⁶⁰.

Основа сказания «Джик Мэрген», на наш взгляд, тоже достаточно древняя, на что указывают и рассмотренные выше основные мотивы первой части сказания. Вторая часть, однако, усложнена более поздними наслоениями, привнесенными, вероятно, переписчиками и связанными с

⁵⁴ А. Н. Киреев. Башкирский народный героический эпос, стр. 190.

⁵⁵ Там же, стр. 191.

⁵⁶ Подробнее об этом см.: М. О. Ауэзов. Козы-Корпеш и Баян-слу. — «Народный эпос „Кузы-Курпеш и Маян-хылу“». Уфа, 1964, стр. 49.

⁵⁷ М. О. Ауэзов. Козы-Корпеш и Баян-слу, стр. 49; см. также: К. Ж. Жумалиев. Қазақ эпосы мен әдебиет тарихының мәселелері. Алматы, 1958, стр. 172.

⁵⁸ В. Я. Пропп. Русский героический эпос, стр. 91.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М., 1975; Е. М. Мелетинский. «Эдда» и ранние формы эпоса. М., 1968.

идеологическим влиянием позднего средневековья. Об этом же свидетельствуют язык и стиль сказания, где немало выражений, эпитетов, сравнений, характерных для письменно-литературной традиции.

* * *

При исследовании любого крупного фольклорного произведения весьма важно установить, события какой эпохи в нем нашли свое отражение. О дастане «Джик Мэрген» уже высказывались мнения по этому поводу⁶¹, хотя в татарской фольклористике он и не подвергался специальному изучению.

Муса Джалиль еще в 1936 году написал драматическую поэму «Алтынчяч»⁶² по мотивам сказки «Алтынчяч» и народного эпоса «Джик Мэрген». Но в этих произведениях, по словам поэта, не было «готового сюжета, необходимого для драматического произведения, не было и драматических конфликтов и полностью отработанных образов»⁶³. Выдающемуся поэту принадлежит заслуга создания оригинальной сюжетной линии произведения, художественной разработки его коллизий и образов героев.

Муса Джалиль в течение ряда лет продолжал работать над эпосом, создавая либретто национальной оперы. В архиве поэта сохранилось одиннадцать вариантов⁶⁴. Автор изучал историю, этнографию, обряды, верования, эпические сказания народов Востока⁶⁵. Поэт считал, что сказание о Джик Мэргене отражает события XV века, ибо речь в нем идет о борьбе против казанского хана. Опираясь на документальные данные, М. Джалиль пишет, что казанский хан жестоко угнетал местные племена. «Имеются исторические документы о том, — отмечает он, — как Казанское ханство подчинило себе полукочевые местные народы края, обложило их тяжелым ясаком..., отобрало их земли и раздало тарханам, превращая их народы в крестьян-рабов, и о том, как боролся народ против такого тяжелого угнетения»⁶⁶. Последние золотоордынские ханы пытались утвердить свою власть. «Местным жителям Поволжья — булгаро-татарам эти мелкие ханы-пришельцы не могли принести, конечно, ничего, кроме рабства, и вызывали только их недовольство»⁶⁷.

Эти высказывания М. Джалиля основываются на скрупулезном изучении им истории края и политики Золотой Орды и полностью подтверждаются исследованиями историков. Глубокое понимание исторических основ сказания «Джик Мэрген» помогло М. Джалилю по-новому подойти к его сюжету и персонажам, критически оценить позднейшие противоречивые наслоения.

Известно, что в конце XIV века центр Волжской Булгарии переместился на север, ибо ее южные районы подвергались постоянным набегам золотоордынских ханов. «Начинается возвышение Казанского княжества и его столицы Иски-Казани»⁶⁸. Сначала здесь правила местная феодальная знать. Золотая Орда, переживавшая период распада, искала опору в экономически более развитых районах. В начале XV века Казанское ханство было районом, отвечавшим этим требованиям. Здесь золотоордынские ханы намеревались занять престол и распространить

⁶¹ «Татарстан АССР тарихы». I том. Казан, 1959, стр. 99.

⁶² Муса Жәлил. Сайланма әсәрләр. Өч томда, том 3. Казан, 1956, стр. 379, 384.

⁶³ Там же, стр. 394.

⁶⁴ Муса Жәлил. Сайланма әсәрләр, том 2, 1955, стр. 472.

⁶⁵ Нил Юзиев. Муса Жәлил поэмалары. Казан, 1960, стр. 122.

⁶⁶ Муса Жәлил. Сайланма әсәрләр, том 3, стр. 385.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ «История Татарской АССР». Казань, 1968, стр. 68.

свою власть и на другие близкие и дальние земли. Таким образом они хотели возродить былое могущество Золотой Орды. Одному из последних ханов Орды Улу-Мухаммеду удалось захватить престол. Улу-Мухаммед (1445), а затем его сын Махмуд (1445—1466) покорили своей власти «сложившееся к этому времени феодальное государство, пришедшее на смену Волжской Булгарии и называвшееся по имени своей столицы Казанским ханством»⁶⁹.

Новое государство в Поволжье продолжало политику угнетения местного населения, побежденного, но не покоренного. Политическая обстановка в крае была очень сложной. Видимо, в известной мере именно этим объясняется противоречивость сюжета и идейной направленности сказания, связанного с событиями указанного периода. В нем, как уже говорилось, переплелись идеи борьбы с иноземными захватчиками и против социального рабства. Поэтому мнение исследователей, относящих это произведение татарского и башкирского фольклора к XV веку, по-видимому, следует признать вполне оправданным.

⁶⁹ «История Татарской АССР», стр. 69.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. КУЗНЕЦОВ

К ОБОСНОВАНИЮ ТЕОРИИ ВЕРБАЛЬНОСТИ ТЮРКСКОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ *

3.0. Было бы явным преувеличением сказать, что теория номинативного происхождения глагола противоречит известным науке языковым фактам. Наоборот, эти факты, особенно если рассматривать их с позиций узкого морфологизма, подтверждают данную теорию или, точнее, не опровергают ее — в противном случае она давно бы уже изжила самое себя. Однако исходные положения этой теории все же уязвимы для критики.

Пожалуй, причиной возникновения номинативной теории была констатация того факта, что в тюркских языках одна и та же форма, например, -ag/-ug, -tuş или -gap, способна выступать в самых разных синтаксических позициях (сказуемого, определения, дополнения, обстоятельства и даже подлежащего). А поскольку в основе спрягаемых форм, в соответствии с гипотезой Рюккерт—Бётлингка, лежит либо причастие и одна из форм глагола *i*- 'быть', либо имя действия и аффиксы принадлежности, то можно было заключить, что способность глагольных форм тюркских языков выступать в синтаксических позициях, характерных для имени (дополнение, подлежащее, определение), объясняется тем, что и предикативную позицию занимает здесь имя.

А. Мюллер писал: «Эти аффиксы... в большинстве случаев представляют собой одновременно как 3-е лицо единственного числа какого-либо наклонения, соответственно времени, так и причастие, герундий или иное глагольно-именное образование»¹.

А. М. Щербак указывает: «Нет нужды доказывать.., что первоначально любое сочетание было именным и что характер выразившихся в нем отношений — предикативность или атрибутивность — был обусловлен соположением компонентов, занимаемыми ими позициями и интонационными средствами... Имена действия, не содержавшие признаков предикативности, одинаково широко использовались... и в начале, и в конце сочетания»².

Таким образом, универсальность тюркских глагольных, точнее глагольно-именных форм, которые, подобно кубику с нарисованными на нем различными картинками, всегда можно повернуть требуемой стороной, является, согласно этому взгляду, изначальной и характернейшей их чертой. В соответствии с данной трактовкой, исходному

* Статья вторая. Первую см.: «Советская тюркология», 1980, № 3, стр. 48—56.

¹ A. Müller. Türkische Grammatik mit Paradigmen litteratur Chrestomathie und Glossar. Berlin, 1889, § 67.

² А. М. Щербак. К вопросу о происхождении глагола в тюркских языках. — «Вопросы языкознания», 1975, № 5, стр. 26.

значению, выражавшемуся этими именами-глаголами, была присуща такая «диффузность», которая не позволяет дать ему сколько-нибудь ясной характеристики. «Речь может идти о последовательности и грамматических формах проявления того или иного значения, заложенного в диффузном состоянии в глагольном имени»³.

Однако такая позиция внутренне противоречива. Э. А. Грунина справедливо говорит о снижении удельного веса конструкций прямой речи в современных языках и росте конструкций, строящихся на базе неличных форм глагола, в частности глагольных имен⁴. В таком случае, если заглянуть вглубь веков, мы неизбежно должны будем прийти к такой эпохе, когда конструкций, строящихся на базе неличных форм, вообще не существовало, и высказывания целиком состояли из «конструкций прямой речи», иначе говоря, — из простых, несложненных предложений, о чем и говорилось в первой статье настоящей работы. Но не будет ли такая гипотеза опровергнута теми фактами, которые, как отмечалось, в общем не противоречат номинативной теории? Ниже мы попытаемся показать, что вербальная теория — теория изначальной глагольности тюркского предложения — не в меньшей, а в какой-то мере даже и в большей степени, нежели номинативная, согласуется с фактами древних и современных тюркских языков.

3.1. Рассмотрим образцы употребления функциональных форм глагола в тюркских языках на примере так называемого аориста.

I. Предикативное употребление: *mān barmas mañ* 'я не иду' KII 34, 14⁵. (Эта функция аориста общеизвестна, поэтому ограничиваемся здесь одним примером).

II. Употребление в качестве причастия — (А, Б, В) активного, пассивного, безличного; (1, 2) несубстантивированного, субстантивированного; (а, б) окказионально, полностью; (1, 2) без аффикса принадлежности, с аффиксом принадлежности: *bu kâçâr jyl* 'в этом проходящем году' QB, 146, 27 — A1; *suv içürmäskä sût bir* 'дай молока не дающему пить воду' KI, 187, 14 — A2a¹; *uçar 'Vogel'* ('птица') QB, 137, 31 — A2a¹; (тур.) *gelir* 'доход' — A2b¹; *kâjâr ton* 'ein Kleid zum Anziehen' ('одежда для одевания, одеваемая одежда') NMs. 8a, 18 — B1; *sävârim* 'mein Freund' ('мой друг, мой любимый') QB 59, 21 — B2a².

III. Употребление в качестве предиката определительного⁶ — при определяемом (А) общего типа, (Б) со значением места, (В) с временным значением; (1, 2, 3) с субъектом в основном (1 р. — родительном) падеже, без отдельно выраженного субъекта, с безличным значением; (а, б) без аффикса принадлежности, с аффиксом принадлежности (при определяемом): *bir sävâr dâdesi* 'einer seiner Lieblingssklaven' ('один его любимый раб') Rbg. 210, 12 — A2b; *ilig turur orduqa* 'к лагерю, где

³ Э. А. Грунина. К вопросу о развитии семантики глагольных имен в тюркских языках. — «УзССР олий ва ўрта махсус таълим министрлиги, илмий асарлар», т. 42, кн. 1. Тошкент, 1963, стр. 241.

⁴ Там же, стр. 250.

⁵ Этот пример и большая часть последующих извлечены из классической работы: C. Brockelmann. *Osttürkische Grammatik der islamischen Literatursprachen Mittelasiens*, Lief. 4, Leiden, 1954, стр. 230—237. Условные обозначения, принятые в грамматике К. Брокельмана: К — Словарь Махмуда Кашгари; QB — *Kudatku Bilik*; Rbg. — *Qâdi Rubguzi* (Лондонская рукопись сказания о пророках); KwD — *Kalila wa Dimna*, (изд.) Qari Fadlallah Taškendi, Ташкент, 1893; N. Mahb. — *Nevai, Mahbub al-qulub*; Q. Saifal-mulk — *Qışsa'i Saif al-mulk*, Казань, 1898; Destürn — *Desturi Sâhi fi hikâyatı pâdişâhi*, Казань, 1864; Bab. *Bâburnâme*.

⁶ Ввиду существования различных противоречивых мнений нами используется здесь сравнительно нейтральный термин.

пробывает И.' QB 27, 20 — B1a; qurban qylur järdä 'в месте, где соверша(ю)т жертвоприношение' Rbg. 29, 18, 17 — B3a; saç aqarur çayda 'ко времени, когда волосы седеют' KwD 320, 9 — B1a; sizlärden airylur vaqyt 'Die Zeit..., das wir uns von euch trennen müssen' ('время..., когда мы должны отделиться от вас') Rbg. 409, 6 — B2a.

IV. обстоятельственное употребление — (A) с падежными аффиксами, (B) с послелогоми; (1, 2, 3), (a) — аналогично III, (б) — с аффиксом принадлежности при (потенциально) втором члене группы: kirürdä çuqarda 'beim Ein- und Ausgehn' ('при входе и выходе, когда входят и выходят') QB 162, 10 — A3a; ölüründä 'bei seinem Sterben' ('при его смерти') QB 61,1 — A26; çuqary üçün 'так как он вышел' QB 40, 16 — B26.

V. Употребление в позиции дополнения и VI — подлежащего — (A) общего типа, (B) (с аффиксом дательного падежа) в инфинитивном значении, (B) с joq в значении отрицания; (1, 2, 3), (a) — аналогично III, (б) — аналогично IV: qajan baguryny bilmäi 'не зная, куда он должен идти (пойдет)' Q. Saifalmülk 35, 15 — VA26; bizgä bunda tururça tutkin bolmaz 'es ist uns unmöglich hier zu bleiben' ('нам невозможно здесь оставаться') Destürn 31, 15 — VB3a; barur tururymyz nä mä'lüm 'не известно, пойдем мы или останемся' Bab. 81v8 — VIA26; itärim joq 'ich habe nicht zu tun' ('мне нечего делать, я не буду делать') N. Mañb. 189, 2 — VIB26.

Приведем также некоторые статистические данные по Şažare'i Takime (далее — ŠT) Абу-л-Гази Бахадур хана⁷. В первых 213 строках (всего в нем 1455 строк) можно насчитать двадцать употреблений форм на -ag в позиции сказуемого (не считая сложных форм типа -a turur, -ur turur, -kän turur, -ag erdi) при десяти случаях иного употребления: два причастных и восемь в составе определительных (3), дополнительных (4) и обстоятельственных (1) конструкций. Всего же в этом памятнике насчитывается двадцать три случая непредикативного употребления «аориста»: II — 4, в т. ч. A1 — 3 (ст. 188, 1026, 1126), B1 — 1 (36); III — 6, в т. ч. B1a — 1 (426), B16 — 1 (1393), B26 — 1 (94)⁸, B16 — 2 (80, 988), B26 — 1 (149); IV — 1 (A16, 131); V — 11, в т. ч. A1p.6 — 2 (20, 24) A26 — 9 (768, 953, 971, 981, 991 — с формой винительного падежа -ni, III, 193, 1050, 1337 — с формой винительного падежа -in): VI — I (26, 672).

3.2. Очевидно, что «аорист» (как и несколько функционально близких ему форм) действительно употребляется в любой синтаксической позиции, практически с любым сочетанием аффиксов. Наиболее прозрачна именная структура пятого типа, особенно вариант A1p.6, полностью совпадающий с построением притяжательного изафета (ср. ata-pup at-y 'лошадь отца'). Именно эту пятую конструкцию сторонники номинативной теории считают исходной, «классической». Если это действительно так, то в данном случае следует говорить не о субъекте и предикате конструкции, а лишь об определении и определяемом, причем глагольное имя выступает здесь не в атрибутивном (= причастном), а в чисто субстантивном употреблении, например: biznin kelürmizni iştip... (ŠT, 20) 'услышав о том, что мы приедем... (= о нашем [будущем] приезде)'. Это как будто бы подтверждает мнение о «диффузности» исходного значения глагольных имен, благодаря чему они в зависимости от занимае-

⁷ См.: А. Н. Кононов. Родословная туркмен. Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.—Л.. 1958.

⁸ ... dem vurmaz şehrine gitti. А. Н. Кононов переводит: «... отправился в страну, где нет воздыханий» (указ. раб., стр. 38), но поскольку определяемое содержит аффикс принадлежности, думается точнее было бы перевести: «... отправился в страну (город), на которую не претендовал (= куда не стремился)».

мой синтаксической позиции могут получать самые разнообразные функции.

4.0. Однако не следует торопиться с выводами, не получив ответа, в частности, на следующий вопрос: если структура притяжательного изафета лежит в основе данных конструкций, то почему в других типах регулярно отсутствуют то аффикс родительного падежа (например, предложения с причинным значением), то оба названных аффикса, например: *min Hindustan̄a kilür jyl* (III B1a) 'год, когда я прибыл в Индию' (NMs, 169 v 4)?

Ответ на этот вопрос, насколько нам известно, искали несколько исследователей. С. А. Аманжолов говорил о конструкциях типа III, IVA — B1a как о словах «взаимных усечений» (в одном отброшена форма родительного падежа, в другом — притяжательная приставка)⁹. В 1945 году Р. Годель, кажется, впервые в тюркологической литературе, отметил, что субъект оборотов, равнозначных обстоятельственным предложениям, как правило, не трансформируется в именное определение (то есть не получает аффикса родительного падежа), объяснив это явление влиянием деепричастных оборотов, которые, как известно, могут иметь в тюркских языках, собственное подлежащее¹⁰. По-видимому, независимо от Р. Годеля эту же мысль детально обосновал К. Манди¹¹. А. Н. Баскаков отметил, что «в ряде случаев определение — „логический субъект” не оформляется аффиксом родительного падежа. Обычно это бывает, когда „логический субъект” оборота является одновременно субъектом предложения»¹². По мнению С. Н. Иванова, в предложениях типа (узб.) *Мен ўқиган китобни акамга бердим* 'Я отдал брату книгу, которую прочитал', где подлежащее и субъект действия, выраженного формой на *-ган*, совпадают, последняя исторически относилась более всего к определяемому, а подлежащее было связано с конечным сказуемым. Но со временем в предложениях этого типа могло возрастать осознание предикативной связи между подлежащим и формой на *-ган* (*мен ўқиган*), и в конечном итоге названное словосочетание в качестве самостоятельной структурной модели получило возможность употребления также и в предложениях, где подлежащее и субъект действия, выраженного формой на *-ган*, не совпадают¹³. Все эти соображения, безусловно, заслуживают внимания, так же как и приводимые ниже факты.

4.1. Как известно, в современных языках, в которых сохранилась форма на *-duq*, последняя употребляется в качестве вторичного предиката обычно с аффиксами принадлежности (ср. в турецком языке конструкции *-diği için* 'так как...', *-diğinda*, *-diği zaman* 'когда...' и др.). В языке орхоно-енисейских памятников явно преобладает употребление этой формы без аффиксов принадлежности. Так, причинная конструкция

⁹ См.: С. Аманжолов. Природа сложноподчиненных предложений в казахском языке по сравнению с русским языком. — «Ученые записки Казахского педагогического института им. Абая». Алма-Ата, 1940, стр. 74. Ср. также мнение Н. А. Баскакова о том, что основные члены этих конструкций «согласованы не в лице, а в реально выраженных или потенциально присущих этим сочетаниям формах принадлежности». (Выступление. — «Вопросы грамматики тюркских языков». Алма-Ата, 1958, стр. 235. Разрядка наша. — П. К.).

¹⁰ R. Godel. Grammaire turque, Genève, 1945, стр. 151.

¹¹ См.: C. S. Mundy. Turkish syntax as a system of qualification. — «Bulletin of the School of oriental and african Studies», University of London, т. 17, ч. 2, 1955, стр. 293—294. См. также: А. Н. Кононов. Грамматика современного турецкого литературного языка. М.—Л., 1956, § 892, стр. 447.

¹² А. Н. Баскаков. О классификации причастий в турецком языке. — «Вопросы языкознания», 1959, № 6, стр. 114.

¹³ См.: С. Н. Иванов. Очерки по синтаксису узбекского языка (форма на *-ган* и ее производные). Л., 1959, стр. 73—76.

(-duq üčün, -duqun üčün) употреблена здесь, по нашим подсчетам, всего двадцать пять раз, причем восемнадцать раз встречается первая форма. То же соотношение между формами -duqta и -duqunta 'когда', а в определительных конструкциях, которые встречаются семь раз, лишь однажды отмечен тип III A16¹⁴. Что же касается родительного падежа субъекта в конструкциях с формой на -duq, то в орхоно-енисейских памятниках он вообще не засвидетельствован, например: *Täqri* (но не: *täqriñin!* — П. К.) *jarlykađukyn üčün... кабан олуртым* 'По милости неба... я сел (на царство) каганом'¹⁵.

Эти факты дают основание сомневаться в том, что «полные» конструкции (с аффиксом родительного падежа при определении и аффиксом принадлежности при определяемом) исторически предшествовали так называемым «усеченным» конструкциям, то есть конструкциям без названных аффиксов. Можно полагать, что развитие шло в обратном направлении. Впрочем, этот вывод может быть сделан и а priori, поскольку «усеченные» конструкции, как структурно наиболее простые, должны были в процессе исторического развития предшествовать более сложным их типам. (Эти же принципиальные соображения, равно как и анализ фактов, убеждают в том, что притяжательный изафет возник в тюркских языках позже других типов определительной связи¹⁶).

Те же самые факты позволяют констатировать, что уже в орхоно-енисейских памятниках разнообразны конструкции, как с аффиксами принадлежности, так и без них, чаще всего имели собственные субъекты, отличные от подлежащего главного предложения. Так, например, в семнадцати случаях из восемнадцати имеет свой субъект оборот -duq üčün. Очевидно, что ссылка на влияние деепричастных оборотов должна сама собой отпасть, поскольку именно для них такое употребление было в то время менее всего характерно.

Неубедительно выглядит в свете этих фактов и гипотеза С. Н. Иванова. Более естественно и вероятно другое предположение: в оборотах типа *мен üçigan китоб*, *min Hindustanğa kilür jyl*, *Täqri jarlyqaduq (yn) üčün* и т. п. формы *üçigan*, *kilür*, *jarlyqaduq* и прочие являются просто сказуемыми, а *мен*, *min*, *täqri* соответственно подлежащими, которые, таким образом, с самого начала, то есть со времени появления придаточных предложений, связаны с глагольными формами предикативными отношениями.

Правда, Х. Винклер и К. Грөнбек даже в элементарных фразах типа *qan kälir* 'отец идет' или *äg at begür* 'человек дает лошадь' отказывались видеть глагольные предложения, предлагая номинативную трактовку: *Vater (s)-Kommen* 'приход отца' и *Männer-Pferdegeben* 'человека лошадавание'¹⁷, а А. ф. Габен, хотя и находила такое толкование «zu abst-

¹⁴ Подробнее об этом см. статью: П. И. Кузнецов. Форма на -дык и придаточные предложения тюркского типа. — «Иностранные языки. Сборник статей № 1». М., 1965, стр. 115 и сл.

¹⁵ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 28 (9) и 35. (Памятник в честь Кюль-Тегина).

¹⁶ См.: В. Д. Аракин. К истории изафета в тюркских языках. — «Тюркологические исследования». М., 1976, стр. 12—23. Ср. в связи с этим соображения о «притяжательном строе» языка: А. Н. Кононов. Происхождение прошедшего категорического времени в тюркских языках. — «Тюркологический сборник», № 1. М.—Л., 1951, стр. 117; *его же*. Вопросы изучения турецкого языка... в свете трудов И. В. Сталина по языкознанию. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. IV. Лингвистический сборник. М., 1952, стр. 156. Критика этого взгляда дана в статье: Г. Д. Санжеев. Спорные вопросы в изучении грамматического строя узбекского языка. — «Вопросы узбекского языкознания». Ташкент, 1954.

¹⁷ H. Winkler. Die altaische Völker- und Sprachenwelt, Leipzig und Berlin, 1921, стр. 33; K. Grönbech. Der türkische Sprachbau, I, Kopenhagen, 1936, стр. 134; ср. C. Brockelmann. Указ. раб., стр. 284.

rakt gedacht» '[несколько] абстрактным осмыслением'¹⁸, но также строго следовала номинативной теории, внося в концепцию своих предшественников лишь незначительные коррективы. Однако ни «приход отца», ни «человека лошадавание» не выражают, собственно говоря, никакой мысли, и здесь вновь возникает вопрос о том, можно ли представить себе такую «стадию» в развитии какого бы то ни было языка, когда предикативности либо вообще не было, либо она достигалась каким-то очень сложным путем, например: «приход отца существует»¹⁹ или «человек (есть) лошадь дающая вещь»²⁰.

5.0. Теория первичности глагольного предиката исходит из презумпции, что древнейшим типом предложения в языке, в котором уже появились первые начатки морфологии²¹, было простое распространенное предложение, не утратившее своей актуальности и поныне, например: *ata kel-ir* 'отец идет', *er at ber-ür* 'человек дает лошадь'. Формы спряжения не могли возникнуть одновременно с основой времени, однако соположение подлежащего и сказуемого вело к однозначному пониманию высказывания, например: *ben sever* 'я люблю', *sen sev-er* 'ты любишь', *ol sev-er* 'он любит', *biz sev-er* 'мы любим' и т. д. (ср. схему О. Н. Бётлингга). Таким образом, основа времени обозначала не действующее лицо («любящий»), а само действие, совершающееся в момент речи или имеющее совершиться в будущем, то есть обладала значением финитной глагольной формы.

Следует также предположить, что до возникновения сложного или осложненного предложения порядок слов в тюркском праязыке не был строго фиксированным: поскольку категория функциональных форм была представлена лишь финитными формами, они могли располагаться как в конце, так и в середине предложения (например, *er at berür* или *er berür at*). Но с возникновением соположенных предложений первое из двух следующих в относительной близости одно от другого глагольных сказуемых может попадать в зависимое положение от второго и становиться сказуемым придаточного определительного (или иного) предложения. Это — не специфика тюркских языков, а закономерность, присущая языку вообще. Г. Пауль писал: «... И в самом деле, определение есть не что иное, как деградировавшее сказуемое, которое не имеет самодовлеющего значения в предложении... Итак, определение к подлежащему впервые зародилось в предложениях с двойным сказуемым. Деградацию сказуемого, превращающегося в простое определение, мы можем лучше всего проследить на тех случаях, когда такой деградации подвергается глагол в личной форме»²². Фиксированный порядок слов, который, по-видимому, в эту эпоху и возникает, дает возможность, избегая новых морфологических образований, лишь за счет синтаксического членения фразы, передавать содержание придаточных конструкций.

Схематически процесс появления сложных (определительных) предложений на базе двух соположенных простых предложений может быть представлен следующим образом: 1) **er at berür, ben biner (ol)*

¹⁸ А. з. Gabain. Die Natur des Prädikats in den Türksprachen. — «Körösi Csoma Archivum», III. B., I. H., Budapest—Leipzig, 1940, стр. 85.

¹⁹ См.: Н. К. Дмитриев. Строй турецкого языка. Л., 1939, стр. 35.

²⁰ См.: Н. А. Баскаков. Историко-типологическая характеристика структуры тюркских языков. М., 1975, стр. 79.

²¹ О доморфологическом этапе см.: П. И. Кузнецов. К обоснованию теории вербальности тюркского предложения. (Статья первая). — «Советская тюркология», 1980, № 2, пункт 2.

²² Г. Пауль. Принципы истории языка. М., 1960, стр. 165—166.

at(ny) или *er berür at, ben (ol) at(ny) biner 'человек дает коня, я на (этого) коня сажусь' → 2) er berür at, (ben) at(ny) biner (ben) → 3) er berür (at)... at(ny) biner (ben) → 4) er berür at(ny) biner (ben) букв. 'человек дает — на коня я сажусь', то есть 'я сажусь на коня, что / которого дает человек'.

В этом предложении berür — сказуемое придаточного определительного предложения, но ни в коей мере не причастие. Лишь процесс субстантивации зависимого сказуемого приводит к появлению причастия (в данном случае — с формально не выраженным пассивным значением): er berür at 'лошадь, которую дает человек' → (er) berür at → berür at 'лошадь, которую дают' (в неопределенно-личном значении) → berür neñ 'вещь, которую дают, даваемая вещь' — berür (neñ) — berür 'даваемое'²³.

Так же, в процессе постепенной субстантивации финитной формы придаточного предложения возникают и причастия действительного и среднего залога, ср. uçar 'Vogel' ('птица'; < летящее < летит).

Процесс становления придаточных дополнительных предложений на примере аориста можно представить себе следующим образом: *quş uçar, ben anu körür 'птица летит, я (э)то вижу' (простые соположенные предложения) → quş uçar, (ben) anu körür (ben) → quş uçar, (a)nu körür (ben) → quş uçar-ny körür (ben) 'я вижу, что птица летит', где quş (птица) — подлежащее, а uçar-ny (что летит) — сказуемое придаточного дополнительного предложения²⁴. Конструкции типа quş uçar-ny или quş uç-duq-ny в памятниках тюркских языков не встречаются, но совершенно сходная с ними конструкция типа quş uç-muş-у засвидетельствована: ... Aju birdi barça özi bilmişi '... Он рассказал ему все то, что знал сам'²⁵.

5.1. Естественно, возникает вопрос: допустимо ли, чтобы тот или иной падежный аффикс (-пу, -да, -дап и т. д.) или послелог (например, üçün) присоединялся к форме изъявительного наклонения? И можно ли такой конгломерат форм называть, как это сделано выше, сказуемым придаточного предложения? Г. Пауль указывал: «... И в самом деле, придаточное предложение является не чем иным, как членом предложения, а в некоторых случаях выступает даже как часть такового. Однако то обстоятельство, что оно может быть оформлено как самостоятельное предложение, побуждает нас охарактеризовать его именно как предложение, причем решающим моментом оформления принято считать присутствие глагола в личной форме»²⁶. В нашем примере quş uçar-ny является именно членом предложения (прямым дополнением), а наличие глагола в финитной форме (uçar) и, добавим, субъектно-предикативной связи между двумя главными элементами конструкции (quş — uçar), делает ее классическим образцом придаточного предложения (хотя, ввиду отсутствия союза, этот образец и не соответствует индоевропейским стандартам).

Вообще почти в любом примере, где анализируемые формы имеют, казалось бы, чисто субстантивные функции, легко улавливается элемент

²³ Впрочем, в severim 'мой любимый' можно, пожалуй, видеть и непосредственную субстантивацию финитной формы: мой + люблю = мой люблю (= мой любимый).

²⁴ Аналогичные реконструкции с формой на -duq см. в статье: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на -ды и имен действия в тюркских языках. — «Тюрко-монгольское языкознание и фольклористика». М., 1960, стр. 56—57.

²⁵ С. Е. Малов. Указ. раб., стр. 250 и 275. (QB, Наманганская рукопись).

²⁶ Г. Пауль. Указ. раб., стр. 145.

не только глагольности, но и финитности. Например, выражение *toğar-dan batarya* (QB 106, 11) К. Брокельман переводит: «от востока до запада», что, конечно, правильно, однако вряд ли соответствует внутренней форме этих *toğar* и *batar*; последняя значительно яснее в Rbg. 43, 1, где встречается более полная конструкция — «mit Subjekt» (с подлежащим): *kün toğardan kün batarya*²⁷. Здесь возможен перевод «от востока до захода солнца», однако *kün toğar* и *kün batar* — явные предложения («солнце восходит» и «солнце заходит») и думается, что мы будем ближе к истине, усматривая в такой конструкции чисто формальную субстантивацию, не отражающуюся на отношениях субъекта и предиката (подлежащего и сказуемого) — *kün toğar*, *kün batar* — аналогично описанию полярной ночи в одной детской книжке: «От солнышко скрылось до солнца блеснуло / Три месяца долгих, пожалуй, минуло».

Присоединение именных словоизменительных аффиксов к формам изъявительного наклонения — явление достаточно известное и за пределами тюркских языков. В свое время Н. И. Фельдман, конкретизируя выдвинутое Н. И. Конрадом положение о склонении предложений в японском языке²⁸, говорила о том, что возможность применения способа образования подчиненных предложений путем склонения «связана с двумя явлениями морфологии: во-первых, с наличием особых форм глагола, одновременно сказуемых и склоняемых, т. е. по отношению к предшествующим словам, имеющих смысл изъявительного наклонения, а отсюда и способность иметь свое подлежащее, а также полностью сохраняющих глагольное управление — способность иметь дополнения (в том числе и прямое), а по отношению к последующему, ими управляющему слову, выступающих как имя»²⁹. При этом, «когда глагол явно имеет значение индикатива — что, собственно, является нормой, — субстантивация служит только формой присоединения падежного суффикса и вместе с ним распространяется на предложение в целом»³⁰. Таким образом, падежный аффикс не субстантивирует финитную глагольную форму, за которой следует, а служит лишь показателем того, что предложение, к которому он присоединен, в рамках более сложного целого является дополнением, или точнее говоря, придаточным дополнительным предложением.

Серьезные критические замечания — особенно в адрес тюркологов — прозвучали в статье Л. Б. Никольского, показавшего, что «сторонники теории „развернутого члена предложения“ не учитывают специфики конкретного языка и строят свои рассуждения с оглядкой на русский и другие европейские языки»³¹. Из сравнительно недавних работ можно указать на статью М. Н. Валла «О случаях оформления аффиксами падежей личных форм кетского глагола», где отмечается, что это явление «имеет свою аналогию в тюркских языках»³². Впрочем, по-

²⁷ С. Brockelmann. Указ. раб., стр. 233.

²⁸ См.: Н. И. Конрад. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937, стр. 334 и сл.

²⁹ Н. И. Фельдман. О реальном и фиктивном склонении предложений в современном японском языке. — «Ученые записки Института востоковедения АН СССР», т. IV, стр. 231.

³⁰ Там же, стр. 245.

³¹ Л. Б. Никольский. Причастие глагола в функции сказуемого придаточного предложения в современном корейском языке. — «Труды Военного института иностранных языков», № 9. М., 1955, стр. 87.

³² См.: «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», (I). Томск, 1969, стр. 96.

зиция большинства сторонников этого взгляда не вполне последовательна³³.

6.0. Падежным аффиксам в глагольных формах, занимающих позицию сказуемого придаточного предложения, чаще всего предшествуют аффиксы принадлежности, получившие это наименование по своей основной функции, выполняемой в современных языках. Однако специфика этих аффиксов невозможно понять, не учитывая истории их развития.

В языках доморфологической эпохи принадлежность могла выражаться только лишь соположением имен, например: *одежда человека* = *одежда* + *человек*, *моя одежда* = *одежда* + *я*, *твоя одежда* = *одежда* + *ты* и т. д.³⁴ Личные местоимения «я», «ты», «он» и т. д. в редуцированной форме позже превратились в аффиксы принадлежности³⁵. Но притяжательное значение они имеют лишь в сочетании с именами; в соединении же с некоторыми глагольными формами они выступали, разумеется, в своем исходном значении: «я», «ты», «он» и т. д. Не учитывая этого обстоятельства, Вундт и его последователи называли «именными» все глагольные формы, в которых наличествуют так называемые аффиксы принадлежности. А. П. Дульзон справедливо писал: «Нам остается добавить несколько слов о первоначальном осмыслении рассмотренных „притяжательных“ аффиксов. Можно ли подумать, что в выражении *мат ме:а* „я сделаю, сделал“ предикативное отношение было выражено посессивно („мое делание“)? Ни один носитель языка это отношение так не осмысливает, всегда считая себя самого активным деятелем, чем он фактически ведь и является. Сказанное надо подчеркнуть особенно в связи с тем, что во всех самодийских языках личные местоимения, при акцентировании лица, могут выступать в функции притяжательных (*мат* — „я“ или „мой“). Отсюда выходит, что притяжательные аффиксы фактически не выражают притяжательного (посессивного) отношения, а соотносят действие с классом деятеля»³⁶.

В связи с появлением предложений с двумя-тремя глаголами, из которых лишь один являлся главным сказуемым, возникло стремление приблизить главное подлежащее к сказуемому. Постепенно сложились спрягаемые формы глагола, — а позже и имени — и формами этими были, естественно, слегка трансформированные личные местоимения, например: **ben kögür* ‘я вижу’; **ben quş uçar-ny kögür* ‘я вижу, что птица летит’ → (*ben*) *quş uçarny kögür* (*ben*) → *quş uçarny kögür ben* → *quş uçarny kögür-ben* (> -men).

Становление лично-предикативных аффиксов вызвало тенденцию к отражению лица деятеля также и в придаточном предложении. Лично-предикативные аффиксы, использовавшиеся в главном предложении,

³³ См., например, работы: Э. Ф. Чисняков. Шорские причастные обороты в функции дополнительных придаточных предложений. — «Происхождение аборигенов Сибири и их языков», стр. 51—53; *его же*. Определительные придаточные предложения в шорском языке. — «Кемеровский государственный педагогический институт. Вопросы тюркской филологии». Кемерово, 1973, стр. 76—82 и др.

³⁴ Об этом говорит и К. Е. Майтинская, см.: К. Е. Майтинская. Сравнительная морфология финно-угорских языков. — В кн.: «Основы финно-угорского языкознания». М., 1974, стр. 267.

³⁵ Это мнение высказывал О. Н. Бётлингк (см.: *Boehtlingk. Kritische Bemerkungen zur zweiten Ausgabe von Kasem-bek's türkisch-tatarischer Grammatik...* — «Bulletin de la classe historico-philologique de l'Académie impér. des sciences de St.-Petersbourg», т. 5. СПб. — Лейпциг, 1848, стр. 341 и сл.), а еще раньше В. Шотт: *W. Schott. Versuch über die tatarischen Sprachen*, Berlin, 1836, стр. 67.

³⁶ А. П. Дульзон. Общность глагольных форм индоевропейских языков с урало-алтайскими. — «Томский государственный университет. Вопросы лингвистики», вып. 2. Томск, 1969, стр. 112.

были неудобны для этой цели, однако в языке уже существовали аффиксы, исходным значением которых было: *я, ты, он...*, то есть так называемые аффиксы принадлежности. Они-то и вошли в состав сказуемого придаточного предложения, например: **quš uçağ-u-pu köğür-ben* 'я вижу, что птица летит'. Поскольку аффиксы принадлежности использовались либо в согласовательной, либо в субститутивной функциях (заменяя собой подлежащие-местоимения), не могло быть и речи о том, чтобы предикативные отношения между главными членами конструкции превратились в какие-то иные, например притяжательные. Это подчеркивается полной равнозначностью конструкций без аффиксов принадлежности и с таковыми [ср. в орхон-енисейском: *-tuqynta* (*tuq + yn + ta*) = *-tuqda*; *-tuqyn ücün* = *-tuq ücün* и т. д.], а также невозможностью присоединения аффикса родительного падежа к подлежащему зависимого предложения: **quš uçağ-u*, а не **quš(n)yn uçağ-u*. Та же закономерность прослеживается и в некоторых других древних текстах³⁷.

6.1. Появление аффикса родительного падежа для обозначения субъекта дополнительных (и некоторых иных) конструкций объясняется смешением двух грамматических омонимов. Выше уже говорилось о том, что в процессе развития финитных форм глагола возникли, в частности, субстантивированные причастия, в том числе пассивные причастия типа *sever* 'любимый', *tanıduq* 'знакомый' и т. п. (см. пункт 5). Сочетание этих причастий с аффиксом принадлежности и родительным падежом имен или местоимений дает изафетное сочетание с обычным притяжательным значением, например: (*benim*) *sever-im* 'мой любимый' или (тур.) (*onun*) *okuduğunu bilirim* букв. 'я знаю его читаемое' (= 'я знаю читаемое им', 'я знаю, что он читает'). Совершенно иное значение имеет предложение *Okuduğunu bilirim* 'Я знаю, что он читает (а не пишет)', где нет субстантивированного причастия с пассивным значением, а есть глагол в личной форме, присоединенный к главному сказуемому посредством аффикса винительного падежа. Смешение этих двух внешне практически неразличимых типов³⁸ уже на довольно раннем этапе привело к появлению аффикса родительного падежа в конструкции, где по выражаемому значению его не должно было быть, например: **Quš-yn uçağ-u-pu köğür-men* или (тур.) *Kuş-yn uçtuğ-u-nu göğür-üm* 'Я вижу, что птица летает'. Впрочем, смысловое различие между двумя конструкциями полностью сохраняется.

Чем же объяснить, в таком случае, тот факт, что аналогичного смешения омонимичных форм не произошло в причинных, уступительных, временных и некоторых других придаточных предложениях? Причину этого следует видеть в том, что субстантивированные причастия на *-duq*, *-ug*, *-gan* и т. д. не сочетаются с отдельными послелогоми, например, *icin* (*ücün*), ибо такое сочетание не имело бы смысла (ср.: *onun okuduğu için* 'его читаемое, читаемое им' + *icin* 'так как' = ?). И поскольку омонимичных форм не возникает, конструкция с основным падежом подлежащего устойчиво сохраняет свои позиции [например: (тур.) (*o*) *okuduğu için*... 'так как он читает...'], хотя под влиянием дополнительных, определительных и других конструкций с родительным падежом субъекта могут появляться ошибки.

³⁷ См. два примера этого типа в работе: *C. S. Mundy*. Указ. раб., стр. 294.

³⁸ Не случайно сами исследователи тюркских языков, как правило, плохо их различают и пишут, например, о «форме на *-dik*», тогда как одна форма на *-dik* является причастием, а другая форма на *-dik* равнозначна финитному глаголу. В этом смысле не приходится говорить и об аористе как единой форме. Начинание Дж. Редгауза, впервые привлечшего для обозначения «формы на *-dik*» разные наименования (см.: *J. W. Redhouse. Grammaire raisonnée de la langue ottomane*., Paris, 1846, §§ 463, 470, 486), заслуживает, несомненно, полного одобрения.

Таким образом, для того, чтобы получить ясный ответ на поставленный выше вопрос (см. 4.0.), его следовало сформулировать иначе: речь должна была идти не о причинах отпадения аффикса родительного падежа в ряде конструкций, а, наоборот, о причинах его появления в некоторых из них.

В целом, можно видеть, что даже формы, внешне почти неотличимые от имен и даже названные именами (именами действия³⁹), в содержательном плане, который имеет первостепенное значение, характеризуются чисто глагольными свойствами — обозначают действие, совершенное субъектом зависимой конструкции — и не могут считаться ни причастиями, ни глагольными именами. Это тем более верно в отношении основ времен изъявительного наклонения. Следует подчеркнуть, что анализ Абель-Ремюза и других, согласно которому простые времена слагаются обычно из причастий в сочетании с презенсом глагола «быть», не подтверждается. О квалификации спрягаемых основ выше говорилось достаточно подробно. Что же касается личных аффиксов, то, как мы пытались показать в одной из статей, они не имеют значения настоящего времени ни в глагольных, ни даже в именных предложениях, где это значение выражается нулевым показателем⁴⁰.

7. Достоинство вербальной теории, на наш взгляд, состоит в том, что она исходит из постулата о последовательном развитии функциональных форм тюркского глагола, причем за исходную ступень развития берется употребление этих форм только в одной функции — предикативной (все остальные их функции последовательно выводятся из первой). Однако некоторые вопросы остаются пока без ответа.

Нелегко, например, объяснить такое интересное явление, подробно описанное Г. Дёрфером, как наличие в халаджском языке десяти форм повелительного наклонения, тогда как другие тюркские языки, ограничиваются обычно двумя-тремя формами⁴¹. В принципе, однако, следует проявлять сдержанное отношение к стремлению некоторых исследователей видеть в аномальных фактах периферийных языков следы древнейшего состояния, не сохранившегося в основной массе языков. Так, если какая-то форма строится на базе того или иного деепричастия, то она явно не может быть отнесена к числу древнейших, поскольку деепричастия должны были появиться в языке значительно позже первых форм изъявительного и повелительного наклонений.

Точно так же с позиций теории вербальности тюркского сказуемого нуждается в разъяснении наблюдение Э. А. Груниной, согласно которому субстантивные значения глагольных имен якобы имели в прошлом больший удельный вес, чем в современных языках⁴². Субстантивные и атрибутивные значения функциональных форм глагола вторичны по отношению к их предикативным значениям. Однако в условиях, когда не существовало еще специальных форм для передачи некоторых видов субстантивных значений, имевшие уже длительную историю развития индикативные по происхождению глагольные формы могли брать на себя выражение этих значений (так, сочетание показателя аориста с

³⁹ Этот термин употребляется нами в особом значении; см.: П. И. Кузнецов. Происхождение прошедшего времени на *-ды* и имен действия в тюркских языках, стр. 66—67 (сноска).

⁴⁰ См.: П. И. Кузнецов. Личные аффиксы в турецком языке. — «Труды Военного института иностранных языков», № 5. М., 1954, стр. 59—61.

⁴¹ См.: G. Doerfer. Der Imperativ im Chaladsch. — «Finnisch-ugrische Forschungen», т. 39, вып. 3. Хельсинки, 1972, стр. 295—340.

⁴² См.: Э. А. Грунина. Указ. раб., стр. 243 и сл.

аффиксом дательного падежа — *tur-ur-ya* и т. п. давало значение супина или инфинитива); впрочем, и сами сочетания этих аффиксов и соответствующие значения должны были возникнуть на достаточно продвинутой ступени развития языка.

Подводя общий итог изложенному, следует подчеркнуть, что, хотя теория номинативного происхождения тюркского глагола имеет, безусловно, глубокие корни, тем не менее как общетеоретические соображения, так и непосредственный анализ имеющихся языковых фактов позволяют высказать серьезные сомнения в ее корректности.

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. ДЖ. АБДУЛЛАЕВА

ВАРИАНТЫ СЛОЖНОСОЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ С ПОЯСНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗЬЮ

Одной из актуальных задач современного языкознания, как известно, является нормализация литературной речи. Этому вопросу посвящен ряд работ. Авторы одной из них предлагают даже выделить специальную лингвистическую дисциплину, изучающую вариантность, именуемую ими «ортологией», подчеркивая при этом необходимость дальнейшего уточнения ее предмета, границ и методики исследования¹.

Ю. Д. Скребнев в своей статье возражает против выделения ортологии в особую область исследования, поскольку в ней, по его мнению, переплетаются материалы нормативной грамматики с некоторыми понятиями и задачами стилистики².

Е. И. Шендельс, рассматривающая категорию варианта на материале немецкого языка в сравнительном плане, считает, что для выявления синтаксической синонимии необходимо прежде всего отграничить ее от некоторых смежных языковых явлений³.

В отличие от Ю. Д. Скребнева, Н. Н. Семенюк считает целесообразным изучение нормы и вариантности в рамках специального раздела языкознания, подчеркивая исключительную как теоретическую, так и практическую важность исследования их взаимосвязей. Исходя из материалов немецкого языка, Н. Н. Семенюк указывает, что вариантность может быть связана с одинаковыми лексемами, словосочетаниями и синтаксическими конструкциями⁴.

Совершенно очевидно, что проблема грамматической вариантности многопланова и требует разносторонних исследований. В лингвистической литературе варианты, как правило, делятся на две различно именуемые авторами группы: полные и неполные⁵, факультативные и комбинаторные⁶, самостоятельные и зависимые⁷, постоянные и временные⁸, значимые и незначимые⁹.

¹ О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. К вопросу о «правильности» речи. — «Вопросы языкознания», 1960, № 2, стр. 35.

² Ю. Д. Скребнев. К вопросу об «ортологии». — «Вопросы языкознания», 1961, № 1.

³ Е. И. Шендельс. Синтаксические варианты. — «Филологические науки», 1962, № 1, стр. 10.

⁴ Н. Н. Семенюк. Некоторые вопросы изучения вариантности. — «Вопросы языкознания», 1965, № 1, стр. 49.

⁵ Там же, стр. 30.

⁶ Н. С. Трубецкой. Основы фонологии. М., 1960, стр. 55.

⁷ Л. Ельмслев. Прологомены и теория языка. — В сб.: «Новое в лингвистике», вып. 1. М., 1960, стр. 338.

⁸ О. С. Ахманова, Ю. А. Бельчиков, В. В. Веселитский. Указ. раб., стр. 37.

⁹ Е. И. Шендельс. Указ. раб., стр. 18.

В азербайджанском языкознании синтаксическая вариантность до настоящего времени не была объектом специального исследования. Этот вопрос был затронут лишь И. Мамедовым в связи с проблемой грамматической синонимии. Автор проследил постановку данного вопроса в общем языкознании и изложил собственную точку зрения. В частности, он высказал свое несогласие с Г. Г. Полищуком, который, говоря о формах выражения понятия принадлежности в русском языке, относит к парным вариантам равноправные формы выражения одного и того же содержания, одной и той же грамматической категории. И. Мамедов же считает, что формы и сходные сочетания, различающиеся незначительными оттенками, должны быть отнесены не к вариантам, а к синтаксическим синонимам¹⁰.

Вариантность, разумеется, не должна смешиваться с синтаксической синонимией. Одно и то же содержание может выражаться в языке разными формами. Художественная выразительность речи определяется не только точным подбором слов и сочетаний, но и характером использования языковых единиц в соответствии с семантическими и стилистическими требованиями. Уместность употребления тех или иных языковых единиц определяется содержанием речи, индивидуальностью и уровнем культуры говорящего, его способностью пользоваться богатствами языка. Существующие в языке параллели сложились в процессе развития человеческого мышления, в результате осмысления людьми особенностей того или иного явления действительности.

Если синонимические конструкции — это параллели, передающие близкое грамматическое значение с помощью различных синтаксических единиц и отличающиеся стилистическими оттенками значения, то синтаксические варианты представляют собой различающиеся формы внутри одной и той же модификации, акцентирующие внимание на определенной особенности предметов или явлений. Известно, что восприятие внешнего мира объективируется с помощью языковых средств, независимо от человеческого сознания. Одно и то же явление может быть выражено как отличающимися, так и сходными синтаксическими единицами. В первом случае возникает синонимический ряд, а во втором — вариантный.

Известно также, что компоненты сложного предложения связываются между собой определительным типом связи (подчинительной и сочинительной). Различные классы сложных предложений, выражающие близкие явления и ситуации, отличаются друг от друга только типом связи, что находит отражение и в характерном сходстве их названий. Ср.: подлежащее придаточное и сложносочиненное предложение, один из компонентов которого поясняет подлежащее другого; сказуемое придаточное и сложносочиненное предложение с пояснением сказуемого; придаточное дополнительное и сложносочиненное предложение с пояснением дополнения; определительное придаточное и сложносочиненное предложение с пояснением определения; обстоятельственное придаточное и сложносочиненное предложение с пояснением обстоятельства. В первых случаях сложное предложение образуется на основе подчинительного отношения, а во вторых — сочинительного.

В настоящей статье рассматриваются придаточные предложения, представляющие собой варианты сложносочиненных предложений, образованных на основе пояснительного отношения.

¹⁰ И. Мамедов. Азербайжан дилинде грамматик синонимлик (фе'л формалары эса-сында). Канд. дисс. Баку, 1970, стр. 57.

В работах, посвященных синтаксису сложносочиненного предложения в азербайджанском языке, утверждается, что в сложносочиненных предложениях, образованных на основе пояснительной связи, второй компонент сложного предложения относится либо к подлежащему, либо к сказуемому, либо же к дополнению первого предложения¹¹.

1. Второй компонент сложносочиненного предложения, поясняющий подлежащее или группу подлежащего первого компонента, является вариантом подлежащего придаточного предложения; например:

Даша дөнмүш адамлара һәјат гајытмады, бир-биринин ејни олан јүзләрчә синәдән налә гонду: нифрәт вәгәзәб наләси (Ајтән) 'Жизнь не вернулась к людям, превратившимся в камень, из сотен грудей, как из одной, вырвался вопль: вопль ненависти и гнева'. — *Бир заман тәләбә кими бу консерваторијанын пилләләрини галхан Зәһранын фикринә дә кәлмәзди ки, о, Азәрбајҹанда илк органчалан гадын олачагдыр* (газ. «Әдәбијат вә инчәсәнәт», 22.V.1971) 'Когда-то поднимавшейся по ступеням этой консерватории в качестве ученицы, Захре не могло даже прийти в голову, что она будет первой в Азербайджане органисткой'. *Онун кетдијүндән вә кери гајытмадығындан тәк бир нәфәр хәбәр тутду: алман дивизија ғәраркаһы рәисинин јавәри капитан Хенделф* (С. Гәдирзадә) 'О том, что он ушел и не возвратился, узнал только один человек: адъютант начальника штаба немецкой дивизии капитан Хендельф'. — *Инди јадыма дүшдү ки, гапыны ишарә илә таппылдадырмыш* (Ш. Әскәров) 'Сейчас только я вспомнил, что он подавал сигнал, хлопая дверью'.

В приведенных выше двух примерах первое предложение является сложносочиненным, а второе — сложноподчиненным, причем в составе обоих второй компонент поясняет подлежащее первого. Различие между ними состоит только в характере связи их составных частей — сочинительной и подчинительной.

2. Вариантный ряд образуют также сказуемостные придаточные и сложносочиненные предложения, второй компонент которых поясняет сказуемое первого компонента. При этом сказуемое первого компонента сложносочиненного предложения может быть как именным, так и глагольным. В соответствующем же сложноподчиненном предложении сказуемое главного предложения бывает только именным; например:

Мәммәдһәсән әми вагәән чох мейрибан атады: о һеч вахт истәмәзди өвладынын үрәјини бир дәм сыхсын (Ч. Мәммәдгулузадә) 'Дядя Мамедгасан был очень ласковым отцом: он ни за что не хотел, чтобы его ребенка что-либо расстроило'. — *Мәсәләнин чәтинлији онда иди ки, нә мән, нә дә гыз ешг сөзләри билирдик* (Л. Н. Толстој) 'Трудность заключалась в том, что ни я, ни девушка не знали слов любви'. — *О чох көрмүш сәјјаһын зөвгүнчә сәлигәјә салынмыш вә бәзәдилмишди: диварларда әјри түрк ғылынчындан тутмуш һиндли дөјүш балтасына гәдәр бу зәнчи комасындан һәр чүр гәдим силаһ нөвү асылмышды* (С. Вәлијев) 'Она была приведена в порядок и украшена со вкусом многое повидавшего путешественника: на стенах негритянского жилища были развешаны самые различные виды древнего оружия, от кривых турецких мечей до индейских боевых топоров'. — *Вәзифәм еләдир ки, кәрәк вахтла һесаб-лашмајам* (М. Нүсејн) 'Моя должность такая, что я не должен считать-ся со временем'.

¹¹ См.: *Н. Бајрамов*. Мүасир Азәрбајҹан дилиндә табесиз мүрәккәб чүмләр. Бақы, 1960, стр. 69; *Ә. Абдуллајев, Ј. Сејидов, А. Һәсәнов*. Мүасир Азәрбајҹан дили. Бақы, 1972, стр. 346.

Сказуемое придаточное предложение и соответствующий компонент сложносочиненного предложения могут пояснять сказуемое, выраженное существительным с послелогом; например:

Фикир вэ дуѓу да даѓ јерлэринин гонагы кимидир: хэбэрсиз-этэрсиз кэлир (Р. Нэмзэтов) 'Мысль и чувство, как гость в горной местности: приходят без предупреждения'. — *Бизим ихтилафымыз онун үчүндүр ки, сэн шэхси манафеи инсан фэалијјэтинэ тэкан верэн эсас гүввэ кими гэбул едирсэн, мэн исэ куман едирэм ки, үмүми рифаһ манафеи мүэјјэн тэхсил савијјэсиндэ дуран һэр бир адамда олмалыдыр* (М. Ибраһимов) 'Наши разногласия заключаются в том, что ты принимаешь личную выгоду за основную силу, движущую человеческой деятельностью, я же полагаю, что общий достаток должен быть у каждого человека, стоящего на определенном уровне образования'.

Такие синтаксические параллели, образующие вариантный ряд по типу связи, могут пояснять сказуемое как в утвердительной, так и в отрицательной форме; например:

Алимин арвады чобан гызы иди: атасы өмрүнү даѓларда гојун сүрүлэринин ичиндэ кечирмишиди (М. Ибраһимов) 'Жена ученого была дочерью чабана: ее отец всю жизнь провел в горах, среди овечьих отар'. — *Әмәјә бахышларда әмәлә кәлән бөјүк ирәлиләјиш мәһз бундан ибарәтдир ки, инсанлар ишә мүнәсибәтдә ишин ичтимаи фәјдалылығыны вә әзурилијјини биринжи јерә чәкдиләр* (учебное пособие «Естетик тәрбијә») 'Большой сдвиг во взглядах на труд состоит именно в том, что люди в своем отношении к работе на первый план поставили ее общественную полезность и важность'. — *Лакин о, институтда белә дејилди: бир мәсәлә музакирә олунанда фикрини мүдафиэ етмәк үчүн гызғын мубаһисәјә кирир вә һағлы олдуѓуну инадла сүбүт едирди* (Н. Аббасзадә) 'Однако он в институте не был таким: при обсуждении какого-либо вопроса он, чтобы защитить свою точку зрения, вступал в горячую полемику и уверенно защищал свою правоту'. — *Сосиалист реализминин јенилији ондан ибарәт дејилди ки, о, өз сәләфлэринин реализмидән јахшыдыр* («Естетик тәрбијә») 'Новизна социалистического реализма состоит не в том, что он лучше реализма его предшественников'.

Если в сложносочиненном предложении второй компонент поясняет содержание сказуемого первого компонента, то являющееся его вариантом придаточное сказуемое уточняет те особенности подлежащего главного предложения, которые не могут быть раскрыты сказуемым; например:

Орада һәјат көзәл олмаса да, доланачаг учуз вә раһатдыр: һәр бир шеј вар, һәр бир шеј учуздур, һәр бир шеј әлдә етмәк олар вә кәнддә ушағлар үчүн чох јахшы олачагдыр (С. Вәлијев) 'Жизнь здесь хотя и не красива, но дешева и удобна: все есть, все дешево, все легко достать, и детям в деревне будет очень хорошо'. — *Мәсәлә бурасындадыр ки, шәһәримизин күчәләриндә көзә дәјән јарашығлы бир шеј јохдур* (М. Нүсејн) 'Дело в том, что на улицах нашего города нет ничего такого красивого, что бросалось бы в глаза'. *Бунун сәбәби исә ајдындыр: бизим һаымызы бирләшдирән Совет Вәтәнидир* (газ. «Азәрбајчан кәнчләри», 7.X.1975) 'Причина этого ясна — всех нас объединяет Советская Родина'. — *Мәммәд кишинин фәрәһинә сәбәб о иди ки, бу вахта гәдәр онун сәдрлик етдији колхозун үзвү, бир кәндлиси белә, кәнддән чыхыб башга сәмтә үз тутараг кетмәмишиди* (С. Сүләјманов) 'Предметом гордости Мамеда-киши было то, что до настоящего времени ни один член колхоза, где он председательствовал, ни один крестьянин не уехал из деревни'.

Вторая часть сложносочиненного предложения может пояснять как сказуемое первой части, выраженное местоимением, так и общее содержание первой части в целом. Сказуемое придаточное же всегда уточняет сказуемое главного предложения; например:

Бу заман бир-биринэ зидд чурбачур хисслар кечирирди: бир тэрэфдэн өз гəдим тарихи илə фəхр едир, бир тэрэфдэн дə халгынын һəмишə дəрдли кечмишини дүшүнүрдү; бир тэрэфдэн мəсчидлəри музей кими горумаг истəјир, бир тэрэфдэн дə бүтүн бунлары сəкүб јериндə өзүнүн нəјə гадир олдуғуну кəстəрэн кəјдэлəнлəр — «Ичəри шəһəр» кəјдэлəнлəри учалтмаг истəјирди (Елчин) 'В это время он испытывал различные противоречивые чувства: с одной стороны, гордился своей древней историей, с другой — задумывался над горестным прошлым своего народа; с одной стороны, хотел сохранить мечети подобно музеям, а с другой — хотел все их снести и возвести там, показывающие, на что он способен, небоскребы — небоскребы «Крепости». — Сиздэн хəһишим будур ки, Асланов јолдаша мəним арзуму сəјлəјəсиниз (М. Нүсəјн) 'Моя просьба к вам заключается в том, чтобы вы сообщили о моем желании товарищу Асланову'.

В рассматриваемом типе сложносочиненного предложения поясняемая часть бывает как односоставной, так и двусоставной; например:

Сејран, сən бир мəним атама нəзэр сал, онда кəрəрсən ки, бу аз мүддəтдə нə гəдэр дəјишибдир: гочалыб, бели бүкүлүб, арыглајыб, јанаглары саралыб, кəзлəри чухура дүшүб (А. Ширванзадə) 'Сейран, ты взгляни только на моего отца и увидишь, как он изменился за это короткое время: постарел, согнулся, похудел, лицо пожелтело, глаза ввалились'. — Арзум будур ки, һамыныз гəлəм саһиби оласыныз (М. Ибраһимов) 'Мое желание заключается в том, чтобы вы все стали грамотными людьми'. — Атам муһарибəдə һəлак олдуғуна, хəстə, дəрдли анамла тəк галдығыма бахмајараг, тəлəбəлик иллəрим пис кечмəмишди: һамыдан гајғы кəрмүшдүм (Ҷ. Мəммəдов) 'Несмотря на то, что мой отец погиб на войне и я остался один с больной, несчастной матерью, мои студенческие годы прошли неплохо: все проявляли заботу обо мне!'. — Мəним үчүн дүнјада эн бəјүк сəадəт одур ки, сən хошбəхт оласан (М. Ибраһимов) 'Для меня самое великое счастье в жизни, чтобы ты был счастливым'.

3. Сложносочиненное предложение, второй компонент которого поясняет дополнение первого, является вариантом сложноподчиненного предложения с дополнительным придаточным. Второй компонент сложноподчиненного предложения поясняет слово с неопределенной семантикой в составе первого компонента. Придаточное дополнительное же либо заменяет дополнение главного предложения, либо уточняет дополнение, выраженное местоимением; например:

О, элини һэр шејдэн үзмүшдү: нəинки Сəфурə ханымын кəврəк тəсəллисинə, һеч өзүнə дə инанмырды (Ф. Ағəјев) 'Она совершенно потеряла надежду: не верила не только в утешения Сафуры-ханум, но и в себя самое'. — Гызчығаз һэр шејдэн чох ондан горхурду ки, саат он икидə јени ил кəлəндə јатмыш олсун («Азэрбајчан кəнчлəри», 13.IX.1975) 'Девочка больше всего боялась, что заснет в двенадцать часов, когда наступит Новый год'. Анчаг бир шеји хатырлајырдым: ким исə элимдэн тутуб вə мən дəниз кəнарындакы сүрəһинын үстү илə аддымлајырам, ашағыда дəниз чаглајыр (Елчин) 'Я вспоминал только одно: кто-то держит меня за руку, и я шагаю по балюстраде, а внизу плещется море'. — Бизим алакəз гызларымыз, намусларына сығышдырмазлар ки, һəјəсыз фашистлəр азғынлыг етсинлəр (Ә. Вəлијев) 'Наши кареглазые,

добропорядочные девушки не допустят, чтобы наглые фашисты бесчинствовали'.

Если в главном компоненте сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным дополнение выражается местоимением, то в поясняемой части его сложносочиненного варианта употребляется слово со значением неопределенности (*шей* 'вещь', *бир* 'один'); например:

Бәнөвишә баһарын додагларына бахыр, бајагдан бәри асыла галмыш һәрәкатсиз, солгун додаглар инди тәрпәнир вә санки таныш бир маһныны сон дәфә тәкрар едирди: Бүлбүлү күлдән өтрү чәкдиләр багда дара (К. Хүсәйноғлу) 'Финалка смотрела на губы весны, до того поникшие, неподвижные, увядшие губы теперь вздрагивали и как-будто в последний раз повторяли знакомую песню: Соловья повесили в саду из-за розы'. — *Шофер олан кәс дүнјада үч шейи тәмиз сахласын: машыныны, урәјини, адыны* (Ә. Әјлисли) 'Шофер три вещи в мире должен содержать в чистоте: свою машину, свое сердце, свое имя'. *Һәбибулла да сују арам-арам ичә-ичә Кәбирәјә бахыр вә арвадынын сифәтиндә әмәлә кәлмиш дәјишиклији елә бил илк дәфә көрүрдү: Кәбирәнин ири чејран көзләри нисбәтән хырдаланмышды* (Һ. Сејидбәјли) 'Хабибулла, так же медленно продолжая пить воду, смотрел на Кабиру и как бы впервые видел изменения на лице жены: большие, как у джейрана, глаза Кабиры стали меньше'. — *Гадын ијирми үч ил әввәл итирдији шух кәнчлијини санки бу күн гоншу гызынын гәһгәһәсиндә тапды: әревинә көчүрүлән-дән сонра көзәллији елә бил јенидән Мәһбүбәнин симасында тәрәвәт-ләнди* (С. Гәдирзадә) 'Женщина как бы нашла свою потерянную двадцать три года тому назад резвую молодость в сегодняшнем смехе соседской девушки: после того как переселилась в дом мужа, красота ее как-будто вновь возродилась в лице Махбубы'.

В главном компоненте сложноподчиненного предложения с придаточным дополнительным может отсутствовать дополнение; точно так же поясняемая часть соответствующего сложносочиненного предложения может употребляться без дополнения; например:

Инанын ки, бә'зән өзүм дә бир ушаг һәрислији илә онун һәзин-һәзин охудуғу лајланын сәдалары алтында мышыл-мышыл јатырдым (М. Ибраһимов) 'Поверьте, иногда и я сам, как ребенок, сладко засыпал под грустные звуки ее колыбельной песни'. — *Јунус јухуја кедә-кедә дүшү-нүрдү: көр инсанлар нечә чүрбәчүр јашајырлар* (Г. Мусајев) 'Юнус, засыпая, думал: вот как по-разному живут люди'.

Сказуемое поясняемой части данного типа сложносочиненного предложения бывает как глагольным, так и именным; например:

Анам һеч сонралар да билмәди ки, онун еркән итирдији севјиси, атама гурбан вердији мәһәббәт јашајыр (Ҷ. Әлибәјов) 'Моя мать и потом не узнала, что ее ранее потерянная любовь, отданное моему отцу чувство — живет'. — *Әзим исә, Һәмид ондан бир шей сорушмадан да, анчаг өз барәсиндә данышырды: о, әрдәбиллидир, үч ајдыр ки, иш да-лынча кедир, иш тапа билмир* (Һ. Ф. Хошкинаби) 'Азим же, хотя Гамид у него ничего и не спрашивал, говорил только о себе: он, мол, ардабилец, вот уже три месяца ищет работу, но найти ее не может'. *Онун вә сизин һәјәтыңызда бир шей мәнә ајдын дејил: нә үчүн о, сизинлә евләкмә-ди* (С. Вәлијев) 'В его и вашей жизни мне неясна одна вещь: почему он не женился на вас?' — *Мәшәди архајын иди ки, һәдәдән сонра оғлу аја-ғыны клубдан үзмүшдүр* (Г. Мусајев) 'Мешади был уверен, что после предупреждения его сын перестал посещать клуб'.

В обеих синтаксических параллелях, являющихся вариантом по типу связи, сказуемое может выступать в утвердительной и отрицательной формах; например:

Дағлы ики шеји мөһкәм горумалыдыр: өз папағыны өз өз адыны (Р. Һәмзәтов) 'Горец должен крепко беречь две вещи: свою папаху и свое имя'. — *Көркәмли совет җазычысы К. Паустовски җазыр ки, биз инди китабсыз нә җашага биләрик, нә дә мубаризә едә биләрик, нә севинә биләрик, нә дә гәләбә чала биләрик* (Г. Исмајылов) 'Видный советский писатель К. Паустовский пишет, что мы теперь без книг не можем ни жить, ни бороться, ни радоваться, ни побеждать'. *Мусајев бир шеји билмирди: баш кеолог бизим алимләрдән сөз салачаг* 'Мусаев не знал одного: главный геолог заведет разговор о наших ученых'. — *Биз аналар истамирик ки, даһа торпагдан ган, һавадан барыт гоһусу кәлсин* (Һ. Ибраһимов) 'Мы, матери, не хотим, чтобы земля опять пахла кровью, а воздух — порохом'.

4. Сложносочиненное предложение, вторая часть которого поясняет определение в первой, образует вариантный ряд с придаточным определительным предложением; например:

Гафур ушағлары гојуб гајыданда дәһшәтли бир мәнзәрәнин шаһиди олды: тәрбијәчи ғыз ал гана бојанмышды (Н. Бабајев) 'Гафур, оставив детей и возвратившись, стал свидетелем страшной картины: девушка-воспитательница была вся в крови'. — *Хәстәхана елә бир јердир ки, бурада сәадәтлә јанашы фәлакәт, севинчлә бәрәбәр кәдәр ... ачы көз јашлары да чох олу* (Г. Хәлилов) 'Больница — это такое место, где счастье соседствует с несчастьем, радость с горем, ... бывает много и горьких слез'. — *Һәсән бу саат араја сүкут чөкәчәјини дүшүндү өз бир анын ичиндә һәмин сүкуту һисс етди: бу бөјүк отагда сүкут онун үчүн ишкәнчә оларды, бу сүкут отаг јүклү оларды — ағыр-ағыр* (Елчин) 'Гасан подумал, что сейчас наступит тишина, и мгновенно почувствовал эту тишину: в этой большой комнате тишина была бы для него пыткой, эта притихшая комната была бы грузом — тяжелейшим'. — *Сән һәмин адамсан ки, јаландан чохунун үзүнә дурмусан* (Һ. Ибраһимов) 'Ты тот самый человек, который ложно свидетельствовал против многих'.

5. Сложносочиненное предложение, вторая часть которого поясняет обстоятельство в первой, образует вариантный ряд с обстоятельственным придаточным предложением; например:

Мүһарибә достларың һәрәсини бир јана атмышды: әскәр кедәнләрин чоху гајытмамыш, архаја көчүрүләнләр орада-бурада илишиб көк салмышды (Ч. Һүсәјнов) 'Война разбросала друзей в разные стороны: большинство ушедших в армию не вернулось, эвакуированные в тыл, осели в разных местах, обжили их'. — *Һәким һараја демишдисә, Зәрнишан ханым да ијнәни ораја вурду* 'Куда врач сказал, Зарнишан-ханум туда и сделала укол'. *Јахшы ишдән ики дәфә зөвг алырсан: бир о иши јеринә јетирәндә, бир дә өз әмәјиниң бәһрәсини көрәндә* («Азәрбајҗан кәнчләри», 17.VI.1976) 'От хорошего дела удовольствие получаешь дважды: когда это дело делаешь и когда видишь его плоды'. — *Мән јалһыз онда сакит олурам ки, фикирләрим, һеч олмаса, кағыза көчүрүм, үрәјим бошалсын* (Г. Хәлилов) 'Я только тогда успокаиваюсь, когда свои мысли хотя бы на бумагу переносу, облегчаю свое сердце'. — *Гајдаганун Шәмсиниң дә евиндә бәрпа олунмушду: евин һөрмәтли саһиб гоча вахтларында көчәриләр кими дағлары-дашлары кәзмир, раһатча өз јорған-дөшәјиндә јатырды* (Һ. Аббасзадә) 'В доме Шамси также восстановился порядок: уважаемый хозяин дома в старости не бродил по горам и долам, подобно кочевникам, а спокойно спал в своей постели'. — *Көзү-көнлү Гәләмә елә өјрәнмишди ки, ичәри кириб ону көрәндә, адәтән јорғунлуғуну унудур, дәрди-гәми јоха чыхырды* (Ә. Мирзәчәфәрли)

‘Он так привык к Гялям, что когда входил и видел ее, обычно забывал об усталости, своих заботах’.

На основе вышеизложенного можно сделать следующие выводы:

1. Синтаксическая вариантность существует между одинаковыми синтаксическими единицами.

2. В зависимости от типа связи между компонентами, сложносочиненные предложения образуют варианты со сложноподчиненными предложениями.

3. Сложносочиненные предложения, составные части которых связаны пояснительным отношением, являются вариантами сложноподчиненных предложений с придаточными подлежащими, сказуемыми, определительными и обстоятельственными:

- а) при пояснении подлежащего — с придаточным подлежащим;
 - б) при пояснении сказуемого — с придаточным сказуемым;
 - в) при пояснении дополнения — с придаточным дополнительным;
 - г) при пояснении определения — с придаточным определительным;
 - д) при пояснении обстоятельства — с придаточным обстоятельственным.
-

М. И. ТРОФИМОВ

О СМЫСЛОРАЗЛИЧИТЕЛЬНОЙ ФУНКЦИИ УДАРЕНИЯ В УЗБЕКСКОМ ЯЗЫКЕ В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ

Формирование понятий, служащих для описания фонетической и грамматической системы узбекского языка, так же как и других тюркских языков, в значительной мере происходило под влиянием русской грамматики. В этом свете, по-видимому, полезно сопоставить системы двух языков, чтобы получить более четкое представление о типологических различиях между ними. Что касается ударения, то проблемы возникают уже при его определении. Р. И. Аванесов в этой связи пишет: «Слоги, составляющие слово (точнее, фонетическое слово), бывают не одинаковы, если в слове больше одного слога. Один из слогов двусложного или многосложного слова выделяется теми или иными фонетическими средствами среди других. Такое выделение и представляет собой то, что называется ударением, точнее, ударением слова или словесным ударением. Односложные слова, способные употребляться отдельно, то есть самостоятельные слова (в отличие от служебных) состоят по существу из слога ударенного. Ср. дом — *до́*ма, нить — *ни́*ти, шел — *при́*шел»¹.

В русском языке место ударения не фиксировано, и оно может падать на любой слог слова и на разные морфологические элементы. В некоторых других языках место ударения фиксировано, и ударение обычно приходится на определенный слог слова. Такое ударение называется фиксированным или связанным. Разноместность ударения является важным фонологическим средством и служит для различения звуковых оболочек разных слов. В языках с постоянным, фиксированным ударением оно не может быть средством различения звуковых оболочек слов².

Данное положение представляется нам несколько противоречивым. Во-первых, если слово односложное, самостоятельное или служебное, то уже нельзя говорить о «выделении» одного из слогов, по крайней мере в рамках слова. Во-вторых, самое понятие выделения может иметь различный смысл в зависимости от характера ударения — в том или ином языке — разноместного или связанного. Недостаточно четкое различение этих двух понятий может привести к их смешению.

Как известно, фундаментальный языковой вопрос о смысловозначительной функции ударения не сводится к отысканию контрастных или

¹ Р. И. Аванесов. Фонетика русского литературного языка. М., 1956, стр. 61—62.

² См.: там же, стр. 68—69.

минимальных пар. Здесь она находит лишь наиболее наглядное выражение.

Р. И. Аванесов предлагает для русского языка классификацию контрастных пар, то есть противопоставлений, состоящих из созвучных слов (омографов), различающихся по смыслу только благодаря ударению. Мы используем эту классификацию в несколько упрощенном виде.

1) Первую группу составляют пары, состоящие из слов как таковых, со всеми их грамматическими формами или, по крайней мере, большинством их: мука́—му́ка, замо́к—замо́к, хлопо́к—хлопо́к и т. д. Сюда же примыкают слова, которые, хотя и относятся к одной и той же части речи, но могут противопоставляться лишь в некоторых формах парадигмы: са́мого, са́мому—самого́, са́мому, па́ры, па́рами, о па́рах—па́ры, па́рами, о па́рах, а также противопоставления, состоящие из неизменяемых слов: здо́рово—здо́рово. По своей семантике слова́ первой группы сильно различаются. Таким образом, эти пары близки к омонимам общего типа.

2) Ко второй группе относятся пары, состоящие не из слов как таковых, а из отдельных словоформ, например: пи́ща, пи́щу, пи́щи—пища́, пищу́, пищи́; бе́лок, бе́лка, бе́лку—бе́ло́к, белка́, белку́ и т. д. В большинстве случаев эти словоформы относятся к разным частям речи и к разным формам, созвучие же их основано на совпадении формантов различных категорий. Семантически эти слова сильно различаются и, таким образом, они близки к омоформам. В большинстве случаев слова, составляющие пары этой группы, относятся к разным частям речи и к разным формам, хотя есть и некоторые исключения.

3) К последней группе относятся пары однокоренных слов, принадлежащих часто к одной и той же части речи и к одной и той же форме, образовавшиеся сравнительно недавно, порой из одних и тех же морфем, и значения которых, следовательно, разошлись, можно сказать, в наше время, например: па́хнуть (издавать запах) — пахну́ть (повеять), кварта́л (года) — кварта́л (города), чу́дная (восхитительная) — чудна́я (странный). Таким образом, эти противопоставления возникли не в результате случайного совпадения словоформ различных слов, а в результате дифференциации различных значений первоначально одного и того же слова. Поэтому эту группу скорее можно поставить в параллель явлению многозначности слова, отличному от омонимии³.

На существование в тюркских языках контрастных пар, в которых ударение служит для смысложнаменения, указывал еще И. Н. Березин. Затем Н. К. Дмитриев приводил ряд случаев морфологической дифференциации с помощью ударения⁴. Смысложнаменительной функции ударения в узбекском языке посвящен один из разделов работы А. Г. Гуломова⁵, примеры из которой приводятся ниже. В узбекском языке, так же как почти во всех тюркских языках, ударение, по мнению большинства авторов, падает на последний слог слова, причем при аффиксации ударение последовательно перемещается на последний аффиксальный слог. Таким образом, ударение здесь, казалось бы, связанное, хотя некоторые форманты и частицы и не принимают на себя ударения (односложные частицы в современной узбекской орфографии, как правило,

³ Подробнее о приведенной классификации см.: Р. И. Аванесов. Указ. раб.

⁴ Краткую историю вопроса см.: Л. Н. Старостов. Об ударении в турецком языке — «Труды Военного института иностранных языков», вып. 2. М., 1953, стр. 107—108.

⁵ А. Ф. Фуломов. Узбек тилида ургу. Тошкент. 1947, стр. 9—21.

пишутся вместе со знаменательным словом, к которому они примыкают). Этим в первую очередь обусловлена возможность образования контрастных пар слов, различающихся местом ударения. Таким образом, составляющие указанных пар — это всегда словоформы, а не слова как таковые⁶.

Первую группу контрастных пар составляют противопоставления форм или сочетаний знаменательных слов с частицами, которые регулярно образуются от всех или большинства слов данной лексико-грамматической группы (части речи). Таким образом, это не противопоставление слов как таковых, и не противопоставление отдельных форм, вычлененных из парадигмы, а противопоставление целых моделей, в частности словоизменительных, основанное на омонимии некоторых формантов и частиц, другими словами, противопоставление самих этих формантов и частиц. Производящая основа имеет одно и то же значение в обеих составляющих пары. Ничего подобного нет в русском языке, где встречаются лишь нерегулярные образования типа *разрѣзать*—*разрѣзѣть* или *далекѡ*—*далѣко*.

К этой группе относятся пары, состоящие:

а) из словоформ, образованных с помощью ударного аффикса *-сиз* со значением «без» (поскольку он присоединяется с регулярностью словоизменительного аффикса, то логично было бы считать его не наречным или адъективным аффиксом, а падежным аффиксом, так сказать, «отсутственного» падежа) и безударного предикативного аффикса *-сиз*: *кераксиз* 'ненужный' — *керáксиз* 'вы нужны', *гулсиз* 'без цветка' — *гýлсиз* 'вы цветок', *у иш сизсиз битмайди* 'без вас не закончится та работа' — *бу ишга мас'ул киши сизсиз* 'за эту работу вы ответственный' (ср. уйгурское *гулсиз осумлук* 'растение без цветов' — *сиз гоийа нэпис гýлсиз* 'вы, как нежная роза', каз. *муғалимсиз* 'без учителя' — *муғалимсиз* — 'вы учитель')⁷;

б) из словоформ, образованных с помощью ударного притяжательного аффикса *-миз* и безударного предикативного аффикса *-миз*: *ошнамиз* 'наш друг' — *ошнámиз* 'мы друзья' (ср. казахское *оқушымыз* 'наш ученик' — *оқушымыз* 'мы ученики')⁸;

в) из словоформ, образованных с помощью ударного аффикса местного падежа *-да* и сочетаний имени с безударной частицей *-да*: *сенда* 'у тебя' — *сéнда* 'и ты тоже', *уйда* 'в комнате' — *гýда* 'комната тоже' (ср. уйгурское *атам бүгүн өйдә* 'отец сегодня дома' — *һәр һалда өй дегән өйдә* 'во всяком случае дом есть дом')⁹; каз. *үйде* 'дома' — *үйде* 'и дом', карач. *менде* 'у меня', *мéнде* 'я также', тур. *bende* 'у меня' — *bénde* 'я также'¹⁰;

г) из словоформ, образованных с помощью ударного аффикса местного падежа *-та* и безударного аффикса числительного со значением счета: *соат бешта келдик* 'мы пришли в пять часов' — *бéшта* 'пять штук';

д) из словоформ, образованных с помощью ударного аффикса с уменьшительно-ласкательным значением *-гина* и сочетаний имени с безударной частицей *-гина*, например: *қизгинá* 'маленькая девочка, хорошенькая девочка' — *қизгина* 'только девочка'.

⁶ А. А. Махмудов. Словесное ударение в узбекском языке. Ташкент, 1960, стр. 59, 61.

⁷ Т. Талипов. Уйгур тилидики ургу. — «Известия АН Казахской ССР. Серия филологии и искусствоведения», вып. 3 (16). Алма-Ата, 1960, стр. 66; А. М. Щербак. Сравнительная фонетика тюркских языков. Л., 1970, стр. 114.

⁸ Там же.

⁹ Т. Талипов. Указ. раб.

¹⁰ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 113—114; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 110.

Из перечисленных выше омонимичных морфем одни имеют, несомненно, различную этимологию, например, *-да -да*, другие — этимологию общую, например, *-миз -миз*, большинство же настолько отличаются друг от друга по значению, что трудно предположить или тем более показать для них даже отдаленную общность происхождения. Еще одно отличие этих примеров от русских видовых пар типа «нарезать — нарезать» заключается в том, что ни для одной из них ударение не является средством выражения какой-либо грамматической категории, потому что ни одна пара этих морфем не относится к одной и той же категории.

Ко второй группе относятся противопоставления слов, образованных, как и в предыдущем случае, от одной и той же основы или корня, в которых один из членов также относится к словоизменительным моделям или к сочетаниям с частицами, а другой образуется с помощью словообразовательного аффикса. Таким образом, эти примеры также основаны на омонимии и противопоставлении морфем. Хотя данный словообразовательный аффикс в большинстве случаев продуктивен в современном языке, число слов, образованных с его помощью, неизбежно ограничено. Значение их, как правило, сильно лексикализировано. Сюда относятся следующие пары:

а) из отглагольного имени — существительного или прилагательного — с ударным аффиксом *-ма* и глагольной формы с безударным отрицательным аффиксом *-ма*: *қичимá* 'чесотка' — *қичи́ма* 'не чеши', *туғма́* 'пуговица' — *туғма* 'не завязывай', *чузма́* 'вид блина' — *чу́зма* 'не тяни', *сузма́* 'творог' — *су́зма* 'не цеди', *буғма́* 'дифтерит' — *бу́ғма* 'не души', *боғламá* 'связка' — *боғла́ма* 'не привязывай', *ёзма́* 'письменный' — *ёзма* 'не пиши', *сайратма́* 'певчая (о птице)' — *сайра́тма* 'не заставляй петь', *босма́* 'печатный' — *бо́сма* 'не печатай', *эзма́* 'болтливый (о человеке)' — *эзма* 'не дави', *уламá* 'накладной', 'прицепленный' — *ула́ма* 'не прицепляй', *кесма́* 'разрезной' — *ке́сма* 'не режь', *қирқма́* 'название сорта дыни' — *қырқа́ма* 'не режь', *қатламá* 'слоеная лепешка', *қатла́ма* 'не наглаивай'. Могут также образовываться пары с добавлением аффикса *-нг*: *сузма́нг* 'твой сыр' — *су́зманг* 'не цедите'.

В других тюркских языках можно найти аналогичные примеры: уйгурское *чөшүрни йоган түгмә* 'не делай пельмени большими' — *көй-наккә қатар-қатар түгмә қадалған* 'на платье пришит ряд пуговиц'¹¹, карач. *кертмә* 'груша' — *кёртме* 'не делай зарубок', *көрмә* 'выставка' — *көрме* 'не смотри', тур. *gelme* 'приход' — *gélme* 'не приходи'¹²;

б) из повелительного наклонения глаголов, образованных с помощью аффикса *-ла*, и предложно-именных сочетаний, образованных путем присоединения к имени элемента *-ла* (< *-ила*) (последняя форма, видимо, мало употребительна в современном языке): *кўзла́* 'замечай', 'держи в поле зрения' — *кўзла* 'глазами', *сўзла́* 'говори' — *сўзла* 'словами', *тузла́* 'соли' — *тузла* 'солью', *сенла́* 'говори на ты' — *сёнла* 'с тобой'.

В уйгурском морфема *-ла* имеет несколько другое значение: *ташла́* 'бросай' — *тайшла* 'только камень', *музла́* 'замерзай' — *музла* 'как лед', *жиқла́* 'увеличивай' — *жиқла* 'что-то много'¹³;

в) из словоформ, образованных с помощью суффикса *-ча*, имеющего большей частью уменьшительно-ласкательное значение, и наречного безударного суффикса *-ча*: *йигитча́* (*сўзлади*) 'парнишка (говорил)' —

¹¹ Т. Талипов. Указ. раб., стр. 66.

¹² А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 113; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 110.

¹³ Л. А. Аганина. Уйгурские диалекты Казахской ССР (Чиликский р-н). Канд. дисс. М., 1954, стр. 91.

йигйтча (сўзлади) '(говорил) как юноша', қушчā 'птичка' — қўшча 'по-птичьи', хотинчā 'бабенка' — хотинча 'по-женски'. По-видимому, многие из слов второй колонки мало употребительны или носят окказиональный характер;

г) из словоформ, образованных с помощью ударного суффикса отглагольного имени -гин, -кин и безударного суффикса повелительного наклонения -гин, -кин: юлгйн 'тамариск' — юлгин 'выдерни', қувгйн 'изгнанник' — қўвгйн 'гони', 'догоняй', қирғйн 'истребление', 'резня' — қўрғйн 'истребляй', қочқйн 'беглец' — қóчқин 'убегай', сепкил 'веснушки' — сепкил 'рассевай' (последняя форма явно устаревшая);

д) из словоформ, образованных с помощью аффикса отглагольного имени -инди, принимающего ударение на последний слог, и форм прошедшего времени страдательных глаголов с аффиксом -н-, принимающим ударение на себя: қириндй 'стружка' — қиринди 'побрился', ювиндй 'помой' — ювинди 'умылся', куйиндй 'гарь', 'подгорелое место' — куйинди 'огорчился'.

Это единственный пример в данной группе, когда можно с уверенностью предположить общее происхождение обоих формантов. Однако в современном языке их значения настолько сильно разошлись, что приходится говорить не о многозначности, а об омонимии;

е) наконец, к этой же группе, видимо, относятся пары, состоящие из имен, образованных с помощью аффикса -чи и имен в сочетании с частицей -чи: отам ишчи 'мой отец рабочий', нега шошасан? бу ишчи? 'почему торопишься? а эта работа?', ишчи одамни жуда қизиқтиради 'работа же человека очень интересует'.

В русском языке в соответствии этой группе можно поставить лишь такие пары, состоящие из отдельных словоформ, как «суш́у — сўшу», «стужу́ — стўжу», «ношу́ — нóшу», «ловлю́ — лóблю», «промóкнуть — промóкнўть», «пахну́ть — пáхнўть», «соли́ — сóли», «пыли́ — пýли», но по сравнению с узбекским они совсем нерегулярны.

К третьей группе относятся противопоставления, основанные не на омонимии форм, а на их многозначности, тесно связанной с позицией определенного слова в предложении. Сюда относятся следующие пары:

а) если форма условного наклонения с аффиксом -са имеет значение времени или условия в придаточном предложении, на аффикс падает ударение: уйга кирсáм, сен йўқ экансан 'Я вошел в дом, но тебя не было'. Если же оно употребляется в качестве сказуемого независимого простого предложения со значением желания или намерения, аффикс является безударным: уйга кírсам 'Я собираюсь войти в дом';

б) отрицательное причастие в роли определения может иметь ударение на аффиксе: эшитмáс қулоққа сўз йўқ 'Более всего глух тот, кто не желает слышать'. (То же наблюдается в субстантивированных причастиях). В причастии в функции сказуемого отрицательный аффикс является безударным: унинг қулоғи эшитмáс 'Его ухо не слышит';

в) устаревшая форма причастия с аффиксом -миш может выступать как в функции определения, так и в функции сказуемого. Причастие-определение имеет ударение на аффиксе: тугамйш мажлис 'окончившееся собрание'. Причастие-сказуемое имеет ударение на основе: мажлис тугамйш 'Собрание будто, кончится';

г) аффикс множественного числа существительных -лар, обычно ударный, может иметь также значение предикативной связи (восходит будто к форме эрурлар), образующей часто форму со значением почти-тельности. В последнем случае морфема -лар безударна: меҳмонлар

‘гости, много гостей’, но *Опам бугин бизга меҳмонлар* ‘Сестра сегодня у нас в гостях’, *касаллар* ‘больные’, но *Бувим бугун бироз касаллар* ‘Бабушка сегодня нездорова’;

д) обычно безударная частица *-ку* в некоторых позициях может становиться ударной. Ср.: *Буни айтқан сен-ку!* ‘Это ты же говорил!’. *Сенку хозир тайёрлайсан, мен булсам аввал китоб магазинига боришим керак* ‘Ты-то сейчас подготовишься, а мне еще надо идти в книжный магазин’;

е) А. Гуломов приводит еще некоторые словоформы, однако неясно, изолированы они или представляют определенную модель.

Книжная и в значительной мере выходящая из употребления форма *бўлғуси* (причастие от глагола *бўл-*) может употребляться как в качестве определения (*-бўладиган*), так и в качестве сказуемого (*-бўлади*). В первом случае ударение падает на аффикс, во втором — на основу: *сўзлайман* ‘я буду говорить’ (нейтральный стиль) — *сўзлайман* ‘я буду говорить’ (подтверждение, разъяснение, молитва), *берилди* ‘передано’, ‘дано’, ‘сдано’, но — *овора бўлма, берилди* ‘не беспокойся, передано’.

Может ли ударение в примерах этой группы считаться способом образования словоизменительных форм или способом словообразования? Возможно, тенденция такого рода существует, однако следует также учесть ту роль, которую здесь играет фразовое ударение. А. Гуломов пишет, что ударение здесь выступает в комбинации с интонацией. Правильнее было бы сказать, что позиция в предложении здесь играет ведущую роль, а ударение — лишь вспомогательную как несамостоятельное производное от нее. Р. И. Аванесов отмечает, что словесное, тактовое и фразовое ударения накладываются друг на друга. Именно этот случай мы наблюдаем в данной группе¹⁴. Такие формы, как *сўзлайман*, *берилди*, видимо, объясняются просто эмфазой, при которой ударение в глаголах имеет тенденцию перемещаться на первый слог.

В некоторых тюркских языках существуют более четкие примеры такого рода. Например, слова, выступающие в роли обращения, имеют, видимо, ударение на первом слоге: карачаевское *атám* ‘мой отец’ — *атам!* ‘отец мой!’¹⁵.

Таким образом, ударение служит как бы средством образования звательной формы.

В азербайджанском языке ударение, по-видимому, служит также средством образования особой формы обстоятельства времени или места: *ахшám* ‘вечер’ — *ахшам* ‘вечером’, *бура́* ‘вот это место’ — *бу́ра* ‘сюда’, *һара́* ‘какое место’ — *һара* ‘куда’, *саба́һ* ‘утро’ — *сабаһ* ‘завтра’, *күнорта́* ‘полдень’ — *күнорта* ‘в полдень’¹⁶.

В уйгурском языке существует изолированное противопоставление: *болди́* ‘стал’, ‘был’ — *болди* ‘довольно’¹⁷. Во многих словах-предложениях в уйгурском языке ударение перемещается на первый слог.

В русском языке в соответствии этой группе можно поставить лишь некоторые пары вроде: «широко́, далеко́, глубоко́ — широко, далеко, глубоко», «самого́ — самого», «чудна́я — чу́дная», наконец, «здро́во — здоро́во». Однако они опять-таки гораздо менее регулярны или даже вовсе изолированы.

¹⁴ Р. И. Аванесов. Указ. раб., стр. 61—63.

¹⁵ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 113.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Л. А. Аганина. Указ. раб.

К четвертой группе относятся пары, составленные из отдельных словоформ, хотя и одного корня. Эти примеры, близки к омоформам. Их совпадение в значительной мере случайно. Сюда относятся:

а) некоторые формы повелительного наклонения 2-го лица и существительные с аффиксом принадлежности 3-го лица: *бойи* 'его богач' — *ббйи* 'богачей', *камй* 'меньшее' — *кми* 'уменьшайся', *тинчй* 'его покой' — *тйнчи* 'успокойся';

б) другие формы, например: *тинйқ* 'прозрачный' — *тйниқ* 'стань прозрачным', *эскир* (причастие) 'возможно, устареет' — *эскир* 'устарей' (повелительное наклонение), *кўпай* (в сочетании *кўпай дэп қолди*) 'поднимается (о тесте)' — *кўпай* 'умножайся' (повелительное наклонение), *қарй* 'старик' — *кари* 'старься', *атаййн* 'нарочно' — *атайин* 'предназначая' (желательное наклонение, 1-е лицо), *сўзлаймйн* — *сўзлайман* (видимо, форма повелительного наклонения 1-го лица — *сўзлайчи*), *янй* 'новый, свежий' — *янйи* 'только что, сейчас'¹⁸ и др.

Из русского языка в качестве аналогии этой группе приведем такие примеры, как: «пропасть—пробасть», «подать—побать», «позднее—побзнее», «здорово—здоброво».

К пятой группе относятся противопоставления, также составленные из отдельных словоформ, но разного корня, случайно совпавших по звуковому составу, например: *ошйқ* 'лишний', 'влюбленный' — *ошиқ* 'торопись', *очйқ* 'открытый' — *очиқ* 'проголодайся', *олма* 'яблоко' — *олма* 'не бери' (А. М. Щербак на материале карачаевского и Л. А. Аганина — уйгурского языков приводят аналогичные примеры¹⁹), *сурма* 'краска для бровей и ресниц' — *сўрма* 'не двигай'²⁰, *олмангйз* 'ваше яблоко' — *олмангиз* 'не берите', *отйнг* 'твоя лошадь' — *отинг* 'стреляйте', *кулдйр* 'смеси' (*сен уни кулдир*) — *кўлдир* 'это зола' (*бу кулдир*), *истак* 'желание' — *йстак* 'как дым', *соғйн* 'дойная' — *соғин* 'скучай' (повелительное наклонение), *ёздй* 'написал' — *ёзди* 'было лето' (< *ёзди* — в беглой речи), *эри* 'ее муж' — *эри* 'растай' и др.

Можно привести также аналогичные примеры из других тюркских языков, например: казахское *көрші* 'его сосед' — *көрші* 'посмотри-ка', *қалыңыз* 'ваша родинка' — *қалыңыз* 'останьтесь', *қалалық* 'городской' — *қалалық* 'давайте останемся', карачаевское *бурйун* 'нос' — *бўрун* 'прежде'²¹.

В русском языке этой группе соответствуют такие примеры: «пищу—пищу», «белка—бёлка», «мою—мою», «солью—солью» и т. п.

Две классификации контрастных пар, приведенные выше, — одна для русского языка, другая для узбекского, основаны на разных принципах. В русском языке мы начинали со слов как лексем и переходили постепенно к изолированным словоформам. В узбекском языке мы начинали с моделей и также переходили ко все более и более изолированным словоформам. Можно сказать, что первая классификация основана на принципе лексической дифференциации, а вторая — на принципе грамматической дифференциации²². Лишь в некоторых случаях можно отметить точки пересечения обеих классификаций. Однако различие

¹⁸ А. А. Махмудов. Указ. раб., стр. 59—61.

¹⁹ Л. А. Аганина. Указ. раб.; А. М. Щербак. Указ. раб.

²⁰ А. А. Махмудов. Указ. раб.

²¹ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 113—114.

²² А. А. Махмудов. Указ. раб., стр. 62.

классификаций не следует переносить на сами языки. В обоих языках ударение может выполнять как ту, так и другую функцию²³.

Р. И. Аванесов указывает, что просодия в русском языке является результатом суперпозиции ударений трех уровней — фразового, тактового и словесного²⁴. Это можно отнести и к тюркским языкам. В примерах третьей группы фразовое ударение играет решающую роль. Если присоединить сюда все пары, включающие формы повелительного наклонения, формы с предикативными показателями и им подобные, то их окажется подавляющее большинство. Таким образом, по крайней мере для данных примеров, вполне оправдан вывод Л. Н. Старостова о синтаксической обусловленности тюркского ударения²⁵. Правда, иногда как будто встречаются противопоставления типа *ф́изик* 'физик' — *физы́к* 'физический'²⁶, образовавшиеся потому, что в существительном ударение сохранилось на том же слого, что в языке-источнике, а прилагательное было образовано с помощью аффикса *-ик*, вновь образованного путем переразложения, но по тюркской модели «ударение на последнем слого». Крайне редко встречаются противопоставления типа *янги́* 'новый', 'свежий' — *янги* 'только что, сейчас'. Впрочем, эти последние примеры можно также рассматривать как синтаксически обусловленные.

Л. А. Аганина в своем исследовании дважды обращается к уйгурским словам *ара́* 'промежуток' — *ара* 'вилы', 'вилка'²⁷. В одном случае она объясняет различие между этими словами долготой, в другом — ударением. При всем этом для уйгурского языка данный пример является еще более изолированным, чем вышеприведенные примеры для узбекского.

Все сказанное указывает на типологическое различие между системами ударения в русском и узбекском языках, различие, которое порой упускается из виду. Действительно ли ударение является во всех перечисленных случаях средством смысловоразличения? Как известно, в русских словах «мэр» и «мерь» гласные существенным образом отлича-

²³ При подготовке данной статьи мы пользовались консультацией двух информантов, узбеков по национальности, имеющих высшее образование, окончивших русские школы и одинаково свободно владеющих как русским, так и узбекским языком, однако специальной тюркологической подготовки не имеющих и, видимо, не в совершенстве владеющих традиционным узбекским литературным языком. Один из информантов — носитель ферганского говора, другой — андижанского. На основании показаний этих информантов можно прийти к выводу, что различие в ударении в контрастных парах узбекского языка не всегда воспринимается носителями русского языка с одинаковой силой. В одних случаях оно воспринимается на слух так же четко, как в русских парах типа «замо́к—за́мок». Сюда относятся все контрастные пары первой группы, в частности все пары, в состав которых входят предикативные показатели или частицы, а также пары, включающие аффикс множественного числа в значении предикативного показателя, и некоторые другие, например, *сўзлайма́н—сўзлайман*, *янги́—янги*. В других случаях информанты подтверждали это различие, хотя на слух оно не улавливалось. Таковы противопоставления *ювинди́—ювинди*, *қувғи́н—қувғин*, *зийтмас́—зийтмас*, *берилди́—берилди*, *тинчи́—тинчи*, *тинқи́—тинқи*, *яшар́—яшар*, *кўпай́—кўпай*, *ошиқ́—ошиқ*, *отинѓ—отинг*, *олма́—олма*, *кулди́р—кулдир*, *иста́к—истак*, *соғи́н—соғин*. В третьем случае информанты также не воспринимали этого различия, возможно, потому, что понятие об ударении у них сложилось главным образом на русских примерах. Сюда можно отнести такие противопоставления, как *қичима́—қичима*, *тузла́—тузла*, *йигитча́—йигитча*, *кирсам́—кирсам*, *сен-ку́—сён-ку*, *ёзди́—ёзди*, *эри́—эри*. В эти перечни не включены некоторые явно устаревшие слова, поскольку в настоящее время вообще трудно судить о месте ударения в них.

²⁴ Р. И. Аванесов. Указ. раб., стр. 61.

²⁵ Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 110; см. также: А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 116—117.

²⁶ А. А. Махмудов. Указ. раб., стр. 61; Л. Н. Старостов. Указ. раб., стр. 117.

²⁷ Л. А. Аганина. Указ. раб., стр. 86, 91.

ются один от другого. Это различие похоже на различие *e* закрытого и *e* открытого во французском языке, считающееся фонематическим. Но в русском языке это различие гласных не фонематично, оно является лишь производным от фонологического различия твердых и мягких согласных. Как известно, в китайском языке, а также в некоторых африканских тон является смысловозначительным средством, причем он не имеет в этом случае отношения к фразовой просодии. В русском же языке движение тона относится целиком к просодии. Нечто подобное происходит, возможно, и в данном случае. В русском языке ударение является средством смысловозначения. В тюркских же языках оно не является самостоятельным средством смысловозначения (так же как закрытость или открытость гласного в словах «мэр» и «мерь»), в большинстве случаев это, видимо, лишь сопровождающий признак позиции слова в предложении.

Т. Г. БОРГОЯКОВА

КЛАССИФИКАЦИЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ ХАКАССКОГО ЯЗЫКА ПО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СЛИТНОСТИ КОМПОНЕНТОВ

Решение общих проблем фразеологии зависит от степени изученности различных типов фразеологизмов. В основу предлагаемой классификации положен семантический признак, определяющий специфику фразеологизма¹.

В хакасском языке наряду со свободными сочетаниями типа *ибзер парға* 'идти домой', *наа туралар* 'новые дома', *сіліг хызычах* 'красивая девочка', которые «распадаются немедленно после того, как были созданы, и обретают полную свободу вступать в другие комбинации»², существуют также устойчивые сочетания. В них слова «оказываются непрерывно связанными между собой и имеют смысл только в данном сочетании»³. Примерами устойчивых словосочетаний могут служить такие выражения, как: *істі кійерге* 'завидовать' (= 'внутренность горит'), *тус тартарға ызыбызарға* 'убить' (= 'послать возить соль'), *халын нйткеліг* 'упрямый' (= 'с толстым затылком'), *хузурухха мјнерге* 'набиваться в друзья' (= 'цепляться за хвост'), *ханат хатырарға* 'набирать, копить силы' (= 'крылу затвердевать'), *улуғ мунзурух тјзірерге* 'наказать' (= 'спустить большой кулак') и т. п.

Понятие, выраженное фразеологической единицей, может быть часто передано и словом. Так, например, для понятия «скучать по кому-либо» в хакасском языке существуют нейтральное слово *сахсырарға* и фразеологическая единица *хара парым тјгелче* (= 'сохнет моя черная печень'). В отличие от слова фразеологизм является раздельнооформленной и более экспрессивной, образной единицей языка. В то же время «эквивалентность фразеологической единицы слову (ее уподобление слову) состоит в том, что фразеологической единице присущи два характерных признака типичного слова: семантическая цельность и существование как готовой единицы в языке, ее воспроизводимость в речи»⁴. Указанное обстоятельство отличает фразеологические единицы от свободных словосочетаний. Эта разница становится особенно зримой, когда имеется возможность сопоставить омонимичные свободные и фразеологические словосочетания. Например: *Азахха турғанда, паяғы чілі пазы тың айланмаан, че ағырған*. (Н. Тинников) 'Когда он встал на ноги, го-

¹ Н. Н. Амосова. О синтаксической организации фразеологических единиц. — «Ученые записки ЛГУ. Серия филологических наук». Вып. 60. Л., 1961, стр. 14.

² Ш. Балли. Французская стилистика. М., 1961, стр. 89.

³ Там же.

⁴ А. И. Смирницкий. Лексикология английского языка. М., 1956, стр. 208.

лова не кружилась так сильно, как тогда, но болела'. В данном словосочетании существительное *пас* 'голова' и глагол *айланарға* 'кружиться' выступают в своих основных номинативных значениях, и смысл всего выражения легко уясняется из суммы значений его составляющих. Но если мы обратимся к другому примеру: *Сіреп мында ікөлең чөптөзіп алғазар минің пазымны айландырарға, чох, полбассар, неке!* (М. Кильчичаков) 'Вы тут вдвоем сговорились обмануть меня, но ничего у вас не выйдет, однако!', то станет совершенно очевидным, что семантика фразеологизма, состоящего из тех же слов *пас* 'голова' и *айланарға* 'кружиться', не может быть выведена из простого сложения их значений. Эти два слова в последнем примере совместно выражают одно понятие «обмануть, обвести вокруг пальца». Таким образом, устойчивое словосочетание лишь внешне напоминает свободное. Они совпадают по синтаксической структуре, однако «отличаются семантическим сращением компонентов и образностью»⁵.

Исходя из сказанного, можно, как нам кажется, дать следующее определение фразеологической единицы: фразеологической единицей называется устойчивое сочетание слов, представляющее собой семантическое единство, используемое в готовом виде, «организованное по существующим или существовавшим моделям словосочетаний»⁶ и выполняющее в речи экспрессивную или назывную функцию.

Фразеологические единицы весьма многообразны с точки зрения их структуры, семантики и функции. Поэтому «всякая систематизация фразеологического материала в виде классификаций строится в зависимости от того, какие свойства фразеологических единиц подвергаются анализу»⁷. В данной работе предпринимается попытка классифицировать фразеологические единицы хакасского языка с точки зрения семантической слитности их компонентов. Предлагаемая классификация основана на принципах классификации фразеологизмов русского языка академиком В. В. Виноградовым⁸.

В первую группу нами объединяются фразеологические единицы хакасского языка, в которых семантическая спаянность компонентов достигает наивысшей степени. Значение фразеологизмов данной группы «совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака»⁹.

В классификации В. В. Виноградова такие фразеологические единицы называются «фразеологическими сращениями». В хакасском языке признаками фразеологических сращений характеризуются выражения типа:

айнам атар ба 'ничего не случится' (= 'мой черт разве выстрелит'); **Минің айнам атар ба, — хол саапча Кузьма** (Н. Доможаков) 'Ничего со мной не случится, — махнул рукой Кузьма';

адаң анда 'где тебе (узнать, сделать что-либо)' (= 'твой отец там'); **Пычон сағынча: «Адаң анда синің кізі сағызы пїлерге, минин ноға пїлбеезің зе?»** (Н. Доможаков) 'Пычон думает: «Где тебе узнать чужие мысли, что ж мой тогда не отгадал?»';

⁵ Н. С. Муратов. Устойчивые словосочетания в тюркских языках. М., 1961, стр. 116.

⁶ В. Л. Архангельский. О понятии устойчивой фразы и типах фраз. — «Проблемы фразеологии». М.—Л., 1964, стр. 103.

⁷ М. Д. Степанова, И. И. Чернышева. Лексикология современного немецкого языка. М., 1962, стр. 224.

⁸ В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины. — «Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук». Л., 1946.

⁹ В. В. Виноградов. Русский язык. М., 1947, стр. 22.

тус тартарға ызыбызарға 'убить, отправить на тот свет' (= 'послать возить соль'): *Ікі кізіні тус тартарға ызыбысса істі казыр полбас* (Н. Доможаков) 'Если убить двоих, то следы не заметишь';

істі тар 'сердитый, раздражительный' (= 'внутри тесно'): *Кем сағызында килер кўннерде азынада часкалыг чуртапча, аның істі дее тар полбин, пўўнгі полчатхан аар тусты тіспен сыдап алар* (Н. Тинников) 'Кто мысленно живет в счастливом будущем, тот не сердясь переносит сегодняшние трудности';

чир тырбахтирға 'злиться, не находить себе места' (= 'царапать землю'): *Ол, Лораа көөленіп, сала чир тырбахтабинча* (Н. Тюкпиеков) 'Он не находит себе места, влюбившись в Лору';

тынға кірерге 'надоедать, быть очень навязчивым' (ср. русск. «наступить на горло») (= 'войти в дыхание'): *Кізі тынына кірчең пала, ұғретчилер дее кізіні іди ымзанминчалар* (Ф. Бурнаков) 'Такой надоедливый мальчик, даже учителя не дают человеку столько поручений';

сізі тол парған 'переполнить чашу терпения' (= 'гнойник наполнился'): *Синің, Симок, сізің тол партыр, сағаа киртінчеңмін, Романны тоғыстаң сала сығарыбыспаабыс, — көксенген мал пастағы* (Н. Тюкпиеков) 'Ты, Симок, переполнил чашу терпения, я тебе верил, Романа чуть с работы не уволили, — ругался начальник';

істіне сииртерге 'прочувствовать, понять что-либо' (= 'пропитать внутренность'): *Наа Конституцияны апсах чахсаан хығырған, істіне сииртіп алып, пір кўнде чалахай чоохтан салған...* (Н. Тинников) 'Старик внимательно прочел новую Конституцию и, хорошо разобравшись, однажды сказал...';

ахсы ізіс парарға 'быть возбужденным, разгоряченным' (= 'рот разогрелся'): *Отті бе, Апах? — кўліскеннер ахсылары ізіс парған ипчилер* (Н. Доможаков) 'Что, получил, Апах? — подсмеивались разгоряченные женщины';

тус көп салыбызарға 'переборщить, сказать лишнее' (= 'соли много положить'): *Постың уязынаң тизерге? Чох, харындас, син мында тус көп салыбыстың* (М. Кильчичаков) 'Бежать из своего гнезда? Нет, брат, ты здесь переборщил';

ниик чоллығ 'легко на помине' (= 'с легкой дорогой'): *Хайдағ ниик чоллығ кізізің, сағам на синің письмоңны алғабыс* (М. Кильчичаков) 'Легко на помине! Мы только что от тебя письмо получили';

хызыл пызылах пазарға 'избить до крови' (= 'давить красный сыр'): *Эк, ол Левкаа позына хызыл пызылах пазыбысса чылан чіли ора-ал турза, хайди ла поларчых ни* (газ. «Ленин чолы») 'Эх, если бы этого Левку самого избить до крови, чтобы извивался, как змея, что бы он тогда стал делать?';

өреме халбап парыбызарға 'обобратить' (= 'уйти, сняв пенку с молока'): *Чуртха кіріп, өреме дее халбап парыбызарлар* (Н. Доможаков) 'Войдя в дом, могут обобратить и уйти';

тынға чидерге 'изводить, не давать жизни кому-либо' (= 'доставать до дыхания'): *Килнілерінің тыннарына читчеткен кізі пу Намна* (газ. «Ленин чолы») 'Эта Намна не дает жизни своим невесткам';

столыңар тудыңар 'счастливы оставаться' (= 'держите свой стол'): *Столыңар тудыңар, мин парим, істес көрерге* (Н. Доможаков) 'Счастливы оставаться, я пошел смотреть следы';

кізі алнын апарарға 'заступаться за кого-либо' (= 'нести чей-либо перед'): *Сісернің алыңарны, ук хайда-хайдар ал парған* (Ф. Бурнаков) 'Ух, как сильно за вас заступался';

хузурухха одырыбызарға 'догнать' (= 'сесть на хвост'): *Анда Хо-ханах аға даа көр салған: пудурып, илееде соонда килчеткен пора пии*

алнындағы хара малның хузуриина одырыбысхан, пола-пола чоон мойныча, анаң алнына кїрібіскен (И. Костяков) 'Тогда и дед Хоханах увидел: бурый конь, шедший далеко сзади, догнал черного скакуна, через некоторое время обогнал на голову, а потом и совсем обошел' и др.

Анализ фразеологических единиц данной группы с точки зрения их грамматической структуры позволяет сделать вывод, что они сходны со свободными словосочетаниями и связь между их компонентами осуществляется в соответствии с синтаксическими нормами современного хакасского языка. Составные элементы фразеологизмов подвергаются парадигматическим изменениям тех частей речи, в функции которых они выступают. Например: *Аның кўзіне, аның тоғызына істім кўйең* полған (М. Кильчичаков) 'Я завидовал, бывало, его силе, его работе'. *Аның алтындағы сараатың ам сайбырлапчатханын көрген кізінің істі кўйерчік* (И. Костяков) 'Если бы кто увидел коня, который сейчас гарцевал под ним, то позавидовал бы ему'. Существительное *істі* 'внутренность' в первом примере употреблено с аффиксом принадлежности 1-го лица (= 'моя внутренность'), а глагол *кўйерге* 'гореть' указывает на действие, неоднократно повторявшееся в прошлом. Во втором случае существительное *істі* употреблено без аффикса принадлежности, тоже в единственном числе, хотя можно сказать и *оларның істілері кўйче* 'они завидуют' (= 'у них горят их внутренности'), а глагол *кўйерге* передает действие нереальное, не имевшее место, то есть он употреблен в сослагательном наклонении. Однако эти изменения не влияют на целостность значения фразеологической единицы, напротив, парадигмы компонентов обесценивают включение фразеологической единицы в речь¹⁰.

Кроме того, допускаются синонимические замены отдельных компонентов фразеологизмов данной группы, которые также не разрушают единой семантики выражения. Чтобы убедиться в правильности этого положения, возьмем тот же фразеологизм *істі кўйерге* 'завидовать' и его вариант или разновидность *істі чохтанарға*. Ср.: *Сабистің аның чуртазын көріп істі кўйедір* (Н. Доможаков) 'Сабис, глядя на его жизнь, завидовал ему'. *Чох кіртинминчем. Хайзы полза кізілер оларға істі чохтанчтаннар полар* (М. Кильчичаков) 'Нет, не верю. Некоторые люди, наверное, завидуют им'. Чаще всего синонимической замене подвергаются глагольные и именные компоненты фразеологических единиц.

Необходимо отметить, что семантическая слитность компонентов фразеологических единиц данной группы настолько высока, что «эллиптическое опущение или экспрессивное сокращение» одного из компонентов «... не влияет на значение целого»¹¹. Так, например, фразеологизм *хара парым тўгелче* 'скучать' часто употребляется без прилагательного *хара* 'черный': *Макарны ызыбысса, ізезінің ағаа сағынып, паары тўген парар* (Н. Тинников) 'Если Макара отправят, то мать изведется, думая о нем'. Безусловно, прилагательное *хара* усиливает экспрессивность выражаемого понятия.

Помимо этого, некоторые фразеологизмы допускают дистантное расположение своих компонентов. Проиллюстрируем данное положение следующими примерами: *Хайдағ-да нима чоохтанча, мин узы — пазына даа сых полбинчам...* (М. Кильчичаков) 'О чем-то говорит, а о чем, я не пойму...'. *Сігернің алныңарны, ук хайда-хайдар ал парган* (Ф. Бурнаков) 'Ух, как сильно за вас заступался'. В первом примере фразеологизм *узы — пазына сығарға* 'разобраться, понять' (= 'на острие-голову выйти') разделен на две части частицей *даа*, во втором случае фразеологизм

¹⁰ З. Г. Ураксин. Фразеология башкирского языка. М., 1975, стр. 87.

¹¹ См.: В. В. Виноградов. Основные понятия русской фразеологии как лингвистической дисциплины, стр. 51.

алнын апарарга 'заступаться' (= 'перед нести') также разделен междометием *ук* и сложным наречием *хайда-хайдар* 'сильно-пресильно'. Подобного рода вставки, способствуя большей выразительности высказывания, не изменяют семантики выражения.

Следует отметить, что в зависимости от контекста одно и то же фразеологическое сращение может выступать в качестве разных членов предложения. Например: *Сагдай алаң ас парған пір дее сағынмаан нимені истіп салып* (Н. Доможаков) 'Сагдай растерялся, услышав то, чего никак не ожидал'. *Палых чеең, Марик, — алаң асхан ұннең тапсаан, ниме дее тіңеен пілінмин Сабис* (Н. Доможаков) 'Давай будем есть рыбу, Марик, — растерянным голосом сказал Сабис, не знаящий, что и говорить'. В первом примере фразеологизм *алаң азарға* 'растеряться' выступает в роли сказуемого, во втором — в функции определения.

Во вторую группу нами объединяются такие фразеологические единицы хакасского языка, которые «тоже семантически неделимы и тоже являются выражением единого целостного значения, но в которых это целостное значение мотивировано, являясь производением из слияния значений лексических компонентов»¹². Приведем примеры:

пазына сығарға 'взять верх, справиться с кем-либо' (= 'выйти на голову'): *Чалчыларның, хадарчыларның пазына мин позым сығам, че пу ұлғау кирегіне паламны ұғрет пир* (Н. Доможаков) 'С батраками, пастухами я сам справлюсь, но с порядками новой власти ты моего сына познакомь';

ахха сығарға 'оправдать, доказать невиновность' (= 'на белое выйти'): *Хачан аны ахха сығарзалар, че Опанас Архиповичтең олох чарғылазарбын* (М. Кильчичаков) 'Когда его оправдают, все равно буду судиться с Опанасом Архиповичем';

ідіс түбі хахтирға 'поесть, закончить еду' (= 'дно посуды вытрясти'): *Ідіс түбі хахталғанда, аалчы парарға идібіскен: «Амыр-хазыңнаң, Манит чаңа, анымчохтар!..»* (газ. «Ленин чолы») 'После обеда гостя засобиралась в дорогу: «Всего хорошего, тетушка Манит, до свидания!..»';

пір сарсых азах чолынча чөрерге 'иметь общие интересы, быть связанными' (= 'идти дорогой для одной ноги'): *Синнең зе мин чазырбасын, піс синінең пір сарсых азах чолынча чөрчөбіс* (М. Кильчичаков) 'От тебя-то я скрывать не стану, мы с тобой имеем общие интересы';

чон аразына кірерге 'повзрослеть, начать самостоятельную жизнь' (= 'в среду людей войти'): *Сатик пізөк чили чобалып өскен кізі, піс анынаң чон аразына тиңе кірөбіс* (М. Кильчичаков) 'Сатик, как и мы, в нужде вырос, мы с ним вместе начинали самостоятельную жизнь';

чиг сағыстығ 'подозрительный, мнительный' (= 'с сырой мыслью'): *Прайзы пілче, хайдағ чиг сағыстығ кізі минің ирім...* (М. Кильчичаков) 'Все знают, какой у меня муж подозрительный';

төзек истирге 'ворочаться, не спать' (= 'постель мять'): *Гостиницада төзек — частык нымзах таа полза, Паскир узун полбаан, төзеен ұр истеен* (И. Костяков) 'Хотя в гостинице постель была мягкая, Паскир долго ворочался, не в силах заснуть';

таң атыра 'до рассвета' (= 'пока рассвет не выстрелит'): *Таң атыра тракторда тоғынған, анаң кинетін ниме-де пол парған, ибзер пілбес тарт кілгеннер* (М. Кильчичаков) 'До рассвета работал на тракторе, потом неожиданно что-то случилось, домой привезли без сознания';

кізее хос саларға 'выдать замуж' (= 'к человеку добавить'): *Палаларны ла тендіріп, кизее хос салзох чидер пу чазыны хадарары* (Н. До-

¹² В. В. Виноградов. Русский язык, стр. 24.

можаков) 'Детей бы только вырастить, замуж отдать и хватит эту степь караулить';

чолға тоғыр турарға 'встать поперек дороги, мешать': *Клаша чи, хайдағ? Ол аны хақан даа чолына тоғыр турар тіп сағынмаан полған. Ам, тізең чолыма тоғыр турардаң, прай чуртазым сайбады* (И. Костяков) 'Клаша-то, какова? Никогда не думала, что она встанет ей поперек дороги. А теперь, не то, что поперек дороги встать, а всю жизнь ей испортила';

кізінің алтында түзерге 'оказаться хуже других, ударить в грязь лицом' (= 'упасть под человека'): *Аршандағылар ойын көзідер киректе тилем кізінің алтына түзер чоғыллар* (газ. «Ленин чолы») 'Когда дело касалось выступления с концертом, аршановцы никогда не ударяли в грязь лицом';

сағыс сооғалахха 'сразу, не откладывая' (= 'пока мысль не остыла'): *«Гамлет» ойынны көрдөк, сағыс сооғалахха, залдаң на сығып то-нанарға кип хапхан арада көрігшілернең хай пірее ниме суарға маңнанғабыс* (газ. «Ленин чолы») 'Сразу же после спектакля «Гамлет», пройдя лишь только из зала в раздевалку, мы успели задать несколько вопросов некоторым зрителям';

харах-хулах чох 'быстро, сломя голову' (= 'без глаз-ушей'): *Мин уйғума тартынминох тура салып, андарох харах-хулах чох үкүс салға-бын* (Н. Тинников) 'Я тоже, не поддаваясь сну, побежал туда, сломя голову';

күл пырлада 'весело, от души, вдоволь' (= 'так, чтобы зола разлеталась'): *Пил азырхы тайымнаң төреен хыстың оолғы кізі алған, мині туғанға тартып хона сыйладылар. Күл пырлада тойлады!* (М. Кильчи-чаков) 'Внук моего дяди, живущего за перевалом, женился и меня как родственника угощали до утра. Вдоволь погулял я на свадьбе!';

алнына турарға 'защищать' (= 'вперед вставать'): *Піс тее алныңарға хайди турып аларбыс.., — хозылча ағаа Хурун* (Ф. Бурнаков) 'И мы-то как сможем вас защитить.., — присоединяется к нему Хурун';

ах чирдең сығарға 'внезапно' (появиться, раздаться и т. п.) (= 'из белого места выйти'): *Хапыңнаң Пычон ікі тиңе андар көрібіскеннер, талған кізі чілі, хат парғаннар, ах ла чирдең сых килген чоохтанысты истіп* (Н. Доможаков) 'Пычон с Хапыном одновременно взглянули в том направлении и застыли как парализованные, услышав столь неожиданно раздавшуюся речь';

өтіре көрерге 'видеть насквозь, быть проницательным': *Ипчим, оол-ғым паза син... чох син таласпа, мин прай өтіре көрчем* (М. Кильчи-чаков) 'Жена, сын и ты... нет, ты не спорь, я все насквозь вижу';

чызы чох ползын 'следа (духу) не было' (= 'запаха не было'): *Амох чарғылирға кирек көк харахты, пістің оңдайнаң, кибір оңдайынаң, чызы чох ползын пістің аалда хазахтың, — күйлеп тур Хапың* (Н. Доможаков) 'Сейчас же судить надо этого голубоглазого, судить по нашим законам и обычаям, чтобы и духу не было этого русского в нашем аале, — шумел Хапын';

ачим тутча 'зло берет' (= 'моя горечь держит'): *Мин өкпеленгем, ачим хайда-хайдар тутхан, че пазынғам* (Ф. Бурнаков) 'Я рассердился, зло меня взяло, но сдержался';

хол саларға 'расписываться' (= 'руку положить'): *Зойканы үгрет-песке итчезің ме? Синөк чіли, хол ласал пілзе, чідер, я! — хазалған Арина иріне* (Н. Доможаков) 'Хочешь Зойку не учить? Чтобы, как ты, умела только расписываться и достаточно! — уколола Арина мужа';

холнаң ал халарға 'спасти' (= 'от руки взять'): *Ікінсізін — син мині пайлар холынаң ал халғазың* (М. Кильчичаков) 'Во-вторых — ты меня от баев спас';

соох алын саларға 'простыть' (= 'холод вобрать'): *Оларны соох алдырбас үчүн, тас стенелердің істінең чардылар хазабызарға, а ортызына, тізең, ағас чарбазы урыбызарға* (Н. Тюкпиеков) 'Чтобы они [овцы] не простывали, надо каменные стены обшить досками, а внутрь насыпать опилки';

сілегей сірлеппе 'очень хотеть чего-либо' (= 'слюнки текут'): *Тоёңның сілегейі сірлезерге иткен, арағаа хыңаланып, че хараан Мариктең албин турған* (Н. Доможаков) 'Хотя у Тоёна чуть слюнки не потекли при виде спиртного, он не сводил глаз с Марик';

пўн таңда ла чөрерге 'быть едва живым' (= 'лишь сегодня-завтра ходить'): *Позым даа хазых нимеспін, пўн таңда ла чөрчем* (М. Кильчичаков) 'И сама нездорова, едва-едва жива';

тігі чирзер ызыбызарға 'отправить на тот свет' (= 'послать на ту землю'): *Пўнөк тігі чирзер ызыбызарға кирек* (М. Кильчичаков) 'Сегодня же надо отправить на тот свет';

чурт тудары 'наследник' (= 'дом беруший'): *Чуртың тударың, пу ноза, абаай, — иңнін азыра хуцахтапча Тоёңның* (Н. Доможаков) 'Вот ведь кто твой наследник, дорогой, — обнимает Тоёна за плечи';

ізін чыстирға 'выслеживать' (= 'нюхать след'): *Пістің полған на ізібісті чыстапчалар* (М. Кильчичаков) 'За каждым нашим шагом следят';

хулах азых тударға 'быть настороже' (ср. русск. «держатъ ухо остро») (= 'держатъ ухо открытым'): *Сөрөн тан ағас пўрінең ойнабинчатханда, хадарыңда турған кізее уламох сиргек, хулахты азых тудып турарға килісче* (И. Костяков) 'Когда листья деревьев не шевелятся от ветра, человеку, стоящему на страже, следует быть особенно внимательным, быть настороже' и т. п.

Структура фразеологических единиц данной группы (в лингвистической литературе их принято называть фразеологическими единствами) совпадает с действующими типичными моделями свободных словосочетаний, и их компоненты подвергаются тем же парагматическим изменениям, что и части речи, в роли которых они выступают.

Кроме того, фразеологические единства, как и фразеологические сращения, допускают синонимическую замену одного из компонентов. По мнению исследователей, варианты-фразеологизмы могут быть возвращены в синонимический ряд¹³.

Так, например, именные варианты-фразеологизмы с общим значением «двуличный» объединяются вокруг общего стержня *ікі* 'два' и создают вариантный синонимический ряд из трех фразеологизмов: *ікі сырайлығ* (= 'с двумя лицами'), *ікі сағыстығ* (= 'с двумя мыслями'), *ікі хылыхтығ* (= 'с двумя характерами'). Однако, несмотря на то, что эти фразеологизмы очень близки по значению, каждому из них в отдельности присущи свои оттенки значения и стилистической окраски. Существование подобных фразеологических вариантов делает язык более гибким и выразительным.

В отличие от фразеологических сращений для фразеологических единств характерна многозначность (особенно распространена двузначность). Например, фразеологизм *хол хысха* (= 'рука короткая') имеет два значения: 1) «руки коротки сделать что-либо» и 2) «бедный (материально)». Употребление многозначных фразеологизмов в том или ином значении зависит от контекста. Проследим это в следующем примере:

¹³ См.: Г. Ц. Пюрбеев. Глагольная фразеология монгольских языков. М., 1972, стр. 81.

Андаг поладырлар арыг холлыг кизилер (Н. Доможаков) 'Таковыми бывают честные люди'. *Одириссинер, чаргылассыннар. Мин оортах, ап-арыг холлых халарбын* (Н. Тюкпиеков) 'Пусть убивают друг друга, судятся. Я в стороне останусь'. В первом примере *арыг холлыг* означает «честный», во втором — «остаться в стороне, выйти сухим из воды».

Соотнесенность значения целого со значениями его частей позволяет выделить третий тип фразеологизмов, который в лингвистической литературе определяется как фразеологическое сочетание. К данному типу фразеологических единиц хакасского языка относятся устойчивые сочетания слов, представляющие собой семантические единства, в которых смысловая самостоятельность компонентов и семантическая мотивировка всего выражения проступают довольно четко. К фразеологическим сочетаниям в хакасском языке относятся фразеологизмы типа:

пыро тастирга 'простить, извинить' (= 'вину отбросить'): *Пыролыг ползабыс сирерниң алныңарда, пыробыс тастаңар* (Г. Топанов) 'Если мы виноваты перед вами, то простите нас';

киртиске кирерге 'войти в доверие': *Син, тизең, аннаң справка хызып, киртиңиз чох ичезиң, сыннаң кирек ол оңдайнаң парар полза, син чонның киртизіне кир полбассың* (М. Кильчичаков) 'Ты же, требуя у него справку, не веришь людям, если дела и дальше так пойдут, то ты не сможешь завоевать доверие народа';

уятха суғарга 'позорить' (= 'в стыд толкать'): *Пир сөснөң сөлезе, сирерни уятха сухпаспын!* (М. Кильчичаков) 'Одним словом, я вас не опозорю!';

чоох пылазарга 'говорить наперебой' (= 'разговор отбирать'): *Мини ибire одырған ипчилер чоох пыласхлал турғаннар* (газ. «Ленин чолы») 'Сидевшие вокруг меня женщины говорили наперебой';

арагаа кийпарарга 'сгореть от вина': *Пола-пола арагаа кийп үрөп парған* (И. Костяков) 'Со временем он умер, сгорев от вина';

хазых хысха 'плохое, слабое здоровье' (= 'здоровье короткое'): *Паза хайди идерзиң зе, алымныгыс, пабамның, тизең, хазыгы хысха тоғынарга* (М. Кильчичаков) 'Что тут поделаешь, в долгах мы, у отца же здоровье слабое работать';

алнына чүгүрерге 'прислуживать кому-либо, быть на побегушках' (= 'кому-либо вперед забегать'): *Оларның алныларына, көп чүгүргем, анаң, түүк ахказына харанып, мині, арғаас тіп, чистем сүрібіскен* (Н. Тюкпиеков) 'Я долго им прислуживала, потом, позарившись на деньги за шерсть, меня зять прогнал, сказав, что ленива';

той саларга 'справлять свадьбу' (= 'свадьбу класть'): *Ана ол туста табыстар истілген: Мына, ооллар, той салылча* (И. Костяков) 'В это время раздались голоса: Ну, ребята, свадьба справляется!';

хатыг хулах 'глухой' (= 'твердое ухо'): *Че нимее хысхырчазың, мында пир дее хатыг хулахтыг кизи чоғыл* (М. Кильчичаков) 'Ну что ты кричишь, здесь нет ни одного глухого';

хада төреен 'родной' (= 'вместе родившийся'): *Ката магаа хада төреен туңмам осхас* (М. Кильчичаков) 'Ката для меня как родная сестра';

сагысха түзерге 'задуматься' (= 'упасть в мысль'): *Ипчизи сагысха түзібистир, алай сынап таа улуг хыныстың үчүн иди ирееленчеткен кизи бе ол...* (газ. «Ленин чолы») 'Жена задумалась, может, и правда из-за большой любви страдает этот человек...';

сагыс тударга 'понять, уловить' (= 'мысль держать'): *Пролыгың, мин хайди-де синиң сагызыңны тут полбинчам?* (М. Кильчичаков) 'Прости, но я как-то не могу понять тебя';

тас чүрек 'бессердечный, жестокий' (= 'каменное сердце'): *Николайга мин позым чоохтап пирербін, ол мині пілер, син осхас тас чүректіг нimes ол* (М. Кильчичаков) 'Николаю я сама расскажу, он поймет меня, он не такой бессердечный, как ты' и т. п.

Семантика фразеологических сочетаний выводится из переносных или чаще прямых значений одного или нескольких компонентов, и поэтому многие фразеологические сочетания выполняют в речи назывную функцию.

Предложенная классификация фразеологического материала хакасского языка по степени семантической слитности компонентов основана на примерах, извлеченных автором из хакасской художественной литературы, периодической печати, двуязычных Хакасско-русского (М., 1953) и Русско-хакасского (М., 1961) словарей. Границы между предложенными группами не могут быть жесткими, раз и навсегда данными. Отнесение той или иной фразеологической единицы к определенному типу данной классификации, может быть спорным, ибо, как известно, «языковые единицы строго не дифференцируются, не всегда удается расставить их по строгому порядку в классификационных схемах, какими бы удачными они ни были»¹⁴.

Изложенное выше позволяет сделать следующие выводы:

1. Фразеологические единицы хакасского языка дают представление об особенностях мироощущения и характере образного мышления хакасского народа.

2. Фразеологизмы хакасского языка по своей структуре схожи со свободными словосочетаниями.

3. Значительному количеству фразеологических единиц всех типов соответствуют омонимические свободные словосочетания.

4. Дистантное расположение компонентов, их парадигматические изменения и синонимические замены не разрушают единой семантики фразеологизмов, изменяя лишь экспрессивные оттенки их значений.

5. Многозначность в большей степени характерна для фразеологических единств и не встречается у фразеологических сращений.

6. Первые два типа фразеологических единиц отличаются образностью, экспрессивной насыщенностью.

СПИСОК ЦИТИРОВАННОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ И СПРАВОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- Н. А. Баскаков, А. И. Инкижекова-Грекул. Хакасско-русский словарь, М., 1953.
 «Русско-хакасский словарь» под ред. Д. И. Чанкова. М., 1964.
 Ф. Т. Бурнаков. Пабам-ача. Абакан, 1964.
 Ф. Т. Бурнаков. Тигір Оды. Абакан, 1977.
 Н. Г. Доможаков. Ыраххы аалда. Абакан, 1960.
 М. Е. Кильчичаков. Хулгалар. Абакан, 1952.
 М. Е. Кильчичаков. Пьесалар. Абакан, 1961.
 М. Е. Кильчичаков. Чил айы. Абакан, 1978.
 И. Н. Костяков. Чібек хур. Абакан, 1966.
 И. Н. Костяков. Минің нанчыларым. Абакан, 1971.
 Н. Е. Тинников. Кавристін көглері. Абакан, 1977.
 Н. В. Тюклиев. Хыстагда. Абакан, 1977.
 «Ленин чолы» — газета.
 Г. Топанов. Чоохтар. Абакан, 1965.

¹⁴ См.: З. Г. Ураксин. Указ. раб., стр. 37.

Э. А. УМАРОВ

РОЛЬ МОТИВИРОВКИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В ИЗУЧЕНИИ ИХ АРХАИЧНЫХ КОМПОНЕНТОВ

Все фразеологизмы современного узбекского языка с точки зрения активности и пассивности их лексического состава можно разделить на две неравные группы. Причем фразеологизмы, в которых все слова относятся к активной лексике современного узбекского языка, составляют первую большую группу. Сюда входят, например, фразеологизмы *közi tört bölmāq* 'проглядеть все глаза', 'ждать с нетерпением', *bāši āsmānga etmāq* 'сильно радоваться', в которых слова *köz* 'глаз', *tört* 'четыре', *bölmāq* 'быть', 'происходить', 'существовать', *bāš* 'голова', *āsmān* 'небо', *etmāq* 'достигнуть'.

Вторую группу образуют фразеологизмы, включающие в свой состав лексические архаизмы — слова, полностью вышедшие из активного, повседневного употребления и поэтому относящиеся к пассивным элементам словарного состава современного узбекского языка. Например, во фразеологизмах *közi joḡmāq* 'родиться', *tinkasi qurimāq* 'обессилеть', 'дойти до изнеможения' слова *joḡmāq* и *tinka* относятся к архаизмам, и их значения непонятны большинству современных носителей узбекского языка.

Выяснение мотивировки и (мотивированности) фразеологизмов играет большую роль при определении значения входящих в их состав архаичных слов. Мотивировка позволяет раскрыть некоторые семантические особенности таких слов, уточнить их значение в памятниках письменности. Приводимые ниже примеры показывают, как раскрытие мотивировки фразеологизма проясняет значение вышедших из употребления слов.

1. *Öpkangni bās* 'сдержи себя'.

Ošanda «undoq qilādurman, mundāq qilādurman deb hāvliqding hāj öpkangni bās, uka» dedim qulāq sālmaḡing (М. Мухамедов. Қиммат билан Ҳиммат, Тошкент, 1960, стр. 35) 'В то время ты хвастался, говорил: так сделаю, сяк сделаю. — О, браток, успокойся, — говорил я тебе, ты не слушался'.

Мотивировка этого фразеологизма показывает, что слово *öпка* в данном сочетании не обозначает «легкие». В этом могут убедить также материалы словаря Махмуда Кашгари, где это слово имеет два значения: 1) легкие, 2) гнев¹. Можно с уверенностью сказать, что в основе

¹ Махмуд Қошғарий. Девону луғотит турк. Т. I. Тошкент, 1960, стр. 148.

приведенного фразеологизма лежит второе значение. В «Узбекско-русском словаре» выражение *örkasini bāsmāq* ошибочно, на наш взгляд, отнесено к словарному гнезду *örka* 'легкие'². Из-за смешения значений слова *örka* неправильно объясняется происхождение данного фразеологизма и в сборнике крылатых слов³.

Киргизское *örkösü köptü* имеет два значения именно благодаря двусмысленности слова *örkö*⁴.

2. *Änsasi qātmāq* 'покоробиться'.

Qōšaqning žāni čiqib ketdi, lablari āqarišqandaj böldi, asab tamirlari qattiq ura bāsladi, rāsa änsasi qātdi (Х. Шамс. Танланган асарлар. Тошкент, 1960, стр. 113) 'Кушак сильно испугался, губы его побелели, нервы напряглись, он словно покоробился'. В этом фразеологизме *änsa* — архаизм. В «Узбекско-русском словаре» это слово толкуется как «затылок»⁵. Однако при такой трактовке мотивировка фразеологизма становится неясной. Наблюдения над лексикой тюркских языков показывают, что в киргизском языке имеется слово *äñse* в значении «сила»⁶, а также выражение *äñsesi katkan* 'обессиленный, павший духом'. Это проясняет смысл выражения: *букв.* 'сила затвердела'. Действительно, этот фразеологизм употребляется, когда речь идет о равнодушном отношении к задуманному, было, делу.

3. *Ävini qilmāq* — *ävini tāpmāq* 'найти выход из какого-либо положения'.

Suning učen Rustampānsād va uning hamtāvāqlari Madṡāzining ävini tāpišsa Buzrukhōžaning izini pinhona quvdi-quvdi qilišajapti (Т. Сулаймонов. Боқий умр. Тошкент, 1966, стр. 52). 'Поэтому Рустам и его собутыльники, найдя путь к Мадгази, тайно ищут Бузрукходжу'. Хотя в словаре слово *äv* и отмечено, однако его значение не указывается. Мотивировка современного варианта фразеологизма *jölini qilmāq* — *jölini tāpmāq* показывает, что данное слово должно обозначать «путь». Действительно, в кумыкском языке можно найти подтверждение этому. Ср. кумыкск. *är* 'путь', 'способ', 'выход'⁷.

4. *Quti uctmāq* 'бояться', 'побледнеть', 'испугаться'.

Bu sözni äšitgandan kejin Tažibājning quti uctdi (С. Абдулла. Мавлоно Муқимий. Тошкент, 1965, стр. 170) 'Услышав эти слова, Таджикибай испугался'. Близко по значению этому фразеологизму выражение: *gangi öctmāq* 'побледнеть'. В словаре слово *qut* имеет три значения: 1) пища, пропитание, 2) счастье, 3) обилие, изобилие⁸. Но эти толкования не проливают свет на значение фразеологизма. Фразеологический материал тувинского языка: *kudu ünep* *букв.* 'душа его выйдет'⁹ помогает установить, что слово *qut* в узбекском фразеологизме имеет значение «душа». Это проясняет мотивировку сочетания. Подобное толкование данного слова подтверждается и фактами древнетюркского языка¹⁰.

5. *Tinkasi qurimāq* 'обессилеть'.

Čāl tinkasi qurigan, āriq, jāyır, xunuk ātini aravadan čiqardi (Ойбек. Болалик. Тошкент, 1964, стр. 115) 'Обессиленный старик выпряг из арбы худого, с потертостями, некрасивого коня'.

² «Узбекско-русский словарь». М., 1959, стр. 584.

³ Ш. Шомақсудов, С. Долимов. Кенг уйнинг келинчаги. Тошкент, 1964, стр. 320.

⁴ Ж. Осмонова. Идиомы в киргизском языке. Автореф. канд. дисс. Фрунзе, 1969, стр. 13.

⁵ «Узбекско-русский словарь», стр. 555.

⁶ «Киргизско-русский словарь». М., 1968, стр. 956.

⁷ «Кумыкско-русский словарь». М., 1969, стр. 376.

⁸ «Узбекско-русский словарь», стр. 632.

⁹ Я. Ш. Хертек. Тувинско-русский фразеологический словарь. Кызыл, 1975, стр. 114.

¹⁰ «Древнетюркский словарь». Л., 1969, стр. 471.

Значение слова *tinka* в словаре не указано. Тувинская пословица *Туп — aldyn, хуп — kuzel* 'Жизнь — золото, солнце — мечта' показывает, что в основе узбекского сочетания *tinkasi qurimāq* лежит слово *tin* в значении «душа» с уменьшительным аффиксом -ка. Мотивировка фразеологизма, таким образом, становится понятной. Кроме того, в современном узбекском языке встречается другой вариант данного фразеологизма *Anka-tinkasi qurimāq: šuning natižasida fuqarāning ānka-tinkasi qurigandi* (С. Абдулла. Мавлоно Муқимий. Тошкент, 1965, стр. 16) 'Из-за этого бедняки обессилели'. Совместное употребление данных слов можно объяснить их созвучием. Слово *ānka* в туркменском языке употребляется в форме *ānk* 'сила (человека)'¹¹.

6. На основе мотивировки фразеологизмы со словом *baγiγ* в современном узбекском языке можно разделить на две группы:

1) *baγiγ tāš* 'жестокосердный', *baγiγ qāra (ādam)* 'человек с черной душой', *baγini āzmāq* 'раздирать (чью-нибудь) душу', *baγini qān qilmāq* 'изводить (кого-нибудь)', 'терзать (чье-либо) сердце';

2) *baγiγa bāsmāq* 'заключать в объятия', *baγini erga berib jotmāq* 'лежать ничком', *tāγ baγrida* 'на склоне горы', *baγiγa ālmāq* 'обнимать'.

Мотивировка первой группы ясна: все сочетания связаны со словом *baγiγ* в значении «печень». Мотивировка же второй группы фразеологизмов показывает, что они связаны с *baγiγ* в значении «грудь». В связи с этим можно предположить, что в древности данное слово имело два приведенных значения. Исторические языковые факты подтверждают это. В процессе развития узбекский язык сохранил слово *baγiγ* в значении «печень», а в значении «грудь» — утратил. Однако в последнем значении как архаизм оно осталось в составе приведенных выше сочетаний. Поэтому данные сочетания следовало расположить в словаре в двух словарных гнездах, а не в одном¹².

Исходя из двух значений слова *baγiγ*, можно уточнить перевод некоторых материалов языковых памятников. Фразу *ol jasīn baγirladi* 'он починил рукоять своего лука' у Махмуда Кашгари¹³ следует понимать как «он приложил лук к груди». Другое предложение *ol anī baγirladi* 'он ударил под печень'¹⁴ следует понимать как «он ударил его в грудь», ср. *baγirdaγ* 'кофта'¹⁵.

7. *Juγaguda joli bāγ* 'храбрый', 'смелый'.

Это выражение в «Узбекско-русском словаре» дается за ромбом в словарной статье *jol* 'трива'¹⁶. Мотивировка его и материалы тюркских языков показывают, что в данном выражении указанное слово употребляется не в значении «грива», а в значении «огонь». Ср. у Махмуда Кашгари: *ot jaldi* 'огонь вспыхнул'¹⁷, кумык. *jalyn* 'пламя'¹⁸, хакас. *čalyn* 'пламя'¹⁹, староузб. *jalīn* 'пламя'.

Кроме того, современный синонимо-лексический вариант выражения *juγagida ōti bāγ* еще раз подтверждает, что в приведенном фразеологизме слово *jol* употреблено в значении «огонь».

8. *Čuvi čiqdi* 'он разоблачен, его вывели на чистую воду', 'его «слава» прогремела'.

¹¹ «Туркменско-русский словарь». М., 1961, стр. 790.

¹² «Узбекско-русский словарь», стр. 58.

¹³ «Древнетюркский словарь», стр. 78.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ «Узбекско-русский словарь», стр. 143.

¹⁷ Махмуд Кашгарий. Девону луғотит турк. Т. 3. Тошкент, 1963, стр. 70.

¹⁸ «Кумыкско-русский словарь», стр. 390.

¹⁹ «Русско-хакасский словарь». М., 1961, стр. 587.

Ašāning čuvi čiqdi (Аббос Муҳиддин. Тулкилар кулкилар. Тошкент, 1977, стр. 6) 'Эшана вывели на чистую воду'. Данный фразеологизм в словаре помещен вслед за заглавным словом čuv III 'чека (оси арбы)' с указанием двух его значений: 1) выскочила чека; 2) *перен.* он разоблачен, его вывели на чистую воду²⁰.

Мотивировка данного фразеологизма показывает, что в основе этого сочетания лежит древнетюркское čav 'слава', 'известность', 'молва'²¹. Поэтому правильное было бы привести данный фразеологизм в словаре за заглавным словом čav 'слава'.

Как видно из примеров, изучение фразеологизмов, включающих архаизмы, имеет теоретическое и практическое значение для изучения исторической лексикологии, в данном случае — узбекского языка. Выяснение мотивировки фразеологизма, обращение к другим тюркским языкам, к памятникам письменности позволяют восстановить утраченные значения слов-архаизмов, проследить происхождение конкретного фразеологизма, а также уточнить лексикографическое описание того или иного слова в современных словарях.

²⁰ «Узбекско-русский словарь», стр. 528.

²¹ «Древнетюркский словарь», стр. 136.

Т. БЕГЖАНОВ

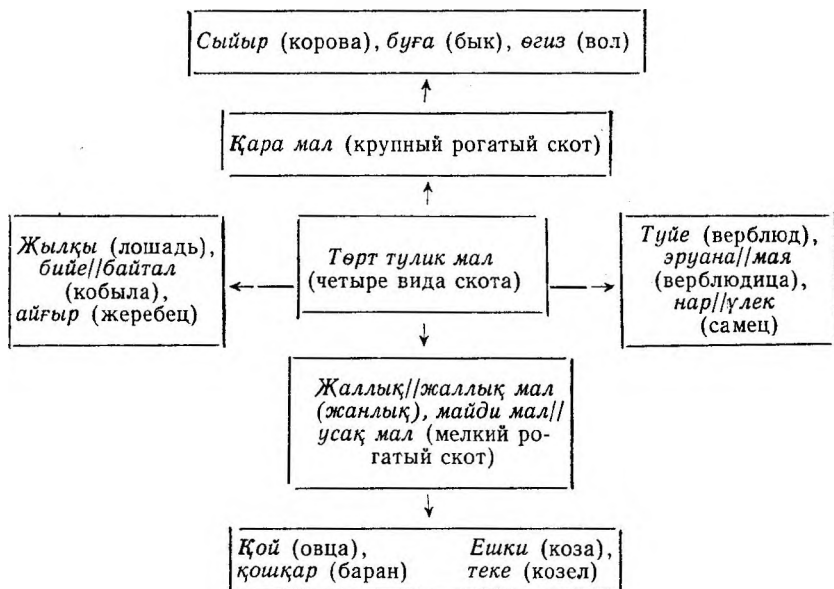
ЗАМЕТКИ ОБ ЭТИМОЛОГИИ НЕКОТОРЫХ СКОТОВОДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ В КАРАКАЛПАКСКОМ ЯЗЫКЕ

В лексике национального языка находит отражение род той деятельности, которой издревле занимался носитель этого языка — народ. Так, скотоводческая терминология составляет древнейший лексический пласт не только каракалпакского, но и казахского, киргизского, уйгурского, алтайского и других тюркских языков, что обусловлено историческим прошлым народов, говорящих на этих языках, — исконных скотоводов-кочевников. Сходные особенности лексики и терминологии языка этих народов связаны с общностью их быта и занятий, а также с их тесными историческими контактами, сохранившимися по настоящее время. Скотоводство как древнейшая отрасль хозяйства и источник существования каракалпаков породило массу понятий, обозначенных различными названиями и терминами. Почти все термины и слова из области скотоводства, не считая отдельных арабо-персидских заимствований, сохранились в каракалпакском языке в своем первоначальном виде, чего нельзя сказать о многих других отраслях сельского хозяйства.

Этимология древнейшего пласта каракалпакской лексики — скотоводческих названий и терминов — представляет большой научный интерес. В настоящей статье нами предпринята попытка раскрыть этимологии отдельных скотоводческих терминов в каракалпакском языке и высказать ряд соображений в этой связи.

Mal 'скот'. Это обобщенное название скота не только в каракалпакском, но и в большинстве других тюркских языков. Каракалпаки в это слово вкладывают преимущественно понятия *қара мал* 'рогатый скот' и *усақ мал* 'мелкий скот'. Ими сюда не относятся верблюды и лошади. Слово *қара* у каракалпаксов даже без сочетания со словом *мал* обозначает «скот». Например: *Оның бир-еки қарасы бар* 'У него имеется одна-две единицы скота'. Слово *мал* в подавляющем большинстве тюркских языков, в том числе и в каракалпакском, употребляется и в значении имущества, состояния, добра. В таких случаях оно неизменно употребляется в сочетании со словом *дүнья* 'мир': *мал-дүнья* или *дүнья-мал* 'богатство, состояние'. В советское время слово *мал* приобрело новую семантику и стало означать «промышленные товары». Например: *Саанаат маллары дуканы* 'Магазин промышленных товаров'.

Tulik 'вид скота'. У потомственных скотоводов — казахов и каракалпаксов — скот издавна делится на отдельные виды — *тулик*. Причем казахи делят скот на *бес тулик* 'пять видов', а каракалпаки — на *төрт тулик* 'четыре вида'. В целях иллюстрации приведем схематическое описание *төрт тулик мал* 'четырёх видов скота' у каракалпаксов:



О происхождении слова *тулик* в научной литературе сведения отсутствуют. Это слово издревле обозначает у казахов и каракалпаков вид скота и употребляется исключительно в указанном смысле. Мы предполагаем, что оно, по всей вероятности, происходит от глаголов *төллеу* 'приносить приплод', *тулеу* 'сбрасывание шерсти'.

Ряд названий, терминологических слов, связанных со скотоводством и с его определенными видами, встречается в «Дивану лугат-ит тюрк» Махмуда Кашгари. Особенно часты здесь слова, характеризующие внешность и масть лошадей. Если слово *жылқы* в современном каракалпакском языке обозначает один из видов домашнего скота — лошадь, то в словаре Махмуда Кашгари (*jīlkī*, III, 41) оно употреблено как общее название скота. Сочетания *тоқал*, *муйизсиз мал* (I, 320) в настоящее время употребляются в значении «безрогий скот». *Kör jīlkī — өристеги мал* (III, 145) 'пасущаяся лошадь'¹. Слова *тарғыл*, *тарлан* в каракалпакском языке, обозначающие окраску скота, являются одно-коренными. Если *тарғыл* характеризует окраску коровы, то *тарлан* — лошади. Слово *тарғыл* в современном языке встречается и в сочетании с названиями птиц и разных диких животных: *тарғыл пышық* 'пятнистая кошка', *тарғыл буркит* 'пятнистый беркут', *тарғыл тасбақа* 'пятнистая черепаха', *тарғыл жылан* 'пятнистая змея', *тарғыл жолбарыс* 'пятнистый тигр' и т. д.

Исключительный интерес для изучения скотоводческой терминологии в тюркских языках представляет специальная работа А. М. Щербак². В ней приводятся в сравнительном плане видовые наименования скота, холостого самца, самца-производителя, самки, молодняка, их различных возрастных групп.

Qysyq 'яловый, бесплодный'. В каракалпакском, а также в большинстве других тюркских языков это слово обозначает коров, кобыл, овец, коз, то есть всех самок скота, временно или навсегда остающихся яло-

¹ Махмуд Кашгарий. Девону лугат ит-турк. Тошкент, 1963, том III, стр. 41, 145, 320.

² А. М. Щербак. Названия домашних и диких животных. — В сб.: «Историческое развитие лексики тюркских языков». М., 1961.

выми, бесплодными. А. М. Щербак указывает, что слово *kīcīr* «имеет ту существенную особенность, что может относиться не только к лошади, но и к другим животным, например: азерб., туркм. *ḡīcīr*; башк., казах., тат., узб., *kīcīr*; хак. *ḡīzīr*; чув. *ḡeśēr* 'яловый, бесплодный (о скоте)'; гаг. *kīcīr* 'бесплодный (о человеке и скоте)'; ног. *kīcīr* 'корова, не телившаяся до четырех лет'; уйг. *kīcīr* 'корова, у которой пал теленок'; ср. *kīcīr* 'женщина, не рожаящая детей', 'яловая самка животного' (МК, I, 364, см. также МК, III, 88); *kīcīr kalğan tīwī tawā* 'верблюдица, оставшаяся яловой' (Сл. Замахшари, II, 298, 312)»³.

Şoran 'чабан', 'пастух, пасущий мелкий домашний скот'. В каракалпакском языке с древних времен *шопаном* 'чабаном' называли того, кто пас овец и коз, то есть мелкий общественный скот. По народному поверью, у всех пастухов имеются мистические покровители. Например: *Шопан ата* 'Дед чабан' покровительствует чабанам, *Жылқышы ата* 'покровитель табунщиков'. В каракалпакском языке *падашы* 'пастухом' называют пасущего рогатый скот, а *жылқыман* 'табунщиком' — пасущего лошадей. Пасущий верблюдов называется *түйеши*. Очень интересные сведения о слове *чупан* 'чабан' приводятся у В. В. Бартольда: «Чупан, чопан (в чагатайском) или чобан (в османском и крымско-татарском) — персидско-тюркское слово, означающее 'пастух'; обозначает преимущественно пастухов овец и коров в отличие от пастухов коней (*келебән*). У кочевников *чупан* считался представителем низшего класса населения как с пренебрежительным оттенком, когда грубый и необразованный народ противопоставляется господствующим классам (ср. высказывания, приписываемые Чингиз-хану, у Рашид ад-дина, изд. Березина, III, текст, 179), так и в тех эпических рассказах, в которых представитель стихийной народной силы выступает как верный помощник и спаситель своего эгоистичного и неблагодарного господина (напр., в *Китаб-и Деде Коркут*, изд. Бартольда, III, стр. 038 и сл.). Помимо этого, слово «Чупан» встречается и как собственное имя, даже у лиц, занимающих самое высокое положение (ср., напр., эмир Чупан, правитель Персии при Абу Са'иде в 1316—1327 гг. и основатель династии)»⁴.

Qoqa 'помещение для скота'. До революции у каракалпаков-бедняков весь скот — крупный и мелкий — содержался в одном помещении, называемом *қора* 'хлев' или *сейисхана*. Только богатые скотоводы могли позволить себе содержать разные виды скота в отдельных помещениях. Отсюда и получили свои названия их разновидности, такие, например, как *мал қора* — *малхана* 'помещение для рогатого скота', *ат қара* — *атхана* 'конюшня', *жанлық қора* 'помещение, в котором держали мелкий скот', *қой қара* 'помещение для овец', *бузаў қора* 'телятник', *ылақ қора* 'помещение для козлят', *қозы қора* 'помещение для ягнят', *ешки қора* 'помещение для коз', *түйе қора* 'помещение для верблюдов', *сыйыр қора* 'коровник'.

Qalmaqu qoqa 'калмыцкий хлев'. Такой хлев, видимо, существовал у калмыков. Для его постройки, согнув пополам связки камыша, оба конца вкапывают в землю. В муйнакском говоре каракалпакского языка такая постройка называется также *қалмақы ҳарем* 'калмыцкая изгородь'.

Töleqoqa 'подземный хлев'. В муйнакском говоре называют его и *төле-қора* 'хлев-землянка'.

Выше уже отмечалось, что у каракалпаков-бедняков весь скот прежде содержался в общем помещении, называемом *сейисхана*. Здесь

³ А. М. Щербак. Указ. раб., стр. 90.

⁴ В. В. Бартольд. Сочинения. Том V. М., 1968, стр. 629.

одновременно могли находиться коровы, овцы, козы, лошади, даже имелись насесты для кур. Для лошади у коновязи сооружали круглое глиняное стойло — *ақыр* с углублением в середине, задней стороной упиравшееся в стену. В *ақыр* насыпали корм — овес, ячмень, мелко нарубленный клевер, а иногда ставили и ведро с водой. О. Накысбеков о слове *ақыр* 'стойло' пишет следующее:

«Во времена Махмуда Кашгари в значении конюшни, помещения, где содержались лошади, употреблялись, оказывается, слова *атлук* (I, 124), *аран* (I, 108), *акур* (I, 46). Из них словом *атлук* пользовались жители Тараза. В современном казахском языке имеются слова *атқора*, *қора*, *атхана*»⁵.

В современном каракалпакском языке слова *атқора*, *қора*, *атхана*, а также *ақыр* активно употребляются.

Aqta. В каракалпакском, киргизском и уйгурском языках это слово имеет значение «оскопленный» (конь, верблюд и т. д.). У В. В. Радлова: *ахта*: *акта*, *ахта ат* — 'мерин', *ахта киши* (*киси*) — 'евнух'; *ахта зогал* — 'кизил без косточек'⁶.

Arqa 'спина'. В тюркско-монгольских языках — казахском, киргизском, татарском, хакасском, бурят-монгольском — это слово употребляется в том же значении, что и в каракалпакском. Например: *ат арқасы жайыр болды* 'спина лошади потерялась до крови'.

*Арқамызда Құсқананың тауы бар,
Бәхэр болса сона, шыбын жайы бар...*

(Из каракалпакской народной песни)

'На севере у нас высится гора Кускана,
С наступлением весны туда устремляются тучи оводов, комаров...'

Aryq-turyq. Первый компонент этого парного слова часто употребляется самостоятельно, а второй — никогда. Семантика последнего к тому же неясна, хотя он относится к числу древнейших в тюркских языках. Его можно встретить и в тексте «Памятника в честь Тоньюкука»: *турк букаарық бука*⁷, и у Махмуда Кашгари (*казгу мини тургурур* 'горе заставило меня похудеть, отощать')⁸.

К. Т. Рамазанов указывает, что *арық-турық* состоит из синонимических компонентов⁹.

В настоящее время парное слово *арық-турық* в каракалпакском языке употребляется лишь по отношению к тощему скоту. Первый его компонент *арық* в самостоятельной форме нередко употребляется в живой разговорной речи и в образцах фольклора, также и по отношению ко всем животным и человеку. Так, широко распространенная среди каракалпаков народная пословица гласит: *Арық малды сақласаң, айзы — басыңды май етер, арық адамды сақласаң, айзы — мурныңды қан етер* 'Когда выходишь тощую скотину, она отблагодарит тебя сливочным маслом, а когда выходишь отощавшего человека, он ответит тебе черной неблагодарностью'.

⁵ О. Накысбеков. Махмуд Кошғарий «Девону луғот ит-турк» атты еңбегіндегі төрт түлік мал атаулары. — В сб. «Местные особенности в казахском языке». Алма-Ата, 1963, стр. 103.

⁶ В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. Тт. I—IV, СПб., 1898.

⁷ С. Е. Малов. Памятники древнетюркской письменности. М.—Л., 1951, стр. 61.

⁸ Махмуд Кошғарий. Девону луғот ит-турк.

⁹ К. Т. Рамазанов. Түрк дилләринин җәнуб-ғәрб группунда синонимләрден дүзелән гоша сөzlәр. — «Азәрбајҗан ССР Елмләр Академијасынын Хәбәрлери. Әдәбијат, дил вә инчәсәнәт серијасы». Баки, 1976, № 2, стр. 55.

Uüyz 'молозиво'. Махмуд Кашгари в своем словаре первое молоко скота называет *ағуж*. Как видоизмененная форма этого слова, ныне в каракалпакском языке существует слово *уўыз*¹⁰, в казахском — *уыз*¹¹, в киргизском — *ууз*¹². В каракалпакском языке часто употребляются словосочетания *бебекти аўызландырыў* 'покормить младенца материнской грудью', *қозыны, ылақты аўызландырыў* 'дать ягненку, козленку пососать материнское вымя'. Когда спрашивают: *Бөбек аўызландыма?*, обычно хотят узнать: «Пососал ли младенец материнскую грудь?». Судя по этому, можно предположить, что между словами *ағуж*, *аўыз* 'рот', *уўыз* 'молозиво' существует смысловая связь. Весьма вероятно, что слово *уўыз* представляет собой сокращенную, усеченную форму слов *ағуж*, *аўыз*.

Şoşala 'помещение, пристройка, в которой обычно хранятся продукты, коптится мясо'. Корень этого слова *точа//чоча* в тувинском языке употребляется в значении «замок». Можно предположить, что слово *шошала* могло быть заимствовано каракалпакским языком как название закрытого на замок помещения.

Jrkıt 'айран, припасенный для приготовления курта'. Это тюркское слово с корнем *ирк* 'умножение, увеличение, накапливание'. Например, *көзине жас иркиў* 'накапливать слезы в зрачках'. Слово *irkił + di* в значении «накапливаться, увеличиваться» встречается в словаре Махмуда Кашгари, например: ... *sū + ʔlīm irkildi — көп әскер жыйналды* 'собралось множество войск'¹³. Слово *irktek*¹⁴ и в турецком языке употребляется в значении «увеличиваться, накапливаться, скапливаться, в одном месте». Значение этого слова связано со скоплением веществ, издающих вонь, смрад. Например: *Ириген аўыздан шириген сөз шығады* 'Вонючий рот исторгает отдающие смрадом слова' (пословица).

Рассмотренные выше широкоупотребительные скотоводческие названия и термины каракалпакского языка во многом сходны с аналогичными в других тюркских языках как по семантике, так и по этимологии. Исключением является слово *тулик* 'вид скота' каракалпакского и казахского языков. Подавляющее же большинство скотоводческих названий и терминов является общим для всех тюркоязычных народов, отличаясь лишь некоторыми фонетическими особенностями.

¹⁰ «Каракалпакско-русский словарь». М., 1954, стр. 682.

¹¹ «Қазақша-орысша сөздік». Алматы, 1954, стр. 380.

¹² «Киргизско-русский словарь». М., 1965, стр. 810.

¹³ Махмуд Кашгарий. Девону луғот ит-турк. Тошкент, 1960, том I, стр. 251.

¹⁴ «Турецко-русский словарь». М., 1977, стр. 464.

Р. К. РАХИМОВА

К ИЗУЧЕНИЮ ТАТАРСКОЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ

Профессиональная лексика татарского языка до сих пор еще не стала предметом специального исследования. В словари вошла лишь небольшая часть ее, причем в ряде случаев допущены неточности в толковании значений, в пометах и т. д.¹

Систематическое изучение профессиональной лексики на территории ТАССР началось сравнительно недавно. К настоящему времени уже собран значительный терминологический материал, который может быть использован при составлении словарей, терминотворчестве, а также для изучения истории языка.

В данной статье рассматривается часть профессиональной лексики, относящаяся к названиям татарских национальных головных уборов.

До революции мужские и женские головные уборы татар отличались от головных уборов соседних народов по своему крою и материалу и были довольно разнообразны (Н. Воробьев, 1953, 262; К. Насыри, 162).

Профессиональная лексика современных мастеров головных уборов в основном отражает названия, бывшие в употреблении у ремесленников прошлого. Наряду с этим в связи с применением технических средств и современной технологии в профессиональную речь входят русские и интернациональные термины. По мере выхода из употребления старинных головных уборов исчезают и названия их. Поэтому этот терминологический пласт представляет особенно большой интерес.

Рассматриваемые нами названия головных уборов разделяются на две группы: названия надевающихся головных уборов *kijelä toğan baš* *kijemeatamalary* и названия головных уборов, которыми покрывают голову, типа платков, шалей — *börkänä toğan baš* *kijeme atamalary*².

Названия верхних головных уборов

Bürek, в говорах *bürke* (ТТДС) обычно «зимний, теплый головной убор, шапка». В других тюркских языках: каз. *börük* (КТТС), ккалп.

¹ Подробнее об этом см.: Р. Рахимова. *Һөнәрчелек атамаларының тәржемә әдәбиятта кулланылышы һәм сүзлекләрдә бирелеше*. — «Вопросы лексикологии и лексикографии татарского языка». Казань, 1976, стр. 52—64.

² Транскрипционные знаки *a, e, y, o, ö*, принятые редакцией журнала «Советская тюркология», в нашей статье обозначают звуки, характерные для поволжско-тюркских (татарского, башкирского, чувашского) языков: тат. графич. *a* — негубной гласный заднего ряда, нижнего подъема, но имеет несколько лабиализованный характер; *e* — негубной гласный смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема; *u* — негубной гласный смешанного ряда, отодвинутый назад, среднего подъема; *o* — губной гласный смешанного ряда, среднего подъема; *ö* — губной гласный, смешанного ряда, продвинутый вперед, среднего подъема.

бөрк (К-КРС), кирг. *бөрк*, *бөрүк* (Кирг. РС), карaim. *бөрк*, *бёрк*, *бэрк* (КРПС), каб.-балк. *бёрк* (РК-БС), кум. *бёрк* (Кум. РС), туркм. *бөрүк* (ТДС), ног. *боьрк* (Ног. РС), узб. *бёрк* (Узб. РС).

Qolaqlı bürek букв. 'шапка с ушами', *qolaqçın bürek* 'шапка-ушанка' или просто *qolaqçın* 'ушанка'. Эти варианты названия в современном языке обозначают ушанки. В старину означаемый ими татарский головной убор внешне отличался от современных ушанок. Именно о таком типе шапок К. Насыри писал: «Раньше был головной убор, называемый колакчын, но в настоящее время ни у кого уже колакчын не увидишь» (К. Насыри, 163). Н. И. Воробьев считает, что шапку *колакчын* перестали носить еще в XIX веке. По внешней форме она была близка к казахскому и башкирскому головным уборам с тем же названием.

Позднее этому головному убору была придана более удобная и практичная форма, и ее вновь стали носить. Вероятно, в таком обновленном виде ушанка появилась сначала у русских, поэтому татары дали ей название *ırgı bürege* 'русская шапка'.

Malaxaj bürek 'шапка-малахай', в «Татарско-русском словаре» (ТРС) это название отсутствует, в «Диалектологическом словаре» (Д—И) приводится в форме *kälärüſ*. В языке художественных произведений это название обозначало меховую шапку с наушниками: *baſlarynda qolaqlı malaxaj* 'на их головах малахай с ушами' (Ш. Камал. Сайланма әсәрләр. Казан, 1965, стр. 46). *Mıñnıq qart... malaxaj büregegeſ qolaqların ıtırıtqan* 'Старик Миннур... откинул уши (своего) малахая' (А. Шамов. Сайланма әсәрләр. Казан, 1954, стр. 397). В словаре В. В. Радлова (т. IV, ч. 2): *малахай* (телеут.) 'острая меховая шапка с наушниками'; у Л. З. Будагова: *малахай* (казан.) 'шапка с ушами' (ССТН, т. 2); у С. И. Ожегова в значениях — 1) большая шапка на меху с наушниками, 2) широкий кафтан без пояса (СРЯ). В «Русско-татарском словаре» (РТС, 1956, II) приведены эти же значения.

Согласно информации мастеров-шапочников из села Шемордан, *malaxaj bürek* — это несколько видоизмененная по форме современная ушанка с заостренными короткими наушниками.

Эти сведения позволяют заключить, что первоначально малахаем назывался вид шапки с наушниками, издавна использовавшийся многими тюркскими народами.

Известны старинные шапки сельских жителей в виде невысокого (15—20 см) цилиндра с полукруглым верхом из четырех клиньев. Нижний край таких шапок обычно отделялся мехом или имел трубчатую толстую оторочку, набитую ватой или паклей.

В отличие от шапок-ушанок, получивших название *ırgı bürege*, полукруглые шапки назывались *tatar bürege* 'татарская шапка'; в городе Кукморе они были известны как *jımgı bürek* 'круглая шапка'.

Опущенные шапки в разных районах назывались *qatalı bürek*³, *qata bürek* 'шапка, опущенная мехом выдры или вообще мехом', *qırğılı bürek*; в говоре мишарей Мордовской АССР *tiräle bürek* 'шапка с оторочкой' (а *qırğısuz bürek* 'шапка без оторочки').

В общенародной разговорной речи для обозначения шапки существуют образные и иносказательные выражения: *sönnatle bürek* 'шапка без изъяна', 'шапка, соответствующая установлениям шарията', *mesken*

³ Термин *qatalı* употребляется для обозначения и других видов одежды с меховой оторочкой, например: *qatalı tun*, *qatalı kamzul*.

bürek 'шапка бедная', 'скромная шапка', täwäkkäl bürek 'решительная шапка', 'смелая шапка'.

Шапки с такими названиями носили обычно представители неимущих классов, с юмором относящиеся к своей бедности.

Данные названия в разных местностях обозначали различные виды шапок. Например, у шапочников Кукмора и Балтасы в ходу название mesken bürek 'сукодная, матерчатая шапка без меховой оторочки'. Писатель Г. Ибрагимов описывает ее как шапку с оторочкой: Başynda çite qamaly mesken bürek 'На его голове бедная шапка с оторочкой...' (Г. Ибрагимов. Сайланма әсәрләр. II т. Казан, 1956, стр. 128). Некоторые шапочники Казани и täwäkkäl bürek, и mesken bürek считают одним и тем же видом шапки без оторочки.

В Пензенской области täwäkkäl и malaxaj имеют одно и то же значение. Это следует и из произведения Ф. Амирхана: Bolar hämptäse malaxaj (täwäkkäl) bürek kigännär 'Эти все одели шапку малахай (таваккал)' (Ф. Амирхан. Сайланма әсәрләр. I т. Казан, 1957, стр. 171). Söpnätle bürek означало шапку с оторочкой в трубочку из ткани самой шапки, набитой ватой или паклей. Данное название в некоторых селах означало шапку из цветного бархата, опушенную мехом, которую при соблавлении религиозных обрядов, во время посещения мечети обматывали белой тканью. Шапка, специально сшитая для чалмы, так и называлась çalma bürege 'шапка для чалмы'.

Danadar bürek 'шапка данадар' (<перс. دانا 'ученый', دار 'обладатель'), головной убор, сшитый из дорогих мехов, который носили обычно представители духовенства.

Qamçat bürek 'шапка с околышем из камчатского (морского) бобра или морской выдры'. В предреволюционные годы ее носили обычно зажиточные пожилые женщины. К. Насыри дает следующее описание этой шапки: «Еще у женщин есть головной убор — шапка. Оторочка у этой шапки из камчатского бобра. Верх вышивают канителью, пришивая жемчуга и камни. Обходится очень дорого, нет предела цене» (К. Насыри. Сайланма әсәрләр. Казан, 1956, стр. 165).

Qamçat bürek раньше означал и мужскую шапку. Об этом свидетельствуют этнографические (Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953, стр. 283) и фольклорные материалы: Qyzyl da ɣupa tölke qyrlar kürke, qamçat ta ɣupa bürek ir kürke (татарская народная песня. — Т.) 'Рыжая лиса — краса полей, шапка камчат — краса мужчин'; Salawat nisä jäšendä, jäšel qamçat kürke başynda... (башк. нар. песня) 'Сколько-то лет Салавату, а на голове его шапка камчат с зеленым верхом'.

Шапки, которые носило большинство женщин, особенно в сельских местностях, имели ту же форму, что и мужские шапки с оторочкой или без нее. Шили их на заказ под различными названиями: jomɣu bürek//tügäräk bürek 'круглая шапка', saj bürek 'низкая (букв. мелкая) шапка', qarçyqlar bürege 'старушечья шапка', tumaq bürek//turyj bürek 'плоская шапка'.

Тыруј bürek в некоторых говорах обозначает: 1) ушанку, 2) детскую матерчатую шапочку и 3) женский головной убор типа калфачки (ТТДС).

Названия летних шапок

Qarakül bürek 'каракулевая шапка'. Такие неглубокие, с плоским верхом шапки мужчины носили и в теплые дни, поэтому их называли

еще *žäjge bürek* 'летние шапки'. Обычно татары носили такие шапки поверх тюбетеек, отсюда еще другое название — *tübätäj bürek*.

В Шемордане и Кукморе шапки часто шили из кусков грубо выделанных каракулевых шкур. Эти куски подвергались вторичной обработке. В соответствии со способом обработки, видимо, их и называли *qygma bürek* (<от слова *qyg* 'скоблить') и *qoqama bürek* 'шапка, сшитая из кусков'.

В народных песнях сохранились варианты заимствованного из русского языка слова «кромка» в значении «шапка из кромок» — *krynka, köremkāj*: *Krynka bürkeñne kütär, Maññaj čäč kenäjeñ kürensen...* 'Приподними шапку-кромку так, чтоб были видны волосы...' *Baş qynamej kigän köremkāj bürek Almağačqa qıñan qoş kebek...* (Т., 83, 124), 'Шапка-кромка на моей голове, подобна птице, сидящей на яблоне...'

Для лета шили еще шапки из искусственного каракуля. Они назывались *bäzäñke, baziñke bürek*, русск. «вязанка».

Названия шапок можно подразделить на две группы: 1) названия по: а) материалу (*qarakül, bäsäñke*), б) способом обработки (*qygma*), в) крою (*qoqama*); 2) названия по форме или назначению: *jyltyr bürek* букв. 'блестящая шапка', *bödrä bürek* букв. 'кудрявая шапка', *tübätäj bürek* 'шапка в форме тюбетейки', *žäjge bürek* 'летняя шапка'.

Наименования шапок по их особым признакам

По названию национальностей: *Malagus bürek* 'шапка-маларуска' (в Шемордане — 'шапка-украинка'), 'низкая шапка, сшитая из четырех клиньев, немного заостренная сверху'. Такую шапку называли еще *oçly bürek* 'заостренная шапка', *ozynča bürek* 'продолговатая шапка', *kükäj bürek* 'яйцевидная шапка'.

Finke bürek/fin bürege 'финская шапка, финка' — низкая шапка с козырьком и кожаным верхом.

Iskimus bürek 'эскимосская шапка', *ozyn qolaqlı bürek* 'шапка с длинными наушниками'.

По названию местности: *Mäskäüski bürek* 'московская шапка'. В Казани так называли низкие каракулевые шапки, которые обычно носили и в теплые дни. Этот вид шапок мишарями Мордовской АССР назывался *Kazan bürek* 'казанская шапка'.

Qubanka 'кубанка', в говорах *čäčäk bürek* (мензелинский), *imansyz bürek* (ТТДС) букв. 'шапка без веры, неверующая шапка' — с круглым ровным верхом, с вшитым по краям кантом и с тульей из широкой полочки меха (как у камчатской шапки).

Bojarka (пос. Шемордан) 'боярка' — шапка с высоким закругленным верхом, с широкой меховой оторочкой из выхухоли или ондатры'.

Batygma bürek означала шапку типа «боярки».

В настоящее время распространены шапки из различных мехов типа ушанки и кепки. Поэтому такие шапки называются по меху. Например: *qujan bürek* 'заячья (кроличья) шапка', *qondyz bürek* 'бобровая шапка', *büre bürek* 'волчья шапка', *tölke bürek* 'лисья шапка', *susar bürek* 'шапка из куницы', *muton bürek* 'мутоновая шапка', *ryžik* 'пыжиковая шапка', *qarakül* 'каракулевая' и т. п. Называются шапки по материалу: *kün bürek* 'кожаная шапка', *suqna bürek* 'шапка с суконным (вообще с матерчатым) верхом'.

Названия нижних головных уборов

В старину еške baš kijemnäre 'нижние головные уборы' татары никогда не носили без верхних головных уборов. Например, поверх тюбетеек мужчины всегда надевали шапки и шляпы. Женщины же носили калфачки только под платками и шалью. Названия нижних головных уборов могут быть подразделены на три группы: 1) мужские, 2) женские, 3) общие.

Названия мужских нижних головных уборов

Tübätäj в говорах tebeti, tübäkäj (Д-II), tibetej (Д-I), käläpuş (казан.), karpäç (ТРС, ТТДС), taquja (К. Насыйри), kälpäк (ТТДС) 'тюбетей'⁴, небольшой головной убор в виде усеченного конуса или полушара.

Тюбетей шили обычно из добротных тканей. Они различались по названиям тканей: xätfä tübätäj//bärxet tübätäj 'бархатный тюбетей', parçä ~, ädräs ~, biqäsär ~, satıjn tübätäj 'парчовый ~, адрасовый ~, бикасаповый ~, сатиновый тюбетей'.

Бархатные тюбетейки обычно вышивались жемчугом, золотой или серебряной канителью, украшались нашитыми теньками. (Tänkä 'тенка' — серебряные или золотые монеты различного достоинства, просверленные или снабженные петельками для пришивания к украшаемому предмету, или специально изготовленные ювелирами круглые бляшки-украшения). По материалу украшения назывались и виды тюбетеев: enzele ~, uqaly ~, känätile ~, tänkäle tübätäj 'тюбетей, (украшенный) жемчугом, позументом, канителью, теньками (монетами)'.

Названия давались также по форме вышитых узоров: çit jully tübätäj//qırşaulı tübätäj 'тюбетей с волнистыми параллельными линиями, вышитыми позументом'; по количеству вышитых узоров: öç ürnäkle, dürt, biş ürnäkle tübätäj 'трех-, четырех-, пятиузорные тюбетейки'; по виду рисунка: jaıraqly ~, joldyzly ~, almaly tübätäj 'тюбетей с узорами листьев, ~ звездочек, ~ яблочек'.

Сшитые из дорогих тканей, украшенные жемчугом и позументом тюбетейки носили женихи, молодожены, состоятельные люди. Их называли kijäü tübätäje 'тюбетей для жениха', bajlar tübätäje 'тюбетей для богатых'. Вышитые шелком тюбетейки продавались обычно сельским жителям, их называли awıl tübätäje 'тюбетей для села'.

В настоящее время различаются тюбетейки: tatar tübätäje 'татарские тюбетейки'. Это тюбетейки с ровным верхом, боковая часть их для придания жесткости простегивается косыми рядами швов через 0,3 см, а между швами пропускается суровая нить или конский волос. По форме тюбетейки похожи на усеченный конус; üzbäk tübätäj 'узбекский тюбетей' — островерхий, вышитый, нестеганный; boxar tübätäje 'бухарский тюбетей' — вышитый белыми нитками по черному фону, жесткий, складывающийся.

Käläpüş (< перс. *кәллә* 'голова', *пуш* 'покрыть') *кәләпуш*⁵ в некоторых местах, например в Казани, то же, что и tatar tübätäje. На форму этого тюбетейки, по-видимому, оказал влияние турецкий головной убор *фес* (феска). *Фес* имеет форму высокого усеченного конуса с кистью в

⁴ Форма «тюбетей», в отличие от общепринятой «тюбетейка», используется нами в качестве термина с нейтральным значением.

⁵ Такая орфография русского написания, в отличие от принятой в этнографической литературе формы *каляпуш*, больше соответствует произношению татарского слова.

середине тульи. В связи с обычаем татар-мусульман носить поверх тюбетей головной убор, *фес* видоизменился: его стали делать значительно ниже, и со временем он превратился в разновидность национального тюбетей — *кэлэпуш*.

Названия женских головных уборов

Qalfaq//qalraq в современном татарском языке имеет два значения: 1) вышитые жемчугом, канителью и т. д. бархатные головные уборы, надеваемые в праздники как украшение; 2) шапочки фабричной и ручной вязки, употребляющиеся как спортивный или повседневный головной убор.

Историко-этнографические и лингвистические данные показывают, что слово qalfaq, qalraq вначале означало вообще всякий головной убор облегченного типа, потом — вязаную из шерстяных ниток шапочку, а впоследствии — вышитую нарядную бархатную шапочку.

Названия разновидностей *калфачков*. Их довольно много. Н. И. Воробьев разделяет их, в зависимости от того, в какой социальной среде они использовались, на два основных вида: awyl qalfaqу 'деревенский калфачок', šähär qalfaqу 'городской калфачок'.

Awyl qalfaqу вязался обычно из белых шерстяных ниток («резинкой») длиной до одного метра. Края шапочки скатывались в несколько слоев, к ее верху прикрепляли кисть, которая свисала назад. Этот головной убор часто упоминается в старинных народных песнях.

Šähär qalfaqу вязался из разноцветных ниток длиной в 60 см, края его также скатывались в несколько слоев. Кисть городских калфачков свисала сбоку. Позднее городские калфачки стали шить из бархата. Со временем они превратились в предмет украшения. В отличие от них длинные вязаные калфачки стали называться bogупуу qalraq 'старинный калфак'.

Названия разновидностей форм калфачков

Tartma qalfaq букв. 'калфачок-коробочка'. Передняя часть его украшалась. Это обстоятельство нашло отражение в названиях: jassy qugrуly qalfaq 'калфачок с широкой оторочкой', qugrуу ike ille qalfaq 'калфачок с оторочкой шириной в два пальца'.

Qarçуq qalfaq 'калфачок-мешочек', mögez qalfaq 'калфачок в виде рогов', kögäk qalfaq 'калфачок-лопаточка' (ТТДС). Эти названия отражают форму оторочки и верха.

Названия по отделке: enzele qalfaq 'калфачок с жемчугом', uqaly qalfaq 'калфачок с позументом', kânâtîlle//kânitille qalfaq 'калфачок (вышитый) канителью', täñkäle qalfaq 'калфачок с монетами', mägžänle qalfaq 'калфачок с кораллом', gärbäle qalfaq 'калфачок с янтарем'.

В татарских диалектах слово qalfaq произносится со звуком *п* (*р*), то есть qalraq. Последняя форма в других тюркских языках означает различные виды головного убора: в турецком — kalrak 'шапка, папах', astrауап kalraqу 'астраханская шапка' (Тур. РС). Прежде это слово обозначало островерхую шапку, носимую поверх тюбетеев, а также всякий головной убор, изготовленный из валяной шерсти (Буд. II); у киргизов — остроконечная войлочная шляпа (Буд. II); башк. qalraq — «головной убор молодой женщины и шляпа» (ДПИБ, Башк. РС), карач.-балк. — «самодельная войлочная шляпа с широкими полями» (Отаров И. М.), казах. — «летний мужской головной убор» (КТТС),

кум. — «головной убор» (Кум. РС), ккалп. — «шляпа» (К-КРС), уйг. — «головной убор» (Уйг. РС), ног. — «колпак», «верх шапки» (Ног. РС).

Kättäzi (с. Новый Кинер, Байкал-Арского р-на), фонетические варианты в говорах: kärtäši, kärtäsi, kättäci, kättäsi, kättäzi (ТТДС, 271) — *каттажи, каттаже* — женский головной убор из бархата, напоминающий кэлэпуш, но в отличие от него нестеганный и с овальным дном, спереди вышитый. Подобный головной убор похож на фес-шапочку крымских татарок, и поэтому Н. И. Воробьев допускает возможность проникновения его из Крыма (стр. 282). Происхождение самого названия еще не выяснено.

В указанных говорах этот головной убор одновременно назывался исконными татарскими словами taquja 'такия (тафья)' или kārāč (см. ниже). Вышитую спереди такию, похожую на тюбетей, называли *каттажи* (с. Средние Кирмени Мамадышского р-на).

Bašlyq в разное время означал различные формы головных уборов: в настоящее время в Заказанье так называют шерстяные шапочки, калфаки, капюшон (ТРС), вообще головной убор мягкой формы, за исключением шляп и меховых шапок. Мишари Мордовской АССР называют башлыком eñzele qalfaq (см. выше). В Шемордане под этим названием известны два вида старинных шапок: 1) солдатская суконная шапка своеобразной формы, с длинными наушниками, которыми обвивали шею; 2) суконная шапка, сзади прикрывавшая шею.

В других тюркских языках: башк. bašlyq 'башлык', 'вязаная детская шапочка, обычно с кистью', туркм. — 'башлык, капюшон' (ТДС), кумык. — 'башлык, капюшон'; 'изголовье' (Кум. РС), ног. — 'башлык' (Ног. РС), тур. — başlıq 'головной убор, башлык, капюшон' (Тур. РС).

Названия, обозначающие головные уборы, общие для мужчин и женщин

Kārāč (с. Новый Кинер Байкал-Арского р-на) — женский головной убор типа *кэлэпуш, каттаже, каттажи* (см. выше).

Встречается употребление этого названия с пренебрежительным оттенком о надоевшем или непривычном головном уборе: Uzenen älege kārāčen kigän 'Надел свою известную чеплашку'. Başynda nindider kārāč 'На голове какая-то шапочка'.

Kārāč в некоторых говорах среднего и мишарского диалектов (ТТДС), kārāč в сибирском диалекте (КСТТ) означает «тюбетей», qazan kārāče (тат.-мишар.) 'кэлэпуш'.

Известно употребление данного слова в других тюркских языках: в старокыпчакском письменном документе XIII века *кепеш* — головной убор, вокруг которого закручивается тюрбан (ТАС); в диалектах турецкого языка *караса* — род головного убора; *kafäci* — шапка суконная, обертываемая белым муслином (Р—II—I), в современном башкирском kāräs 'шапка' (Башк. РС).

Kälpräk (Рыбная Слобода), tälpäräk (Д—II) то же, что и «тюбетей».

Встречается это слово в разных фонетических вариантах и в других тюркских языках: в казах. telpräk 'татарская тюбетейка' (Р—III—I), в современном казахском языке 'вид головного убора типа такия' (КТТС), в кирг. телпек 'меховая шапка' (Р—III—I), в совр. кирг.: 1) *пренебр.* 'шапочка', 2) южн. 'мужской головной убор, шапка', 3) в эпосе — 'шапка из дорогого меха' (Кирг. РС), в узб. телпак 'теплая

шапка (обычно меховая)' (Узб. РС), ккалп. *теллек* 'шапка (меховая или матерчатая)' (К-КРС).

Qalfaq — qalpaq — kälpäk — tälpäk — tilpäk в говорах татарского языка и в других тюркских языках — варианты слова одного корня с общим значением «головной убор» или с узким значением 'определенный вид головного убора'. По мнению Р. Г. Ахметьянова, эти названия восходят к персидскому *källäräk* 'головной убор' (*källä* 'голова', *räk* 'одевание') («Этим. основы...», стр. 170).

Taquja как название головного убора в разных говорах татарского языка раньше употреблялось в следующих значениях:

а) мужской головной убор—тюбетей (это значение дано в словаре заимствований из арабского и персидского языков — ГРТАС). Н. И. Воробьев считал, что так именуется сферический вид тюбетей, К. Насыри и Л. З. Будагов — вышитый тюбетей. В последнем значении употреблял данное слово писатель Шакир Мухаммадов: *Sary saqally keşe... jarty qadaq čia ülcäter uqaly taqujasyna saldyrdu* (Ш. Мөхәммәдов. Сайланма әсәрләр. Казан, 1957, стр. 69). 'Человек с рыжей бородой просил взвесить полфунта вишни и положить в такую, вышитую канителью'.

В других тюркских языках: в казах. *тақия* (КТТС), в узб. *тақя* (Узб. РС), в турец. *takke* (Тур. РС) — 'тюбетей, шапка, мужской головной убор'.

б) Taquja — в Мамадышском, Кукморском районах Заказанья, *tajka* — в мишарских говорах означал и девичий головной убор, калфачок. Это значение зафиксировано в «Татарско-русском» и «Диалектологическом» словарях (ТРС, ТТДС). В других тюркских языках: башк. — *такыя*, чуваш. *тухия*, кирг. *такия* имеют то же значение.

Название *taquja* в значении «девичий головной убор» нашло отражение в выражении *taqujaly čaq* 'та пора, когда носят такую', то есть девичий возраст: *Tajkaly čakny jakşy ata-ana evendä tyrgyga, tastarly bulgas avug* (ТТДС) 'Жить у родителей хорошо, когда на голове такая, а в тастаре тяжело' (*такую* носят девушки, а *тастар* повязывают замужние женщины).

В киргизском языке слова *такиялуу* 'в такие' (Кирг. РС), в турецком — *такыялы кыз* (Р—III—I) также употребляются в значении «девушка, незамужняя девица».

в) В селе Новый Кинер Заказанья — *taquja*, в говоре пензенских мишарей — *tajka* (Д—II) 'детский головной убор, сшитый из мягкой ткани, украшенный бусами, пуговицами' и т. д.

г) В сибирском диалекте *taquja* 'шапка без наушников', которую обычно носят поверх платка пожилые женщины: *Quşyn qortqajqlar taquja kiep jöritelär* (КСТТ) 'Зимой старухи ходили в такие'.

д) В Заказанье *taquja* означает сплетенный обычно из живых цветов ободок, венок. Это значение в словосочетании *čäčäk taquja* зафиксировано в «Татарско-русском словаре». В народных песнях это понятие передается первой частью сочетания со словом *čäčäk* 'цветок', выражающим прямое значение предмета как украшения: *Kimä qalfaq, bäjlä čäčäk, Säčäk bäjli torğan čaq* 'Не носи калфак, повяжи венок, сейчас такой возраст — ходить в венке...'

Taquja, заимствованное из татарского в русский язык как «тафья», в древней Руси означало род шапочки царей и именитых бояр, украшенный драгоценными камнями (Н. Костомаров).

В. В. Радлов, Н. К. Дмитриев и некоторые другие предполагали, что слово заимствовано тюркскими языками из персидского *taquja*.

Таким образом, прослеживая эволюцию слова *taquja* в татарском и некоторых других тюркских языках, можно заметить постепенное сужение его значения: в старину *taquja* — верхний головной убор, род шапки; затем — вид мужского или девичьего головного убора с украшениями — наподобие тюбетея или калфачка и, наконец, — не головной убор, а головное украшение, венок из цветов, надеваемый обычно девушками.

Eşlärä 'шляпа'. В настоящее время повсеместно принятый головной убор. В зависимости от своего материала шляпы имеют следующие названия: *kijez eşlärä* 'валяная шляпа из шерсти с широкими полями, овальной тульей'. Обычно их носили и летом, закрываясь от солнца. Шляпы из белой шерсти назывались *aq eşlärä* или *tatar eşläräse*, а шляпа из черной или смешанной черно-белой шерсти называлась *keräşen eşläräse* 'шляпа крещенных (татар)'. Еще были: *syğyan eşlärä* 'стеганая шляпа' или *tuğyta eşlärä* 'тканевая шляпа', *čürgräk eşlärä* 'тряпичная шляпа', соответствующего изготовления.

Войлочные шляпы носили обычно, не поднимая полей и не сменяя тульи. Этим татарские шляпы отличались от европейских.

В настоящее время названия новых головных уборов заимствуются обычно через русский язык, в некоторых случаях они претерпевают изменения в соответствии с фонетическими законами татарского языка: *кепка*//*kırpe*, *берет*//*birit* и т. д.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- | | |
|-----------------------------|---|
| <i>Башк. нар. песня</i> | — «Йырзар». Өфө, 1968. |
| <i>Башк. РС</i> | — «Башкирско-русский словарь». М., 1958. |
| <i>Н. Воробьев, 1930</i> | — Н. И. Воробьев. Материальная культура казанских татар. Казань, 1930. |
| <i>Н. Воробьев, 1953</i> | — Н. И. Воробьев. Казанские татары. Казань, 1953. |
| <i>ГТРАС</i> | — К. З. Хәмзин, М. И. Мәхмүтов, Г. Ш. Сәйфуллин. Гарәпчә-татарча-русча алынмалар сүзлеге. Казан, 1965. |
| <i>Д-I (Д-II), (Д-III)</i> | — «Диалектологик сүзлек». I кискәк. Казан, 1948; II кискәк. Казан, 1953; III кискәк. Казан, 1958. |
| <i>Дмитриев</i> | — Н. К. Дмитриев. Строй тюркских языков. М., 1962. |
| <i>ДПИБ</i> | — С. А. Авижанская, Н. В. Бикбулатов, Р. Г. Кузеев. Декоративно-прикладное искусство башкир. Уфа, 1966. |
| <i>Кирг. РС</i> | — «Киргизско-русский словарь». М., 1965. |
| <i>К-КРС</i> | — «Қарақалпақско-русский словарь». М., 1958. |
| <i>К. Насыйри</i> | — К. Насыйри. Сайланма әсәрләр. Казан, 1956. |
| <i>КРПС</i> | — «Караимско-русско-польский словарь». М., 1974. |
| <i>КСТТ</i> | — Д. Г. Тумашева. Көнбатыш Себер татарлары теле. Казан, 1961. |
| <i>КТТС</i> | — «Қазақ тілінең түсіндірме сөздігі». I т. Алматы, 1959. |
| <i>Кум. РС</i> | — «Кумыкско-русский словарь». М., 1969. |
| <i>Н. Костомаров</i> | — Н. Костомаров. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. Исторические монографии. Т. XIX. СПб., 1887, стр. 100. |
| <i>Ног. РС</i> | — «Ногайско-русский словарь». М., 1963. |
| <i>Отаров И. М.</i> | — И. М. Отаров. Профессиональная лексика карачаево-балкарского языка. Нальчик, 1978. |
| <i>Р-I-1, Р-I-2 и т. д.</i> | — В. В. Радлов. Опыт словаря тюркских наречий. М., 1963, т. I, части 1 и 2; т. II, части 1 и 2. |

- РТС* — «Русско-татарский словарь». Т. I, 1955; т. II, 1956; т. III, 1958; т. IV, 1959. Казань.
- РК—БС* — «Русско-кабардино-балкарский словарь». М., 1965.
- ССТ.-ТН* — Л. З. Будагов. Сравнительный словарь турецко-татарских наречий, т. I. СПб., 1869; т. II. СПб., 1876.
- СРЯ* — С. И. Ожегов. Словарь русского языка. М., 1963.
- Тат. нар. песня* — «Татар халык жырлары». Казан, 1965.
- ТАС* — А. К. Курышжанов. Исследование по лексике старокыпчакского письменного памятника XIII века «Тюркско-арабского словаря». Алма-Ата, 1970.
- Тат. мишари* — Р. Г. Мухаммедова. Татары-мишари. М., 1972.
- ТДС* — «Түркмен дилинең сөзлүгү». Ашгабат, 1962.
- ТРС* — «Татарско-русский словарь». М., 1966.
- Тур. РС* — «Турецко-русский словарь». М., 1977.
- ТТДС* — «Татар теленең диалектологик сүзлеге». Казан, 1969.
- Узб. РС* — «Узбекско-русский словарь». М., 1959.
- Уйг. РС* — «Уйгурско-русский словарь». М., 1968.
- Этим. основы...* — Р. Г. Ахметьянов. Этимологические основы лексики татарского языка. Канд. дисс., 1970.

РЕЦЕНЗИИ

«ИСТОРИЯ КАЗАХСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ». В ТРЕХ ТОМАХ. ТОМ ВТОРОЙ. «ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ КАЗАХСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»

ПОД РЕДАКЦИЕЙ И. Т. ДЮСЕНБАЕВА. ИЗД-ВО «НАУКА», АЛМА-АТА,
1979, 340 стр.

Важным этапом в развитии казахского литературоведения стало создание коллективом авторов фундаментального исследования — трехтомной «Истории казахской литературы». Рецензируемый второй том посвящен казахской литературе дооктябрьского периода. Подобный труд на русском языке издается впервые, и это позволит широкому кругу читателей нашей страны познакомиться с основными тенденциями и особенностями литературного процесса в дореволюционном Казахстане. В книге исследуется устное поэтическое творчество казахов в XV — XVIII веках, анализируются произведения акынов и жырау первой половины XIX века, прослеживаются становление и развитие письменной литературы, процесс утверждения реализма в казахской литературе во второй половине XIX и начале XX века. Обстоятельные разделы посвящены жизни и творчеству казахских просветителей-демократов Чокана Валиханова, Ибрая Алтынсарина, Абая Кунанбаева, а также ряда других видных представителей казахской письменной литературы начала XX века.

Авторы тома прослеживают постепенный переход от фольклора к индивидуальной поэзии и от нее — к письменной литературе, в которой в этот период возникают новые литературные жанры.

Основную часть тома составляют главы и разделы, посвященные литературе XIX и начала XX века, периода, в который происходило становление и утверждение реалистического метода в творчестве крупнейших казахских писателей и казахской литературе в целом. Наряду с написанными разделами в книгу вошли статьи видных ученых-литературоведов, ныне покойных академиков Академии наук Казахской ССР М. О. Ауэзова, К. Д. Джумалиева.

В томе раскрыты основные закономерности историко-литературного процесса в Казахстане, дана классификация этапов развития дореволюционной литературы, рас-

смотрены главные творческие проблемы, возникавшие на протяжении длительного исторического периода — XV—XIX веков и начала XX века. Прослежены возникновение индивидуального творчества, становление письменной литературы, особенности литературных течений, развитие и трансформация жанров, связь и взаимосвязь устного творчества и литературы и т. д.

Том включает введение и пять глав, каждая из которых освещает определенный этап в истории развития литературы. Ко всем главам предпослано развернутое введение, содержащее общую характеристику литературного процесса этапа и краткие литературные портреты наиболее значительных писателей и поэтов.

В первой главе — «Казахская поэзия XV — XVIII веков. Асан-Кайгы. Бухар-жырау» (автор — Н. С. Смирнова) — рассматриваются состояние и особенности казахского устного поэтического творчества на раннем этапе развития письменной литературы, сложный процесс возникновения индивидуального творчества, специфические черты и жанровые особенности литературы. Здесь же дается анализ произведений наиболее ранних представителей казахской литературы, таких, как Асан-Кайгы, Доспамбет, Шалгез и др. Представляют большой научный интерес суждения о творчестве первых казахских жырау, об их роли в духовной жизни казахского общества, о видах поэтической импровизации, творческой манере и жанровой системе отдельных жырау.

Вторая глава — «Акыны и акынское искусство в XIX веке» (основной автор — И. Т. Дюсенбаев) — содержит общую характеристику новой исторической обстановки, сложившейся в Казахстане, и развития литературы в этот период. Сложности и противоречия литературного процесса данного этапа раскрываются посредством анализа произведений Дулата Бабатаева, Шортанбая Каная, Мурата Монкина и др. Наряду с характеристикой творчества этих

поэтов, впервые обратившихся к важным общественным темам, обновивших традиционные формы **жыр, толгау**, эпической поэмы и подготовивших почву для следующего этапа развития казахской литературы, автором раскрыты и их историческая ограниченность, следствием которой были идеализации патриархального уклада казахского народа, непонимание и недооценка прогрессивного значения сдвигов, происходивших в общественной жизни того времени.

В этой главе большое место отведено литературному наследию одного из крупнейших представителей казахской литературы Махамбета Утемисова (автор — К. Д. Джумалиев), чье творчество было тесно связано с крестьянским движением и отражало думы и чаяния сельских тружеников. Полно и глубоко проанализированы стихи этого поэта, пронизанные бунтарским духом и верой в народ, раскрыты их самобытность, прослежено творчество его последователей — Шернияза Жарилгасова, Алмажан Азаматовой, Суюнбая Аронова и др. (автор — Б. Акмуканова).

В третьей главе — «Письменная литература. Просветительство» (основной автор — А. Дербисалин) — на широком фоне общественно-культурного развития описано зарождение и формирование казахской письменной литературы и ее идейно-эстетических основ. Характеристика основных художественных принципов поэтов-просветителей опирается на всесторонний анализ идейно-тематического содержания, образных средств и художественных приемов произведений зачинателя письменной литературы Ибрая Алтынсарина, литературоведческих трудов и публицистики первого казахского ученого-этнографа Чокана Валиханова. Большое внимание уделено проблеме становления реализма в казахской литературе, расширению тематического диапазона художественной литературы.

Следует считать обоснованным выделение автором из плеяды писателей этого периода таких наиболее значительных, как Ибрай Алтынсарин, Чокан Валиханов, Ахан Корамсин и Шангерей Букеев, творчество которых наиболее полно отразило идейные течения, возникновение новых тематических, жанровых, художественных особенностей в литературе того времени (автор глав о Ч. Валиханове и Ш. Букееве — З. А. Ахметов).

В четвертой главе — «Становление реализма. Абай Кунанбаев» (автор — М. О. Ауэзов) — подняты важные проблемы ли-

тературного метода, новаторства и традиций, развития жанров, усовершенствования стихотворной формы. Хронологически последовательно прослежены эволюция поэтического мастерства Абая Кунанбаева, его новаторство, расширение им границ поэтического осмысления действительности, тематическое богатство его наследия, обновление им старых поэтических канонов, творческое использование опыта русской литературы. Автором рассмотрены особенности реализма Абая, заключающиеся в критическом анализе сложных социальных явлений его эпохи, в правдивом изображении жизни различных слоев современного ему общества.

Сравнительно короткому, но предельно насыщенному политическими и историческими событиями в жизни казахского народа, периоду развития литературы начала XX века посвящена пятая глава — «Литература начала XX века. Ее демократическое крыло». В ней дается развернутая характеристика исторической обстановки, определившей основные направления развития литературы (автор — А. Дербисалин).

Литературный процесс этого периода рассматривается в тесной связи с социально-историческими условиями, идеологической и классовой борьбой в казахском обществе. Глубиной анализа отличаются в этой главе разделы о творчестве С. Торайгирова, М. Сералина, С. Кубеева, Т. Изтлеуова и С. Донентаева (основной автор главы — С. С. Кирабаев). В их произведениях обрели свое художественное отображение духовное и политическое пробуждение казахского народа, его борьба за свободу. Том завершается разделом «Народные песни о восстании 1916 года» (автор — М. Жармухамедов), краткой библиографией литературы начала XX века и указателем имен (составитель — Г. Турсунова).

В целом рецензируемый том «Истории казахской литературы» является капитальным коллективным научным трудом, обобщающим пути развития дореволюционной казахской литературы, раскрывающим ее идейно-художественную эволюцию, особенности основных этапов литературного процесса. Коллектив авторов — сотрудников Института литературы и искусства имени М. О. Ауэзова Академии наук Казахской ССР — проделал большую и нужную работу, заслуживающую самой положительной оценки.

Б. И. Искаков

РЫМГАЛИ НУРГАЛИЕВ. ПОЭТИКА ДРАМЫ. ИСТОКИ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ КАЗАХСКОЙ ДРАМАТУРГИИ.

ИЗД-ВО «ЖАЗУШЫ», АЛМА-АТА, 1979, 244 стр.

Становление казахской драматургии началось позже других видов и жанров национальной литературы, что характерно для большинства литератур тюркоязычных народов СССР. Однако, за сравнительно короткий период развития, начиная с 20—30-х годов, казахская драматургия накопила интересный творческий опыт, выработала собственные художественные традиции.

Казахский литературовед Рымгали Нургалиев вот уже более десяти лет исследует проблемы развития казахской национальной драматургии. Им опубликовано несколько работ в этой области. Рецензируемая монография «Поэтика драмы» как бы подводит итог исследованиям автора.

Р. Нургалиев в своей последней работе стремится изучить наиболее крупные произведения казахской советской драматургии с точки зрения их поэтики и образов, взаимосвязи и трансформации жанров, освоения творческих методов. Основное внимание автор уделяет проблемам литературных коллизий и раскрытия характера персонажей, образа положительного героя и эстетического идеала, соотношения жизненного материала и художественного обобщения, развития фольклорных и литературных традиций.

В начале книги автор кратко останавливается на теории и истории развития жанра драматургии, взаимодействии его с другими литературными жанрами. В работе убедительно показано, что истоки современной казахской драматургии восходят к многовековым традициям мировой, русской и советской драматической литературы. При анализе произведений казахской драматургии Р. Нургалиев опирается на опыт исследований в этой области М. Ауэзова, С. Муканова, И. Джансугурова, Г. Мусрепова, А. Тажибаева, С. Карабаева и других.

Возникновение и развитие казахской драмы теснейшим образом связано с традициями устной народной поэзии, особенно героического эпоса. Исследуя истоки первых сценических произведений казахских писателей, автор монографии оправданно обращается к народному эпосу. Р. Нургалиев прав, когда пишет, что казахские драматурги «...не во всем следовали своим европейским учителям. В выборе темы, в построении сюжетов и создании образов они опирались главным образом на традиции фольклора. В нем, как и в казахском быту, существовали в зародыше элементы театра, были такие художественные формы, которые сами просились на сцену» (стр. 13).

Р. Нургалиев подробно анализирует первые казахские сценические произведения,

созданные на фольклорной основе. Это советская классика: трагедии Мухтара Ауэзова «Енлик — Кебек», «Байбише-токал», драмы Сакена Сейфуллина «На путь счастья», «Красные соколы», пьесы Ильяса Джансугурова «Райхан», «Месть», его трагедия «Исатай — Махамбет», трагедия Жумата Шаннина «Аркалык-батыр».

Убедительны положения автора о теснейшей связи литературы и народных преданий. Говоря о раннем периоде творчества Мухтара Ауэзова, Р. Нургалиев подчеркивает, что богатейший материал казахского героического эпоса послужил для писателя источником многих художественных образов, возникновения самобытных идей и подбора средств их выражения: «Прекрасно зная быт дореволюционного аула, психологию людей, зная среду, в которой он вырос, и легенды, жившие вместе с людьми,— пишет Р. Нургалиев,— М. Ауэзов не мог не писать об этой среде, не осваивать легенды, которые стали частью его, как и его земляков, бытия» (стр. 14).

Трагическая история любви Енлик и Кебек, эта своеобразная степная легенда о казахских Ромео и Джульетте, под пером М. Ауэзова стала не только сказанием о любви, в ней писатель с огромной силой открыл социальные проблемы того времени, внутренние противоречия, междоусобицы, характерные для казахского родоплеменного общества.

Р. Нургалиев тщательно анализирует приемы создания писателями образов положительных и отрицательных героев в сценических произведениях, написанных на основе эпических сказаний. Особое внимание он уделяет новаторству драматургов в области сюжетной композиции, поэтики трагедий и драм. Так, например, в трагедии «Енлик — Кебек» М. Ауэзов, наряду с традиционными фольклорными образами, вводит в число главных героев дополнительные персонажи. Это способствует динамичности развития действия и приводит старый эпический сюжет в соответствие с новыми требованиями сценического искусства.

Трагедию М. Ауэзова «Байбише-токал» автор рассматривает в ряду таких произведений казахской литературы, как «Калым» С. Кубеева, «Красавица Камар» С. Торайгырова, «Памятник Шуги» Б. Майлина, повествующих о бесправном положении казахской женщины в прошлом. По теме эта трагедия созвучна также пьесе Кошке Кемелгерова «Золотое кольцо». На фоне борьбы за имущество, оставшееся после смерти *байбише* — старшей жены в доме, драматург в этом произведении показывает и острую борьбу за власть (в данном слу-

чае — за должность волостного) и родовые распри, характерные для казахского общества в канун революции. Анализируя образы трагедии, Р. Нурғалиев останавливается на речевой характеристике персонажей и других художественных средствах раскрытия характера героев. Мастерство М. Ауэзова в этой трагедии выразилось в том, что драматург сумел на примере распада одной казахской семьи показать трагические противоречия казахского общества той эпохи, стремительно идущего к закату.

Автор монографии убедительно раскрывает поэтику, стилевые и художественные особенности драм С. Сейфуллина «На путь счастья», «Красные соколы», идеи и проблемы которых до сих пор не утратили своего общественно-эстетического значения. В первой пьесе, посвященной традиционной в 20-е годы теме равноправия женщин, Р. Нурғалиев отмечает оригинальность и новизну авторской концепции. Это была одна из первых попыток создания реалистической драмы о дореволюционном быте казахов. В пьесе, как отмечает исследователь, нет риторики, свойственной эпосу, герои пользуются народным разговорным языком. Недалом в 1934 году, на первом съезде писателей Казахстана, М. Ауэзов упомянул пьесы С. Сейфуллина в числе произведений, положивших начало революционной драматургии.

Р. Нурғалиев на примере драмы С. Сейфуллина «Красные соколы» показывает, что новизна темы породила и новые средства художественного выражения. Традиционные образы наполнились новым содержанием. Тулпар здесь не просто быстоногий эпитетический конь, он как бы олицетворяет собой Красного сокола — солдата революции. Вольная птица Сокол превращается в Красного сокола, символизирующего мужественного революционера, вступающего в борьбу со старым миром насилия и несправедливости.

После пьес, созданных на основе фольклорных образов, казахскими драматургами были написаны реалистические драматические произведения, в основе которых лежит современная жизнь. К числу последних относятся пьесы Ильаса Джансугурова «Райхан» и «Месть». Р. Нурғалиев отмечает четкую идейную направленность и стройность композиции этих произведений. Велика заслуга драматурга в создании образа раскрепощенной казахской женщины, в показе духовной эволюции человека.

Одним из главных героев своей пьесы «Месть» И. Джансугуров сделал человека труда — пастуха, что было новым словом в казахской драматургии 20-х годов. Р. Нурғалиев, анализируя эту пьесу, подчеркивает одну из ее коллизий, связанную с трагедией беженцев, покинувших родные края.

В монографии «Поэтика драмы» исследуются произведения драматургов и писате-

лей Сакена Сейфуллина, Беймбета Майлина, Ильаса Джансугурова, Сабита Муканова и других, в которых нашел отражение путь, пройденный казахским народом от феодализма, минуя капиталистическую формацию, к социализму.

Автор обращается к драматургии И. Джансугурова, одним из первых в казахской литературе создавшего образы представителей рабочего класса. В драме «Турксиб» на примере семьи кузнеца Камыспая, приехавшей на строительство железной дороги, И. Джансугуров сумел показать начало великих преобразований в казахской степи, раскрыть особенности характера рабочего-казаха. Исследователь правильно определяет место драмы «Турксиб» в ряду таких выдающихся произведений советской классики, как «Соть», «Люди из захолустья», «День второй», «Гидроцентральный», «Время, вперед!».

В монографии подробно исследуются проблематика и поэтика таких известных произведений казахской драматургии, как трагедии: И. Джансугурова «Исатай-Мамбет», Ж. Шанина «Аркалык-батыр», М. Ауэзова «Каракипчак Кобланды». Новаторская пьеса Б. Майлина «Фронт» посвящена коллективизации в Казахстане, явившейся подлинным революционным переворотом в деревне, затрагивающим все слои тогдашнего общества. Р. Нурғалиев раскрывает сложность идейного замысла драмы, богатство и разнообразие использованных драматургом изобразительных средств.

Интересны мысли автора монографии о состоянии жанра комедии в современной казахской драматургии. Комедии «Торсыкбай» и «Три свояка» Ж. Шанина, а также «Мулла Шаншар», «Обручение», «Очки» и «Порядки Талканбая» Б. Майлина завоевали успех у зрителя благодаря сатирической остроте, юмору в духе народной традиции. В монографии раскрыта самобытность созданных комедиографами художественных образов.

Во второй главе книги — «Социалистическая действительность — решающий фактор развития литературы» — Р. Нурғалиев прослеживает дальнейшее развитие казахской драматургии, ее переход на позиции социалистического реализма. Здесь же анализируются произведения литератур народов Средней Азии и Казахстана, посвященные народному восстанию 1916 года. Сопоставляя романы туркменского писателя Б. Кербабая «Решающий шаг», узбекского прозаика Айбека «Священная кровь», киргизских писателей М. Елубаева «Длинная дорога», А. Токомбаева «Кровавые годы» и пьесу Ж. Турусбекова «Вместо смерти» с произведениями казахских драматургов о восстании 1916 года, Р. Нурғалиев устанавливает как общие, так и индивидуальные черты подхода авторов к отражению этой темы. Так, в пьесах Г. Мусрепова «Амангельды», М. Ауэзова «Зарницы»

не только дана широкая картина жизни народных масс, но и созданы реалистические образы героев — борцов за народное дело.

Анализируя драмы М. Ауэзова «Зарницы» и «Каменное оперение», Р. Нургалиев отмечает: «Скептическое отношение к пьесам М. Ауэзова о советской действительности, утверждение, будто они ниже творческих возможностей драматурга — влияние устаревшей, ошибочной концепции» (стр. 116).

В монографии убедительно показано: современная тема в казахской драматургии берет начало в пьесах С. Сейфуллина, М. Ауэзова, Б. Майлина, Г. Мусрепова, посвященных формированию нового человека в процессе острой классовой борьбы, распаду старой семьи, зарождению качественно новых отношений в казахском обществе и в быту. Герой-современник нашел полноценное отображение в таких произведениях, как пьесы М. Ауэзова «На границе», «Стойкое племя», «Гвардия чести» (в соавторстве с А. Абишевым) — о подвигах гвардейцев-панфиловцев. Эти произведения автор монографии считает этапными для казахской драматургии в процессе развития ее по пути социалистического реализма. При этом Р. Нургалиев характеризует жанровое своеобразие пьесы М. Ауэзова «Алуа» и его фантастической драмы «Дос-Бедел-дос».

Отдельная глава в монографии «Поэтика драмы» посвящена проблеме историзма, образу исторической личности и положительного героя в драматургии. Автор анализирует наиболее значительное произведение на историческую тему — трагедию «Абай» М. Ауэзова, написанную им совместно с Л. Соболевым и являющуюся ярким примером творческого содружества и взаимосвязей литератур братских народов.

Р. Нургалиев подчеркивает, что в создании образа главного героя — борца за свободу, мыслителя, поэта Абая глубоко проявилось драматургическое мастерство автора трагедии.

Автор останавливается и на других произведениях казахской драматургии, посвященных видным историческим личностям. Это — драмы о Сейфуллине С. Муканова, К. Сатыбалдина, А. Сатаева, А. Абишева, драма А. Тажибаева «Майра» о легендарной казахской певице, его же пьеса «Монологи», в которой героями выступают выдающиеся представители казахского народа, драма Ш. Хусаннова «Наш Гани» об одном из первых казахских комсомольцев,

пьесы З. Акишева «Жаяу Муса» о замечательном казахском просветителе и К. Мукашева «Степная баллада» о писателе и драматурге И. Жансугурове.

Пьесы, посвященные историческим личностям, в монографии исследуются с точки зрения их соответствия жизненной и художественной правде.

Единство национального и интернационального рассматривается Р. Нургалиевым как основная особенность советской художественной литературы. Этому вопросу посвящена заключительная глава монографии. В ней говорится о тенденциях развития современной казахской драматургии, ведущими из них, по мнению автора, являются: углубленный психологизм и поиски новых художественных форм и средств.

Автор называет здесь пьесы З. Шашкина «Сердце поэта», Т. Ахтанова «Сауле», комедии К. Мухамеджанова «Жаркое подано», «На чужбине», драму А. Тажибаева «Девушка и солдат» и другие.

Определенное место в книге отведено проблеме инсценировки прозаических произведений. Разбирая сценические варианты повестей Ч. Айтматова и Т. Ахтанова, Р. Нургалиев касается вопросов индивидуализации речи персонажей, использования средств сценической условности, языка современных драм.

Монография Р. Нургалиева «Поэтика драмы» не лишена и некоторых частных недостатков. Основным из них, на наш взгляд, является тот, что автор иногда излишне увлекается подробным анализом и даже пересказом содержания отдельных произведений в ущерб исследованию поэтики драматических произведений.

Книга написана хорошим, образным языком. Тем более досадны отдельные стилистические огрехи, такие, например, как: «она (схватка. — Г. Р.) драматична, насыщена острыми, как кинжал, диалогами» (стр. 33), «преобладает острозычная, напористая Фатима» (стр. 206), «дистилированная, гладкая речь едва ли способна выразить сложность душевной жизни» (стр. 234).

В целом же рецензируемая книга Р. Нургалиева «Поэтика драмы» — ценное исследование, удачно обобщающее опыт советской казахской драматургии и представляющее интерес как для специалистов, так и для широкого читателя.

Г. З. Рамазанов

PERSONALIA

НИГМЕТ ТНАЛИЧ САУРАНБАЕВ (К семидесятилетию со дня рождения)



Исполнилось семьдесят лет со дня рождения одного из крупнейших казахских ученых-лингвистов — академика Академии наук Казахской ССР, заслуженного деятеля науки Казахской ССР, доктора филологических наук, профессора Нигмета Тналича Сауранбаева.

Н. Т. Сауранбаев принадлежит к той замечательной плеяде самобытных казахских ученых, с именами которых тесно связано зарождение и развитие науки в республике. Он по праву считается одним из основоположников советского казахского языкознания¹, ставшего самостоятельной отраслью советской тюркологии².

Н. Т. Сауранбаев родился в июле 1910 года в местности Шарбакты Курдайского района Джамбульской области Казахской ССР. Сын неграмотного казаха-батрака Тнали, он очень рано стал проявлять интерес к знаниям. В числе первых выпускни-

ков он в 1932 году окончил Институт народного просвещения в городе Кустанае, а через несколько лет — аспирантуру при Академии педагогических наук в Ленинграде. Это были годы серьезной теоретической подготовки будущего ученого и педагога.

Трудовая деятельность Н. Т. Сауранбаева началась в 1932 году с работы в области народного просвещения, привлекавшей в то время лучшие силы советской национальной интеллигенции. Ликвидация неграмотности населения и обучение детей казахов в школах требовали решения неотложных задач языковой практики: создания нормативных учебников, учебных и методических пособий, школьных программ по казахскому языку.

Н. Т. Сауранбаев в эти годы является инспектором Наркомпроса, а затем назначается на должность заместителя директора Научно-исследовательского института по школьному образованию. В конце 30-х годов им были написаны два учебника по казахскому языку: один для русских³, а другой для казахских⁴ школ.

В 1938 году Н. Т. Сауранбаев защищает кандидатскую диссертацию по грамматике казахского языка и с 1939 года он — ученый секретарь Терминологического комитета при Совнарком республики. С 1941 года он назначается директором созданного в составе Казахского филиала Академии наук СССР Института языка, литературы и истории.

В 1943 году Н. Т. Сауранбаев успешно защищает в Москве докторскую диссертацию «Система сложного предложения в казахском языке». Он — первый доктор филологических наук из числа казахских лингвистов.

В 1946 году была организована Академия наук Казахской ССР. Н. Т. Сауранбаев был избран ее действительным членом и назначен на должность Председателя Отделения общественных наук. В эти годы под его редакцией выходит журнал «Известия Акаде-

мии наук Казахской ССР. Серия общественных наук». С 1951 года Н. Т. Сауранбаев — вице-президент Академии наук Казахской ССР. В последние годы своей жизни он заведовал отделом истории и диалектологии казахского языка Института языка, и литературы Академии наук.

Особое место в творческой биографии Н. Т. Сауранбаева занимает педагогическая деятельность. Он, начиная с 1938 года, преподавал на филологических факультетах Казахского государственного университета им. С. М. Кирова, Казахского педагогического института им. Абая и Казахского женского педагогического института синтаксис казахского языка, историю казахского общенародного и литературного языка, введение в языкознание и др.

Н. Т. Сауранбаев скончался в 1958 году, в возрасте 48 лет, в самом расцвете творческих сил. Его научно-педагогическая и общественно-организационная деятельность продолжалась всего двадцать пять лет, однако он оставил после себя ценное научное наследие¹, имеющее для казахского языкознания непреходящее значение. Его многочисленные исследования, характеризующиеся широтой научных интересов, посвящены актуальным и узловым проблемам казахского языкознания: созданию и совершенствованию казахской письменности на основе русской графики и орфографических норм родного языка², разработке научных основ терминологии³, исследованию узловых вопросов грамматики⁴, лексикологии и лексикографии⁵, диалектологии⁶, общим проблемам тюркологии⁷ и языкознания⁸, а также решению организационных проблем науки. Особый раздел в научном наследии Н. Т. Сауранбаева составляют учебники, учебные программы и методические пособия для школ и педучилищ⁹.

В исследованиях Н. Т. Сауранбаева ведущее место занимают проблемы синтаксического строя¹⁰ и история формирования ка-

захского (общенародного и литературного) языка¹¹. Именно развитие этих направлений характерно для вузовских курсов и большинства трудов Н. Т. Сауранбаева, составивших основу его научной школы, представителями которой являются его ученики — высококвалифицированные специалисты в области казахского языкознания.

Н. Т. Сауранбаев — ученый глубоких знаний и широких интересов. В его научном наследии немало интересных суждений, значение которых выходит за рамки казахского языкознания. Н. Т. Сауранбаев достойно представлял казахское языкознание и советскую тюркологию на международных форумах. На XXIII Всемирном конгрессе востоковедов в Кембридже (Англия) в 1954 году, выступая с докладом о казахском литературном языке¹², Н. Т. Сауранбаев дал научно аргументированный отпор некоторым зарубежным ученым, пытавшимся умалить роль казахского языка.

Н. Т. Сауранбаев был активным деятелем общественной и культурной жизни республики, ученым широкого научного диапазона, организатором науки и просвещения, пользовавшимся глубоким уважением и непререкаемым научным авторитетом среди своих коллег.

Заслуги ученого были отмечены высокими правительственными наградами: орденом «Знак Почета», медалями и Почетными грамотами Президиума Верховного Совета Казахской ССР. В 1945 году Н. Т. Сауранбаеву было присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки Казахской ССР.

Отмечая 70-летие со дня рождения Сауранбаева Нигмета Тналича, его коллеги и многочисленные ученики подчеркивали большую роль научного наследия ученого в развитии казахского языкознания и его достойный вклад в историю изучения казахского языка.

А. Т. Кайдаров

¹ «Өрелі ғалым, үлгілі ұстаз». — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1968, № 11; *І. К. Кеңесбаев, Ә. Құрышжанов. Азамат ғалым (Н. Т. Сауранбаевтың туғанына 60 жыл толуына)*. — Там же, 1970, № 12.

² *С. К. Кеңесбаев, А. Т. Кайдаров. Казахское языкознание за 50 лет.* — «Вопросы языкознания», 1973, № 1, стр. 99—108; *А. Т. Кайдаров, Ш. Ш. Сарыбаев. Развитие казахского языкознания.* — «Советская тюркология», 1977, № 6, стр. 57—66 и др.

³ *Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тілі. Учебник казахского языка для V класса средней школы (первый год обучения)*. Алма-Ата, 1938.

⁴ *Н. Т. Сауранбаев, С. Аманжолов. Қазақ тілінің грамматикасы. V—VI кл. арналған. II бөлім. Синтаксис*. Алматы, 1939.

⁵ *Ә. Құрышжанов. Академик Н. Т. Сауранбаев (Өмірі, қызметі және ғылыми мұрасы жайында)*. Алматы, 1974.

⁶ *Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тілінің емлесі туралы.* — «Төте оқу», 1938, 16 январь, № 2; *его же*. Орыс тілінен енген сөздердің орфографиясы. — «Халық мұғалімі», 1941, № 10; *его же*. О путях рационализации и унификации современного казахского алфавита. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1950, № 1 и др.

⁷ *Н. Т. Сауранбаев. Қазақ әдеби тілі және оның терминологиясын жасау туралы.* — «Социалистік Қазақстан», 1941, 30 май и др.

⁸ *Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тіліндегі сөз таптары және олардың таптастырылуы туралы.* — «Халық мұғалімі», 1939, № 9; *его же*. Есімдік. — «Халық мұғалімі», 1939, № 23—24; *его же*. Семантика и функции деепричастия в казахском языке. Алма-Ата, 1944 и др.

⁹ *Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тілінің сөздік құрамын зерттеу туралы.* — В кн.: «Қазақ тіл білімінің мәселелері». Алматы, 1951; *его же*. Изучение словарного состава казахско-

го языка. — В сб.: «Вопросы изучения языков народов Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1952: «Русско-казахский словарь для начальной школы». Составители: Н. Сауранбаев, А. К. Акчулаков. Алма-Ата, 1939; «Русско-казахский словарь». Под общей ред. Н. Т. Сауранбаева. М., 1954 и др.

¹⁰ Н. Т. Сауранбаев, Ш. Ш. Сарыбаев. Диалекты в современном казахском языке. — «Вопросы языкознания», 1955, № 5; *его же*. Казахская диалектология. — «Вопросы диалектологии тюркских языков». Баку, 1958; *его же*. К изучению казахских диалектов. — В кн.: «Вопросы истории и диалектологии казахского языка», вып. 1. Алма-Ата, 1958 и др.

¹¹ Н. Т. Сауранбаев. Некоторые черты древнекыпчакского языка. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1948, № 6; *его же*. О тюркологических работах советских ученых. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1948, № 12 и др.

¹² Н. Т. Сауранбаев. Тіл ғылымы дамуының жаңа кезеңі. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1950, № 9 и др.

¹³ Н. Т. Сауранбаев. Қазақ тілі. Учебник казахского языка. Алма-Ата, 1941; *его же*. Қазақ тілінің грамматикасы. Педучилище оқушылары мен бастауыш мектептердің

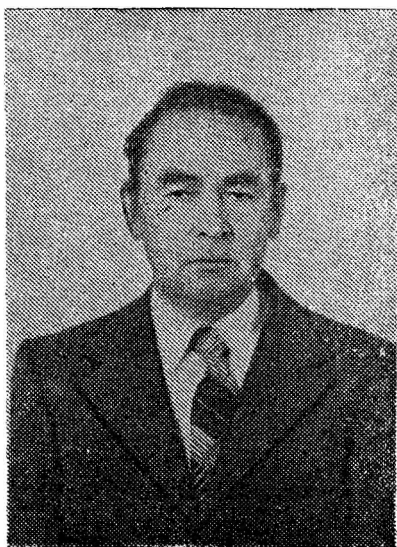
мұғалімдеріне арналған оқу құралы. 1-басылуы. Алматы, 1944; «Қазіргі қазақ тілі». Алматы, 1954 (автор раздела «Құрмалас сөйлемнің синтаксисі») и др.

¹⁴ Н. Т. Сауранбаев. Құрмалас сөйлемдер және олардың даму жолдары. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия языка и литературы», 1944, вып. 1; *его же*. Основные средства связи простых предложений. — «Известия Академии наук Казахской ССР. Серия филологическая». 1946, вып. 4; *его же*. Қазақ тіліндегі құрмалас сөйлемдер жүйесі. Алматы, 1948 и др.

¹⁵ Н. Т. Сауранбаев. К истории казахского литературного языка. — «Вестник Академии наук Казахской ССР», 1947, № 12; *его же*. Роль Абая в развитии казахского литературного языка. — В кн.: «Жизнь и творчество Абая». Алма-Ата, 1954; *его же*. Қазақ әдеби тілінің тарихын зерттеу туралы. — В сб.: «Қазақ тілі тарихы мен диалектологиясының мәселелері», вып. 3. Алматы, 1960 и др.

¹⁶ Н. Т. Сауранбаев. К вопросу об образовании казахского языка. — В кн.: «Доклады советской делегации на XXIII международном конгрессе востоковедов. Секция Ирана, Армении и Средней Азии». М., 1954 (на русском и английском языках).

АХНЕФ АХМЕТОВИЧ ЮЛДАШЕВ
(К шестидесятилетию со дня рождения)



После демобилизации из рядов Советской Армии А. А. Юлдашев окончил факультет иностранных языков Куйбышевского педагогического института и аспирантуру филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. С 1950 года, после успешной защиты кандидатской диссертации «Язык тептярей» А. А. Юлдашев начал работать в секторе тюркских языков Института языкознания Академии наук СССР, где плодотворно трудится по сей день.

В 1966 г. А. А. Юлдашев защитил докторскую диссертацию на тему «Аналитические формы глагола в тюркских языках».

Научные интересы А. А. Юлдашева широки и разнообразны. Его капитальные работы, посвященные диалектам, лексике, морфологическому и синтаксическому строю, а также истории тюркских языков, отличающиеся теоретической глубиной, занимают достойное место среди лучших работ по современной тюркологии.

В центре внимания А. А. Юлдашева находятся вопросы, связанные с изучением глагола, наиболее емкой категории в системе частей речи тюркских языков. Перу его принадлежат такие монографии, как «Система словообразования и спряжения глагола в башкирском языке» (М., 1958), «Аналитические формы глагола в тюркских языках» (М., 1965), «Соотношение дееспричастных и личных форм глагола в тюркских языках» (М., 1977), а также многочисленные статьи: «Категория глагольного вида в башкирском языке», «Принцип выделения и трактовки категорий залога в башкирском языке», «Об аналитических формах настоящего времени в тюркских языках», «К проблеме аналитизма в тюркских языках» и т. д.

В этих трудах детально анализируются структура и семантика словообразовательных и словоизменительных категорий глагола — вида, залога, наклонений, модальности и времени. В них впервые получили

30 июля 1980 года исполнилось шестьдесят лет со дня рождения и сорок лет научно-педагогической деятельности заслуженного деятеля науки Башкирской АССР, старшего научного сотрудника сектора тюркских и монгольских языков Института языкознания Академии наук СССР, доктора филологических наук Ахнефа Ахметовича Юлдашева.

А. А. Юлдашев родился в селе Кальшали Туймазинского района Башкирской АССР в татарской крестьянской семье. После окончания средней школы он продолжает учебу на отделении иностранных языков педагогического училища, а затем работает учителем. С 1942 года и до конца войны А. А. Юлдашев находился в рядах действующей армии. За проявленные в боях самоотверженность и мужество он был удостоен девяти боевых наград.

глубокую научную разработку проблемы аналитических форм глагола.

Большое научно-теоретическое значение имеют работы А. А. Юлдашева, посвященные описанию широко распространенных в тюркских языках деепричастий в их отношении к личным формам глагола. В отличие от своих предшественников, А. А. Юлдашев квалифицирует деепричастия как особую форму включенного предиката, исходя из того, что деепричастие при личном глаголе однозначно связано с подлежащим и опосредованно приобретает значение лица, числа, наклонения и времени. Такое понимание проблемы имеет важное научно-практическое значение, так как позволяет по-новому подойти к классификации структурных типов сказуемых и выделению видов придаточных предложений.

Особое место среди работ А. А. Юлдашева принадлежит монографии «Принципы составления тюркско-русских словарей» (М., 1972), являющейся первым теоретическим обобщением накопленного более чем за двести лет опыта составления тюркско-русских словарей. В книге на основе анализа обширного фактического материала нашли свое решение такие кардинальные вопросы, как принципы отбора и размещения в словаре производных слов, созданных по высокопродуктивным моделям, звукоподражаний и образоподражаний, форм залога и вида глагола, сложных слов и фразеологических единиц, генетически родственных омонимов, фонетических и морфологических вариантов слова и т. п.

Результаты этого важного исследования в настоящее время успешно применяются

не только при составлении тюркско-русских словарей, но и при составлении русско-тюркских и толковых словарей тюркских языков¹. Эта монография стала настольной книгой тюркологов — лексикографов и лексикологов.

Специальные исследования А. А. Юлдашев посвятил методике собирания диалектного материала, диалектам и литературному башкирскому языку, а также отдельным вопросам правописания в тюркских языках.

А. А. Юлдашев руководит составлением академической грамматики башкирского языка. Ряд его работ посвящен вопросам синтаксиса, лексики и ономастики тюркских языков.

А. А. Юлдашев — автор более ста научных работ. Наряду с исследовательской работой он много сил отдает подготовке научных кадров для тюркоязычных республик и областей, редакторской и переводческой деятельности.

Многочисленные коллеги, ученики, друзья желают дорогому Ахнефу Ахметовичу доброго здоровья и дальнейших творческих успехов на благо советской тюркологической науки.

А. А. Чеченов, Э. Р. Тенишев

¹ См.: И. Х. Ахматов. Инструкция для составления «Толкового словаря современного карачаево-балкарского языка». В трех томах. Нальчик, 1976.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРУКТУРА И ИСТОРИЯ ЯЗЫКА

Н. А. Баскаков (Москва). Процессы ареальной интеграции в истории тюркских языков	3
А. А. Юлдашев (Москва). Историческое развитие взаимного залога тюркского глагола	7

ЯЗЫКОВЫЕ СВЯЗИ

В. Л. Гукасян (Баку). Об азербайджанско-грузинских языковых контактах	22
---	----

ВОПРОСЫ ФОЛЬКЛОРИСТИКИ

Ф. Урманчиев (Елабуга). Традиции тюркского эпоса в сказании «Джик Мэрген»	34
---	----

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

П. И. Кузнецов (Москва). К обоснованию теории вербальности тюркского предложения	43
--	----

СООБЩЕНИЯ, ОБЗОРЫ

Н. Дж. Абдуллаева (Баку). Варианты сложносочиненных предложений с пояснительной связью	55
М. И. Трофимов (Ош). О смысловозначительной функции ударения в узбекском языке в сопоставлении с русским	63
Т. Г. Боргоякова (Абакан). Классификация фразеологических единиц хакасского языка по семантической слитности компонентов	72
Э. А. Умаров (Ташкент). Роль мотивировки фразеологизмов в изучении их архаичных компонентов	81
Т. Бегжанов (Нукус). Заметки об этимологии некоторых скотоводческих терминов в каракалпакском языке	85
Р. К. Рахимова (Казань). К изучению татарской профессиональной лексики	90

РЕЦЕНЗИИ

Б. И. Искаков (Алма-Ата). «История казахской литературы»	100
Г. З. Рамазанов (Уфа). Рымгали Нургалиев. Поэтика драмы	102

PERSONALIA

А. Т. Кайдаров (Алма-Ата). Нигмет Тналич Сауранбаев	105
А. А. Чеченов, Э. Р. Тенишев (Москва). Ахнеф Ахметович Юлдашев	108

CONTENTS

STRUCTURE AND HISTORY OF LANGUAGE

- N. A. Baskakov* (Moscow). Processes of areal integration in history of the Turkic languages 3
- A. A. Yuldashev* (Moscow). Historical development of reciprocal voice of the Turkic verb 7

LANGUAGES IN CONTACT

- V. L. Gukasyan* (Baku). On Azerbaijan and Georgian language contacts . . . 22

PROBLEMS OF FOLK-LORISTICS

- F. Urmancheyev* (Elabuga). Traditions of the Turkic epos in legend «Jick Mergen» 34

DISCUSSIONS

- P. I. Kuznetsov* (Moscow). Towards basing of the theory of verbalization of the Turkic sentence 43

REPORTS, SURVEYS

- N. Dzh. Abdullayeva* (Baku). Variants of compound sentences with explanatory clause 55
- M. I. Trofimov* (Osh). On distinctive function of stress in the Uzbek language in comparison with Russian 63
- T. G. Borgoyakova* (Abakan). Classification of phraseological units of the Khakass language by semantic fusion of components 72
- E. A. Uniarov* (Tashkent). Role of motivation of phraseologisms in study of their archaic components 81
- T. Begzhanov* (Nukus). Notes on the etymology of some cattle-breeding terms in the Karakalpak language 85
- R. K. Rakhimova* (Kazan). On study of the Tatar professional vocabulary . . . 90

REVIEWS

- B. I. Iskakov* (Alma-Ata). «История казахской литературы» 100
- G. Z. Ramazanov* (Ufa). Рымгали Нургалиев. Поэтика драмы 102

PERSONALIA

- A. T. Kaidarov* (Alma-Ata). Nigmat Tnalich Sauranbayev 105
- A. A. Chechenov, E. R. Tenishev* (Moscow). Ahnaf Akhmetovich Yuldashev . . . 108

Технический редактор *Б. А. Абдуллаев*

Рукописи не возвращаются

Корректоры *Ф. М. Джавадова, А. А. Гусейнова*

Сдано в набор 29/VIII-1980 г. Подписано к печати 20/I-1981 г. ФГ 26038. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Бум. л. 3,5. Физ. печ. л. 9,8. Усл. печ. л. 11,2. Уч. изд. л. 10,4.
Заказ 6161. Тираж 3143. Цена 1 руб.

Типография издательства «Коммунист», ул. Авакяна, 529 квартал